

ВЫСШЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Г. А. Кирмач

ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА

*Учебно-методическое пособие
по дисциплине «Православная педагогика»
для магистрантов очной и заочной форм обучения
по направлению подготовки 44.04.01
«Педагогическое образование»*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
«ЛУГАНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО»

Г.А. Кирмач

ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА

*Учебно-методическое пособие
по дисциплине «Православная педагогика»
для магистрантов очной и заочной форм обучения
по направлению подготовки 44.04.01
«Педагогическое образование»*

Луганск – 2017

УДК 37.013. 378

ББК 74 я 73

К 43

Рецензенты:

- Ротерс Т. Т.** – заведующий кафедрой теории и методики физического воспитания Луганского национального университета имени Тараса Шевченко, доктор педагогических наук, профессор, академик Академии международной академии педагогических наук;
- Ильченко В. И.** – доцент кафедры всемирной философии и теологии ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Владимира Даля», кандидат педагогических наук, доцент;
- Даренский В.Ю.** – доцент кафедры философии науки и техники ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет», кандидат философских наук, доцент.

Кирмач Г. А.

К-43 Православная педагогика: учеб-метод. пособие для магистрантов по направлению подготовки «Педагогическое образование» / Г. А. Кирмач / ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет имени Тараса Шевченко». – Луганск, 2017. – 204 с.

Учебно-методическое пособие структурировано в соответствии с рабочей программой дисциплины «Православная педагогика» и содержит теоретические и практические материалы для магистрантов очной и заочной форм обучения, по направлению подготовки 44.04.01 «Педагогическое образование». Содержание занятий предусматривает аудиторную и самостоятельную работу магистрантов, написание рефератов, проработку основной и дополнительной литературы, а также представлены вопросы для самопроверки.

Учебно-методическое пособие предназначено православным ученым, преподавателям, научным работникам, студентам университетов, специалистам в гуманитарной отрасли наук (педагогические науки).

УДК 37.013. 378

ББК 74 я 73

Рекомендовано к печати

Учёным советом

*Луганского национального университета имени Тараса Шевченко
в качестве учебно-методического пособия для студентов, обучающихся по направлению
подготовки 44.04.01. «Педагогическое образование»
(протокол № 3 от 27.10.2017 года)*

© Кирмач Г. А., 2017

© ГОУ ВПО ЛНР «ЛНУ

имени Тараса Шевченко», 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Раздел 1. Лекционный курс дисциплины «Православная педагогика»	8
Лекция 1. Становление и развитие православной педагогики.....	8
Лекция 2. Педагогические идеи в святоотеческих трудах.....	31
Лекция 3. Отеческое поучение в православной педагогике. Церковно-педагогическая мысль XVII–XVIII веков.....	59
Лекция 4. Философско-историческое и антропологическое обоснование идеалов православной педагогики в трудах русских религиозных философов конца XIX века–начала XX века.....	85
Лекция 5. Отражение православной педагогической культуры в творчестве К.Д. Ушинского.....	123
Лекция 7. Православная педагогика протоиерея Василия Зеньковского.....	143
Раздел 2. Рабочая программа «Православная педагогика»	160
Раздел 3. Методические рекомендации к семинарским занятиям и самостоятельной работе студентов	194
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202

ВВЕДЕНИЕ

*Будь же ты верен преданьям
Нашей простой старины,
Будь же всегда упованьем
Нашей родной стороны.*

*С верою твердой слепою
Честно живи ты свой век.
Сердцем, умом и душою
Русский ты будь человек.*

(Романов Константин)

Актуальность данного пособия обусловлена воспитательными проблемами в условиях гуманитарного кризиса в Луганской Народной Республике, поиском ответа на вопросы повышения нравственности, жизнеспособности нашего общества, обеспечением национальной безопасности, поскольку XXI век актуализировал духовно-нравственные аспекты цивилизации.

Воспитание и образование являются социальными институтами передачи опыта от одного поколения к другому, отсюда следует, что на переломных этапах развития общества обнажаются вопросы исторических корней и культурных традиций. История отечественного образования базируется на ортодоксальных идеях христианства, которые были искусственно выведены за рамки социальной жизни в советский период развития педагогики. Возрождение веры в конце XX века позволило ученым и практикам (В.А. Беляева, Т.И. Власова, Н.Д. Никандров, В.И. Слободчиков, И.А. Соловцова и др.) обратиться к ее истокам, вернуться к диалогу между светским и религиозным воспитанием.

По мнению современных христианских педагогов и теологов о. Константина (Зелинского), диакона Андрея (Кураева), о. Евгения (Шестуна), о. Киприана (Яценко), введение в общеобразовательную государственную систему религиозно–нравственных дисциплин может приостановить тенденцию нравственного самоуничтожения, реально существующую в нашем обществе.

Противники религиозного воспитания основывают свои возражения на принципе светскости нашего государства. В связи с этим необходимо определить значение данного понятия, которое, являясь культурно-историческим и юридическим, появилось в Западной Европе в результате политической и философской революции с целью упразднения власти духовенства над обществом. Иного смысла в этом понятии нет. Светский характер государства предполагает отсутствие всякого клерикального вмешательства в политику, свободу граждан от какой бы то ни было юридической власти религиозных организаций. История свидетельствует, что такой порядок не влечет за собой запрета религии как таковой и веры людей в Бога.

В ЛНР образование отделено от Церкви, но данное положение не означает, что в учебных программах средних и высших образовательных учреждений не может присутствовать религиозная тематика, поскольку она отражает исторические корни жизни общества и ориентирована на духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Русскую культуру, основанную на православии, невозможно понять без обращения к наследию христианства. Исключение из воспитания и образования этих основ приводит к тому, что молодое поколение оказывается вне мировой культуры и истории.

Современный человек не умеет отстоять в себе добро, он чрезвычайно легко поддается соблазнам и искушениям массовой культуры. Зло стало таким открытым, дерзким и часто безнаказанным в жизни, что оно легко отстраняет добро в душе ребенка. Нельзя уклониться от этой проблемы под тем предлогом, что каждый человек сам ответственен за себя, что наша задача только «поставить на ноги» дитя, – а куда оно пойдет, став на ноги, это уже не наша забота. Такая позиция не только не допустима, но она педагогически преступна.

В свете православной педагогики основные вопросы воспитания получают новое освещение, получают иной смысл. Задача воспитания в свете православной педагогики освобождается от той поверхности, которая присуща определенным течениям современной педагогики, поскольку вера в детскую душу, как основа оправдания всего воспитания, надлежащим образом осмысливается в православном учении о человеке и его свободе.

Православное воспитание отвечает на запросы времени, идет навстречу нуждам жизни и пытается подготовить людей нового склада, с высокими нравственными навыками и понятиями. Современная отечественная школа должна стать институтом духовно-нравственного воспитания, носителем высших идеалов общества, социального прогресса, умственного развития учащихся, способных преодолевать искушения свободой и индивидуализмом.

Правильное сочленение религиозного компонента с образовательным может создать условия для нравственного и культурного самосовершенствования будущего педагога.

Исходными научными основами нашей работы были данные педагогических и богословских наук. В

педагогические науки: светская педагогика (Педагогика, / Е.П. Белозерцев, Т.В. Складорова В.А. Слостенин; Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / С.А. Смирнов, И.Б. Котова, Е.Н. Шиянов; Педагогика высшей школы / Э.Г. Скибицкий, В.В. Егоров, С.М. Ударцева, Г.М. Смирнова, И.И. Ерахтина, В.В. Готтинг); Православная педагогика / Евгений Шестун, Киприан Ященко).

Содержание и структура учебно-методического пособия определены задачами курса «Православная педагогика» для **магистрантов направления подготовки «Педагогическое образование»**. Данный курс может читаться на любом факультете университета как курс по выбору, предполагающий углубленное изучение группой заинтересованных студентов этого очень значительного направления в отечественной педагогике.

РАЗДЕЛ 1

ЛЕКЦИОННЫЙ КУРС ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА»

Лекция 1. Становление и развитие православной педагогики

План

1. Предмет и основные понятия православной педагогики.
2. Ветхозаветные педагогические идеи. Цель и содержание ветхозаветного воспитания.
3. Особенности семейного и общественного воспитания.
4. Христианский идеал, цель и задачи воспитания.

1. Предмет и основные понятия православной педагогики

В последние два столетия в педагогике разрабатывалось немало оригинальных систем, и обращены они исключительно к личности человека, перед которым раскрыто множество путей и возможностей, но не все они ведут к спасению.

В основе – поиск источника духовно-нравственного роста личности, но он определяется свободным признанием или отвержением Бога. Желание обойтись без Бога, уклониться от встречи с Ним проявляется в различных формах:

Натурализм – наиболее приземлённая форма, низводящая мышление до элементарной причинности. Возлагает упование на силы природы и человека, абсолютизирует научное знание и низводит духовную

жизнь к психологизму. Личное бессмертие при таком мировоззрении – «инобытие» в других людях (Ленин).

Трансцендентализм признаёт наряду с силами природы и наличие высшего начала. Но и это учение, не признавая Бога, как единственное высшее начало и умалчивая о демонах, лишает педагогику определённости, а в религиозном плане уводит к мистицизму и оккультизму.

Обращение педагога к обоснованию педагогики с религиозной точки зрения не от знания, теории или разума, – это выбор сердца. Этот выбор труден после периода тоталитаризма и схоластики в образовании. Обращение педагогов к Богу в современной России затруднено почти 200-летней традицией поиска духовного опыта внецерковными методами, что привело к отторжению большей части интеллигенции от Церкви и явилось плодотворной почвой для оккультизма, магизма и сектантства.

В начале 90-х, возник термин **«православная педагогика»**. Некоторые ученые критически восприняли перспективу включения понятия в тезаурус педагогической мысли, не видя возможности его корректного употребления в теории. Однако термин быстро укоренился в общественном дискурсе; он нашел свое место в публицистике и педагогических исследованиях.

В составе учебных планов педагогических вузов появились учебные дисциплины, отражающие различные аспекты православной педагогики, возникли специализации по православной педагогике. Категория получила «путевку в жизнь» – необходимо содержательное осмысление понятия, установление многообразных связей с другими категориями языка педагогической реальности.

Наделение педагогики христианским смыслом, освещение её Светом Христовым следует из понимания христианства как учения спасительного для человечества. Священник Василий Зеньковский говорил о том, что христианство больше знает о человеке, больше верит в него, глубже понимает его, чем философия просвещения.

Цель жизни православного человека состоит в духовном единении с Богом через воцерковление жизни. В основе православной педагогики лежит понимание того, что вне Церкви невозможно достичь основной цели воспитания и жизни. Естественное развитие ребёнка обнимает все стороны бытия человека: тело, ум, чувство, волю и дух, соответственно им и воспитание: физическое, умственное, эстетическое, духовно-нравственное и религиозное.

Православная педагогика – воцерковлённая педагогика и педагогика воцерковления. Воцерковить педагогику – это значит наполнить православным смыслом уже сложившийся научный и категориальный строй педагогики как теории, как науки. Педагогика воцерковления – педагогика преображения, направленная на прояснение Образа Божия в человеке, явление Его миру посредством духовно-нравственного совершенствования человека. В добродетели, в святости, в достижении даров святого Духа.

Если ребёнок является главным субъектом педагогики, ради которого и существуют **педагог и педагогика**, то Церковь – та истинная школа, училище благочестия, подлинной христианской жизни, где Учитель – Христос, Его руководство – заповеди любви и Евангелия, Его чаяния для всех – приход к Нему, обретение разума истины и спасения.

Здесь снова вспоминается онтологический (изначальный, сущностный) аспект древнегреческого

понятия **педагог** – раб-детоводитель, отводящий ребёнка своего Господина к Учителю для обучения в школе. Эта понятнейшая модель служит прекрасным прообразовательным символом, по уяснению которого, многое встанёт на свои места:

Педагог как раб Господина, раб любви в новозаветном истолковании должен быть соратником Господа, преподающим то и так и ведущий ребенка таким образом, чтобы он приводился, прилеплялся и жил в Господе Христе.

Дитя есть достояние Господа, наделённое от Него различными дарами (способностями) и талантами, которые необходимо возвращать и преумножать.

Главной школой для обучения является Мать-Церковь преизобильно исполненная всего необходимого для освящения, просвещения, воспитания, обучения, совершенствования, образования, благодатного преобразования и для спасения в жизнь вечную.

Учителем же в новозаветном смысле является Христос, наш Спаситель, – Который есть главное наше основание, камень педагогического домостроительства, как жизненного, так и педагогического.

2. Ветхозаветные педагогические идеи. Цель и содержание ветхозаветного воспитания

Цель ветхозаветного воспитания определялась особым историческим призванием еврейского народа, дарованием ему Самим Богом особого положения хранителя истинного Боговедения и великих обетований Божьих о спасении греховного человечества. Происшедший от патриархов многочисленный еврейский народ возрел в своей самобытности в колыбели египетского рабства. Выведенный на свободу крепкой рукой Господней, он получил на Синае заповеди Божии и после сорока лет хождения по Аравийской пустыне

поселился в земле Ханаанской. В этой обетованной еще праотцам земле и достигла своего развития жизнь Израиля как народа Божия, подчиненного закону Моисееву, имеющего свою скинию, свое священство, свое пророчество. Задолго до образования Израиля в душах праотцев сложилось особое самосознание, которым впоследствии стал жить весь народ. Это было осознание себя предметом особой любви и особого попечения Божьего. «Ибо часть Господа народ Его, – свидетельствует Божественное Писание, – Иаков наследственный удел Его. Он нашел его в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока Своего; как орел вызывает гнездо свое, носится над птенцами своими, распростирает крылья свои, берет их и носит их на перьях своих, так Господь один водил его, и не было с Ним чужого бога» (1, Втор. 32, 9–12). Пророческая эпоха придала самосознанию народа особую надежду, глубину и ответственность. По Боговдохновенному слову пророка в Израиле должен был явиться Спаситель всех народов, всего мира. Все народы после этого должны будут обратиться к народу Израильскому, чтобы обрести путь спасения. «И будет в последние дни, – возвещал пророк Исаия, – гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы. И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдем на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас Своим путям и будем ходить по стезям Его; ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне – из Иерусалима» (1, Ис. 2, 2–3). Цель воспитания естественно вытекает из цели жизни самого богоизбранного народа, определяемого заветом, который заключил Бог с Авраамом и его потомками. «Я Бог Всемогущий, – говорит Бог Аврааму, – ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою... и между потомками твоими после

тебя в роды их, завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих после тебя» [1, Быт. 17, 1–2, 7]. От Авраама и его потомков требуется признание Бога и следование Его предначертаниям. Стечением времени требования к народу развивались и принимали форму предписаний. Во времена Моисея цель была сформулирована более кратко и выражалась так: «Освящайтесь и будьте святы, ибо Я (Господь Бог ваш) свят... Я Господь, выведший вас из земли Египетской, чтобы быть вашим Богом. Итак будьте святы, потому что Я свят» (1, Лев. 11, 44–45). Последним идеалом ветхозаветного народа и человека была святость, которую понимали как абсолютную верность Завету, неизменного служения Богу, исполнения всех заповедей и наставлений Его. Средством для достижения столь высокого идеала был закон, открытый Богом пророку Моисею на Синае [3, с. 2–7]. История человечества, в том числе и история еврейского народа, со времени Моисея вплоть до Рождества Христова представляет собой цепь величайших чудес и знамений, богоявлений и богооткровений, пророчеств посланников Божиих, действующих именем и силою Господа. Одним из важнейших средств воспитания людей был нравственный закон, данный Господом через Моисея и изложенный в десяти заповедях. Закон определял и основное содержание воспитательного процесса в ветхозаветные времена. По своему происхождению законодательство, данное через Моисея на Синае, принадлежит к чрезвычайным явлениям в истории, когда Господь открывал Себя в непосредственном общении с человечеством через особо избранных для этого людей. Моисей об этом свидетельствует, говоря: «Вот, я научил вас постановлениям и законам, как повелел мне Господь, Бог мой, дабы вы так поступали в той земле, в которую вы вступаете...» (1, Втор. 4, 5). На Синае

произошло торжественное призвание целого народа быть носителем великих истин всемирно-исторического развития. «Вы будете, – говорил тогда Господь, – Моим уделом из всех народов; вы будете у Меня царством священников и народом святым» (1, Исх. 19, 5–6). Этому народу постановлялось вопреки господствующему греху хранить в себе семена здорового, праведного развития. В нём прежде всего должно было находить призвание и осуществление все святое, справедливое, человеческое.

Вопреки грубым принципам языческого мира, состоящим в преобладании физических сил над духовными, здесь должно было первенствовать духовное начало. Безграничный эгоизм получал ограничение, признавалась равноправность другого лица. Несправедливость должна была уступить место высшему закону Божественной правды, весь строй общественной и частной жизни получал такое направление, в котором лучше всего могли быть выражены основы законоположения. Они даны в Синайском законодательстве как выражение свободного союза между Богом и народом на условиях свободы. Но свое назначение призванный народ мог исполнить только принятием и исполнением закона, воплощением его добрых начал в своей жизни.

В соответствии с высокой целью завета Божия Синайское законодательство носит на себе ту степень высокого совершенства, которая вообще отличает дела Божии от дел человеческих. Заповеди Моисея характеризуются высоким нравственным достоинством, святостью и чистотой. Целью этих законов не было внешнее благосостояние призванного народа. Его жизнь подчинялась другой, высшей цели. Законы Моисеевы направлены главным образом на то, чтобы воспитать евреев как народ священный, как семя святое для

освящения всего человечества (1, Лев. 20, 26). Весь смысл Моисеева закона состоял в воспитательном его значении. Во время получения Моисеем закона и заключения Богом завета с отдельным народом человечество находилось в состоянии поисков путей общественной жизни, обеспечивающей ему благополучное бытие и здоровое развитие. Господь в Синайском законодательстве указывает, что этот путь возможен при условии, если взаимоотношения человека с Богом будут иметь характер сыновства. Десять заповедей есть не что иное, как определенное и объективное изложение норм человеческой совести, данной Господом человеку при его создании. Эти отношения требовали от человека веры и послушания. Библейская история после Синайского законодательства свидетельствует о процессе воспитания целого народа в духе веры и послушания. Конкретным объектом веры был Мессия, Избавитель, Спаситель, а средством воспитания – закон [3, с. 113–116].

В законе нет глав, специально посвященных вопросам воспитания детей. Встречаются лишь требования к отцам семейств научению своих детей закону и непрестанному памятованию о Боге. «Вот заповеди, постановления и законы, которым повелел Господь, Бог ваш, научить вас, чтобы вы поступали (так) в той земле, в которую вы идете, чтоб овладеть ею, – свидетельствует Священное Писание, – И да будут слова сии, которые Я заповедую тебе сегодня в сердце твоём (и в душе твоей); и внушай их детям твоим и говори о них, сидя в доме твоём и идя дорогою, и ложась и вставая» (1, Втор. 6, 1, 6–7).. «Только берегись и тщательно храни душу твою, – требует Божественное Откровение, – чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы они не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей; и поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих» (1, Втор. 4, 9). Мы не

можем на основании немногих свидетельств представить полное содержание воспитательного процесса в ветхозаветные времена.

Приведенные слова достаточно точно говорят о том, что в программу ветхозаветного воспитания входили наставления детей в законе и знакомство их с историей жизни родного народа, с историей, которую можно назвать священной, так как это история отношений Израиля и Бога. Мы не находим подробной регламентации воспитательного дела, неизбежного для любой израильской семьи, но как замечает исследователь древнееврейского воспитания прошлого века Н.К. Маккавейский: «Процесс последнего в своем обычном течении, как будто, не озабочивает законодателя, не вынуждает его входить сюда с частными руководственными наставлениями. И однако же он делает исключение для одного вопроса и в этой области; он указывает, чего не должен забыть здесь ни один израильтянин, чему непременно должен он научить детей своих. Такое исключение – факт чрезвычайно важный, знаменательный для нас: оно ясно показывает, где заключался центральный пункт древнееврейского воспитания, и какова была конечная цель его. В немногих словах, сказанных притом как бы мимоходом, выражена вся суть дела. Вот почему подробных регламентаций даже и не требовалось» [3, с. 23-24].

Следует отметить, что содержание воспитательного процесса достаточно серьезно изменилось после вавилонского пленения, но об этом мы подробнее остановимся в последующих наших рассуждениях. С точки зрения педагогики, воспитание в духе Синайского законодательства порождало две основные практические проблемы, которые необходимо было решать: свобода и закон, развитие и закон. В этих рамках и рассматривалось

влияние на становление человека его природы, воспитателя и Бога. Понимая, что человек несет в себе образ Божий, ветхозаветная педагогика тем не менее не могла почерпнуть из Откровения почти ничего для религиозного богопознания и познания человека. Однако «сокровенный Бог» пророка Исаии (1, Ис. 45, 15), «Бог Израилев, Спаситель», видимым образом Своей природы не обнаруживающий, не остается Богом неведомым. Он говорит и требует ответа, Он открывает Свое имя и зовет по имени тех, кого избирает: Авраама, Исаака, Иакова. Он входит в общение с человеческими личностями. Это верно как для иудеев до пришествия Христа, так и для верующего иудаиста наших дней. Приведем следующее свидетельство Мартина Бубера: «Великое деяние Израиля не в том, что он преподавал единого истинного Бога, Того Единого, Который есть Начало и Конец всего, но в том, что Он показал, что можно действительно к Нему обращаться и говорить Ему «Ты», стоять пред Его Лицем. Израиль первый понял это, и, что неизмеримо больше, вся прожитая им жизнь была диалогом между человеком и Богом» [2. с. 120]. Бог не отказывает в личном общении с Собой, ведет живой разговор с человеком и с целым народом. Он обращается к людям, и они Ему отвечают, что выражается в последовательности конкретных событий, которые развертываются как Священная История. Однако бездна Его природы остается запретной для всякого познания. Невозможность представить себе мир вне истории и запрет на познание Божественной сущности – две основные составляющие бытия ветхозаветного человека. Поэтому педагогическая задача в то время состояла лишь во внешнем согласовании воли Божией и воли человеческой. В союзе Бога с Ноем, Авраамом, Моисеем предписывался закон господства Божия над избранным Им Себе народом, дабы совершилось дело

Искупления, подвластное только Богу. Закон выявлял особое подчинение человека иному, не Божию господству. Есть «третья воля», которой и покорился своевольно первый Адам, соблазненный обещаниями псевдообожения. С этой извращенной волей, с этой силой, враждебной Богу, по ошибке Адама и проникло в жизнь человека господство греха и смерти. Закон Моисея указывал на бессилие человека перед законом «греха и смерти». Согласие с волей Божией стало проявляться тогда в исповедании греха, в осознании того, что одно только вмешательство Самого Бога может вывести людей из создавшегося положения, люди жили верой в сопутствующее закону обетование - в то обещание, без которого закон не мог бы быть выражением Божественной икономии и «детоводителем ко Христу» (1, Гал. 3, 24). Воспитание в еврейском народе было строго согласовано с Божественным Откровением, где человек понимался как носитель «образа Божия» и одновременно «семени греха». Родители воспитывали ребенка в Боге и для Бога. Воспитание должно было через изучение Божественного Откровения определить обязанности человека, чтобы он стремился быть святым, как свят Господь (1, Лев. 11, 44]. С другой стороны, в процессе воспитания необходимо было отсекал в детях те греховные наклонности, которые проявляются в человеке с ранних лет. Более подробные разъяснения по практике ветхозаветного воспитания мы встречаем в книгах притчей Соломоновых и Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Первая из этих книг содержит в себе собрание нравственных советов и наставлений, имеющих практическую направленность. Эти советы являются плодом пережитого личного духовного опыта автора и многовековых традиций народа. Они имеют большое воспитательное значение не только для детей, но и для взрослого человека. Даются эти уроки от лица

Премудрости, которая готова везде встретить человека, если он имеет желание внимать ей. Она «возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою» (1, Притч. 1, 20–21). Содержание этих наставлений охватывает достаточно большой круг нравственных задач, стоящих перед человеком. В них подчеркивается великое значение мудрости, знания и гибельность невежества и глупости, спасительность правой жизни и опасность жизни греховной. Правда и ложь, щедрость и скупость, смирение и гордость, трудолюбие и лень, бедность и богатство, мир и раздор, доброта и жестокость, молчание и многоглаголанье – вот достаточно не полный перечень нравственных проблем, ответы на которые мы находим в данной книге. Принцип, на котором основано нравственное мировоззрение человека того времени, выражается следующими словами книги: «Блажен человек, который снискал мудрость, и человек, который приобрел разум, — потому что приобретение ее лучше приобретения серебра, и прибыли от нее больше, нежели от золота: она дороже драгоценных камней; (никакое зло не может противиться ей; она хорошо известна всем, приближающимся к ней,) и ничто из желаемого тобою не сравнится с нею... Она – древо жизни для тех, которые приобретают ее, – и блаженны, которые сохраняют ее!» (1, Притч. 3, 13-15, 18). Человек, согласно Божественному Писанию, не должен считать разум с его природными познавательными и творческими силами основным руководящим началом жизни. Для премудрости есть другое высшее начало – «страх Господень». «Начало премудрости - страх Господень» – восклицает псалмопевец Давид (Пс. 110, 10) «Начало мудрости – страх Господень; (доброе разумение у всех, водящихся им;

а благоговение к Богу – начало разума)» – вторит ему премудрый Соломон (1, Притч. 1, 7; 9, 10). Истинное знание, правильное пользование разумом само приводит к основному своему началу – к Богу и страху Господню. «Если будешь призывать знание и взывать к разуму; если будешь искать его, как серебра, и отыскивать его, как сокровище, то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге, Ибо Господь дает мудрость; из уст Его – знание и разум» (1, Притч. 2, 3–6). «Начало премудрости – страх Господень» – этими словами выражен основной принцип ветхозаветной гносеологии. Страх Господень приносит в жизни человека обильные плоды: «Страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся» (1, Притч. 10, 270); в страхе пред Господом – надежда твердая, и сынам Своим Он прибежище. Страх Господень – источник жизни, удаляющий от сетей смерти» (1, Притч. 14, 26–27); «Страх Господень ведет к жизни, и кто имеет его, всегда будет доволен, и зло не постигнет его» (1, Притч. 19, 23).

3. Особенности семейного и общественного воспитания

Наставление детей в страхе Господнем Священное Писание предписывает в первую очередь родителям, и начинаются эти наставления в детском возрасте, ибо первые впечатления глубоко запечатлеваются в душе ребенка и остаются на долгие годы: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится» (1, Притч. 22, 6). Семейные отношения уподоблялись отношению Бога к своему народу, поэтому от детей требовалось почтение к родителям: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле» (1, Исх. 20, 12). Эта заповедь с раннего возраста запечатлевалась в душе ребенка. В его сознании родители занимали место,

подобное тому, какое Бог занимает перед всем народом. Почтительность к родителям сливалась с благоговением и страхом перед Богом: «Глаз, насмехающийся над отцом и пренебрегающий покорностью к матери, выключит вороны дольные и сожрут птенцы орлиные!» (1, Притч. 30, 17). Произнесший хулу на отца или мать всенародно подвергался проклятию и осуждался на смертную казнь (1, Исх. 21, 17). Такая же участь постигала и того, кто осмеливался ударить отца или мать (1, Исх. 21, 15).

Почтение детей к родителям и страх перед ними переносились и на отношения младших к старшим. С предписанием почитать родителей тесно связывалось другое предписание: «Пред лицом седого вставай и почитай лице старца» (1, Лев. 19, 32). Не всегда дети с готовностью выполняли то, что предписывали им родители, и если это случалось, то врачевством против греховных наклонностей служило наказание. «Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него» (1, Притч. 22, 15). Исправительная розга являлась воспитательным средством, используя которое родители спасали детей от власти греха. «Раны от побоев – врачевство против зла» (1, Притч. 20, 30). Но в этой суровости и проявлялась родительская любовь. «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его» (1, Притч. 13, 25). Наказание не являлось единственным средством воспитания. «На разумного сильнее действует выговор, читаем в Священном Писании, - нежели на глупого сто ударов» (1, Притч. 17, 10). «Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова» указывает на те же общие начала воспитания: премудрость, как цель воспитания, страх Божий как основа этой премудрости, послушание родителям или воспитателям как основной принцип всего воспитательного дела. Сердце, как свидетельствует Ветхий

Завет, есть центр духовной жизни человека, в нем заключается начало как доброго, так и дурного в человеке. Поэтому главным объектом педагогического воздействия служит одна область в душе ребенка – это область чувства, или сердце. «Больше всего хранимого храни сердце твое, – поучал премудрый Соломон, – потому, что из него источник жизни» (1, Притч. 4, 23). Главная забота, по свидетельству Божественного Откровения, – забота об умудрении своего сердца. «Сын мой! Если сердце твое будет мудро, то порадуетя и мое сердце; и внутренности мои будут радоваться, когда уста твои будут говорить правое. Да не завидует сердце твое грешникам, но да пребудет оно во все дни в страхе Господнем»; «Слушай, сын мой, и будь мудр, и направляй сердце твое на прямой путь»; «Сын мой! Отдай сердце твое мне, и глаза твои да наблюдают пути мои...» (1, Притч. 23, 15–17, 19, 26). Мудрость поселяется в сердце посредством насаждения в нем страха Божия.

Следует пояснить, что в Ветхом Завете понятие страха Божия не ограничивается лишь примитивным пониманием страха как низменного рабского чувства, основанного в сознании на безусловной зависимости раба от господина. Священная История показывает, что в душе Израиля одновременно с осознанием своего бессилия и ничтожества по сравнению с величием и могуществом Божьим коренилось и понимание Его благодати, заботы и особой любви к Своему народу, которая выражалась в бесчисленных Его благодеяниях. Это вызывало в сердце народа ответную благодарную любовь. Законодатель, требуя от народа страха перед Богом, одновременно заповедует и любить Его «всем сердцем, всею душою, и всеми силами» (1, Втор. 6, 1–5): страх Господень, являясь даром Божиим «поставляет на стезях любви» (1, Сир 1, 13); «начало премудрости – страх Господень», но «любовь

к Господу – славная премудрость» (1, Сир. 1, 14). Библейское ветхозаветное понятие «страха Божия» было понятием сложным, которое включало в себя и благоговейный страх к Богу и сыновью любовь к Нему. В каком же соотношении находились эти два чувства – «любовь» и «страх»? Н.К. Маккавейский утверждает, что главным все же являлся элемент страха, а не любви. В этом, по его словам, и заключается отличительная черта Ветхого Завета по сравнению с Новым Заветом. Только в последнем раскрывается во всем своем величии, во всей своей силе и глубине закон любви. Для воспитания народа жестоковейного, каковым был Израиль, любовь к нему и великие благодеяния Божии оказывались средством еще не действительным. Нужна была крепкая рука и грозное слово. Не любовь и милость, а угрозы и наказания возвращали Израиль к Богу и Его закону каждый раз, когда он уклонялся от них, а уклонения эти случались часто. Чтобы научить повиновению Господу, внушить любовь и страх к нему, необходимо было решить более общую задачу: насадить в питомце чувство преклонения, страха и любви по отношению к высшему авторитету вообще, а таковыми, естественно, являлись родители. Они оказывались как бы заместителями самого Бога на земле. И мы видим, что закон почтения и повиновения родителям проходит через все книги Ветхого Завета яркою чертой. Это и есть один из важнейших принципов библейской педагогики. Авторитет и власть родителей основаны не только на естественном законе, но узаконены самим Богом [3, с. 21–23]. Дети по природе в силу кровной связи и зависимости их от родителей расположены к чувству любви и благодарности по отношению к родителям. Но поврежденность человеческой природы первородным грехом порождает и чувства противоположные. Для смирения строптивости и непокорной воли используется

страх наказания вместо любви и ласки. Крайняя требовательность и даже суровость воспитательных воздействий вызвана, с одной стороны, необходимостью безусловного почитания родителей и повиновения им, а с другой стороны – той чрезмерной любовью, которую питали евреи к своим детям. Последняя, в силу особых причин, слишком глубоко укоренялась в душе еврея и могла переходить всякие границы педагогического благоразумия, за которыми начинается потеря родителями уважения и покорности со стороны детей. У евреев дитя почиталось священным даром Божиим, благословением Господним. В Библии можно встретить множество примеров того, как родители горячо и неустанно просили у Бога детей и как они радовались детям, видя в них полноту Божественного благословения. Когда посредством откровения от Господа стало известно, что от колена Иудина произойдет Спаситель, каждый отец семейства желал иметь своего потомка пред лицом этого Избавителя. Псалмопевец восклицает: «Блажен всякий боящийся Господа, ходящий путями Его! Ты будешь есть от трудов рук твоих; блажен ты, и благо тебе! Жена твоя, как плодовая лоза, в доме твоём; сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей: так благословится человек, боящийся Господа!» (1, Пс. 127, 1–4). Так вдохновенно псалмопевец выразил мысль о том, что дети являются наследниками родительских склонностей. Господь творит милость Свою в тысячах родов, но не оставляет без наказания грехи отцов и наказывает детей за грехи отцов до третьего и четвертого рода (1, Исх. 34, 7).

Вне этого закона не могло быть других воспитательных требований. Как Бог воспитывал в законе свой избранный народ, так и отец воспитывал свое дитя, стараясь запечатлеть в его душе дарованный свыше закон, а вместе с ним безусловное повиновение, страх и полную

преданность Богу. Ребенку постоянно напоминалось об этих обязанностях, а пример соблюдения закона он видел в собственной семье. Обучение по преимуществу состояло к усвоению закона и в познании тех благодеяний, которые Иегова оказал своему народу и воспоминания о которых сохранились в истории. Первое попечение о детях было заботой матери. Сначала мать, а потом и отец проводили сознание и чувство ребенка по ступеням Божественной истории. Вот перед ребенком непоколебимый в своем уповании на Господа Авраам, твердый и радующийся в испытаниях «отец верующих». За ним вставал смиренный в послушании к родителям Исаак, со спокойной преданностью воле Божией взирающий на собственную смерть и являющийся терпеливым в лишениях, в ожидании Его милости. За ним следовали ревнители святой жизни, чистой и твердой веры: Иаков, Иосиф, Моисей и многие другие, которых, по словам апостола Павла, весь мир не был достоин. Глубокое впечатление оставляли в душе детей черты детства Исаака, Иосифа, Моисея, Самуила, Давида, Маккавеев. Воспитание, обучение, образ жизни проходили под знаком одной идеи, овладевавшей всецело человеком: все – во славу Иеговы. Дорожил еврейский отрок своим правом с двенадцати лет посещать храм и участвовать в служении Господу вместе со всем народом. Главным предметом отцовских попечений было возбуждение в сыне религиозного чувства и приучение его к религиозным обычаям и праздникам. На празднике кущей мальчики пели «Осанну», они принимали участие в отправлении пасхи и перед субботой должны были готовить яства. Их ежегодно брали в праздничное паломничество к скинии, а потом к Иерусалимскому храму, чтобы в их сердцах прочно и на всю жизнь остались воспоминания о том, как в этих праздничных караванах собирались во славу Иеговы все семейства, снова радостно

встречались родные и друзья, сливаясь в один народ во имя своей общей святыни. Ветхозаветное воспитание было одновременно и обучением, они взаимопроникали одно в другое. При этом воспитание обретало национально-исторический характер. В праздничных церемониях и процессиях узнавал молодой человек, что сотворил Бог для своего избранного народа от самого начала его существования, и как прославил Он и наградил достойнейших его представителей. Воспитание не допускало ни роскоши, ни наслаждения. При умеренности во всем, особенно в пище, требовалась опрятность. В Священном Писании мы встречаем образцы метода и формы, какие рекомендовал сам Моисей родителям для наставления своих детей. «И когда скажут вам дети ваши: что это за служение? Скажите им: это пасхальная жертва Господу, Который прошел мимо домов Израилевых в Египте, когда поражал египтян, и дома наши избавил» (1, Исх. 12, 26–27). «Если спросит тебя сын твой в последующее время, говоря: что значат сии уставы, постановления и законы, которые заповедал нам Господь Бог ваш: то скажи сыну твоему: рабами были мы у фараона в Египте, но Господь (Бог) вывел нас из Египта рукою крепкою и (мышцею высокою). И явил Господь (Бог) знамения и чудеса великие и казни над Египтом, над фараоном и над всем домом его (и над войском его), пред глазами нашими; а нас вывел оттуда Господь (Бог) наш, чтобы ввести нас и дать землю, которую клялся отцам нашим (дать нам). И заповедал нам Господь исполнять все постановления сии, чтобы мы боялись Господа, Бога нашего, дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь как и теперь. И в сем будет наша праведность, если мы будем стараться исполнять все сии заповеди (закона) пред лицом Господа, Бога нашего, как Он заповедал нам» (1, Втор. 6, 20–25). Основным методом

являлась беседа или наставление религиозно-морального характера. Естественная любознательность детей служила поводом к этим беседам. Для поддержания и развития этой любознательности детей знакомили, по мере их развития, со смыслом и значением обрядовой стороны выполнения закона. Если сама жизнь семьи всецело подчинялась закону, это давало много поводов детям для вопросов, наподобие «Что это за служение?» и «Что значат эти уставы?». Проникая во все сферы жизни семьи, закон давал не только повод для педагогических бесед, но и представлял для этого богатейший материал. Наставление в законе занимало первое место в программе воспитания, начиная с раннего возраста и являлось главным образом обязанностью отца.

4. Христианский идеал, цель и задачи воспитания

Общественных школ у евреев на протяжении долгого времени не существовало. Высшее образование, состоявшее из искусства писать, из пиитики, медицины, начатков философии и глубокого изучения закона, сыновья знатнейших фамилий получали от священников или от особых домашних учителей, дети же пророков и священников - в особых школах. При Самуиле и благодаря ему школы находились во многих городах, например, в Рама, Вифлееме, Иерихоне, и достигли цветущего состояния. В них юноши, а нередко и взрослые, жили под присмотром учителей. Количество учеников иногда достигало нескольких сот человек. Некоторые из них обучались за общественный счет. Главным и высшим предметом являлся закон. В школе также изучались музыка и поэзия, которые имели у евреев особый, своеобразный характер, вытекающий из их религиозного мирозерцания. Все это имело целью приучить юношу к сосредоточенному размышлению над Писанием, к молитве

и прославлению Бога, к религиозному настрою, к воздержанию и самообладанию.

Религиозные школы, бывшие обыкновенно частными, достигли особого расцвета в царствование Давида. Давид, написавший Боговдохновенные псалмы, сам пел их и сопровождал дивное пение игрой на арфе или псалтири. Он образовал в свое царствование четыре тысячи певцов из сословия левитов. Псалмопевец Давид, подавая пример глубокого покаяния и пламенной веры в Бога, в Его величие, милосердие, попечение, снисходительность и долготерпение, являлся учителем и совершеннейшим образцом для своего народа. Давид своей жизнью, хождением пред очами Божиими показывал, что счастье и радость жизни зависят от состояния души человека, от его нравственной силы. Он напоминал, что жизнь есть непрестанная брань с грехом и в ней каждый должен остерегаться падения [З. с.261–262].

Ветхозаветное учение о человеке, проникнутое поэтическими образами пророков и языком библейского фольклора, не дает научной системы знаний о человеке. Для Ветхого Завета традиционно особое понимание личности не в ее субъективной обособленности, а в свете национального целого, проявляемого в народной жизни.

Печальный опыт языческих государств древнего мира показывает, что культурный рост народа, расцвет его материального благополучия приносит с собой отказ от простых традиционных нравов, что приводило к упадку государства и разложению общества, а в воспитательном значении к падению педагогических идеалов. В жизни еврейского народа, как подчеркивал Н.К. Маккавейский, этого не происходило, потому что образование и воспитание во всей полноте было недоступно многим семействам. Но самым главным было то, что не только науки, но и искусство было непосредственно связано с

религией и верой народа. История повествовала об отношениях народа и Бога, это была Священная История, поэзия, исключительно лирическая и дидактическая, не знавшая ни эпоса, ни драмы, обязана была своим происхождением религиозному чувству. Что касается остальных областей знаний, то они, если и не стояли в такой связи с религией, но не шли и против нее.

Культура и образование не оказывали разрушающего влияния на воспитание, поскольку не противоречили началам веры, данным в законе Моисеевом. Как мы видим, ветхозаветное воспитание всецело основывалось на религиозных началах, которые указывали цель воспитания и пути ее достижения [3. с.59–61]. За свою непокорность израильский народ испытал суровое вразумление вавилонским пленением. Скорби и страдания размягчили огрубевшее сердце. Горькие слезы на «реках Вавилонских» были не только слезами горя, но и слезами раскаяния. Народ, отступивший от Бога, понял причину своих бедствий и увидел источник своей силы и величия. Поколение, выросшее в плену, несло с собой в Палестину истинную преданность Богу и желание во всем соблюдать данный Богом закон. Строгое следование закону стало первым требованием в жизни каждого еврея. Высшей целью изучения закона – его истолкование в применении ко всем возможным жизненным случайностям. Над этим трудились мыслители – ученые, раввины, книжники. Законническое направление в жизни неминуемо отразилось и на воспитании.

Основа воспитания осталась прежней, но при этом изменился идеал. В это время главным уже не являлась благоговейная преданность Богу, которая коренилась в сердце человека. **Идеалом** стала служить особая законническая праведность. Действующим органом становится не сердце человека, а его ум, так как

требовались не столько религиозные чувства, сколько знание многочисленных предписаний. Мудрость осваивалась не через «страх Господень», являлась достоянием исключительно ума и приобреталась путем длительного изучения всех юридических норм закона. Требование детального изучения и усвоения всех положений закона породило особый класс людей, которых стали звать книжниками, они и стали учителями своего народа. Семья уже не могла выполнить задачу научить своего ребенка всем тонкостям закона. Необходимо было особое учреждение для решения новых воспитательных и образовательных задач, появилась потребность в школе [3. с. 62–65]. Научить закону и воспитать в законе – основная цель как семейного, так и общественного воспитания во времена Ветхого Завета. Со временем живое религиозное чувство стало заменяться поклонением букве и обряду. Это не могло не сказаться на изменении взглядов народа на себя и на свое положение среди других народов.

Вопросы для самопроверки

1. Охарактеризуйте основное содержание воспитательного процесса в ветхозаветные времена.
2. Сформулируйте основные подходы к воспитанию ребёнка в еврейской семье.
3. Почему воспитание в ветхозаветные времена обрело национально-исторический характер?
4. Представьте идеальный портрет воспитанника у евреев в ветхозаветные времена.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Изд. Московской Патриархии. – М.: 1988. – 1376 с.

2. Ильенков Э. В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

3. Маккавейский Н.К. Воспитание у древних евреев – Киев, 1903. – 265с.

Лекция 2. Педагогические идеи в святоотеческих трудах

План

1. Святые Отцы о педагогике.
2. Учение отцов и учителей Церкви III века о воспитании.
3. Учение о воспитании в творениях святых отцов IV века.

1. Святые Отцы о педагогике. Краткое содержание Работы Святых Отцов и учителей Церкви являются неотъемлемой частью Священного Предания, которое в свою очередь, согласно православному вероучению, является составной частью Божественного Откровения (наряду со Священным Писанием). С этой точки зрения Святые Отцы оглашают Откровение, в том числе и в отношении педагогики. Обращаясь к их творениям мы не находим общих теоретических рассуждений о педагогике вообще, так как она не была их целью. Поэтому рассуждения о воспитании изложены в их трудах систематически. Также у Святых Отцов педагогика всегда рассматривается с перспективы спасения, иными словами педагогика никогда не встречается у них как самоцель, только лишь как средство для достижения духовного состояния достойного христианина. Так у мужей апостольских основной приоритет в воспитании отдается послушанию взрослым, послушанию отцу, а также в послушании и подчинении государству. Средствами воспитания ранние отцы и мужи апостольские полагали

наставления родителей, наставления пресвитеров и епископов, а также дела благочестия и молитва самих детей. Нарушение наставлений родителей, а также глав церковной общины вело к закономерному наказанию, что отображено в «Писании мужей апостольских» в учении о двух путях – добра и зла.

Учение о двух путях самая распространенная воспитательная аллегория, которая встречается достаточно часто не только в Новом Завете, но и в трудах ранних отцов Церкви – в «Писании мужей апостольских», «Послании апостола Варнавы», «Послании Климента Римского». Также у ранних отцов Церкви мы встречаем указание на то, что научение не просто передача знания, но передача образа жизни, свидетельство истинности слов учителя. Духовная жизнь в целом рассматривается как сражение, соответственно и воспитание рассматривается как постоянная подготовка к сражению с грехом. Позже в работах апологетов и отцов IV века мы находим учение о духе, душе и теле. В педагогическом смысле слова это учение сильно изменило понимание того, на что в первую очередь должен быть направлен педагогический процесс. Так приоритетным становится воспитание духа и ума, которое должно повести за собой развитие души и тела, как подчиняющихся духу составляющих компонентов человека. Для отцов III-го и IV-го веков самой важной педагогической проблемой было создание православного взгляда на воспитание, в этот период происходит своеобразное соревнование между христианскими школами и учеными мужами-христианами и между аналогичными учреждениями и лицам у язычников. Это противостояние заложило два направления по отношению к древним античным система образования и философии: теоретически положительному и практически отрицательному. Представители первого направления

уважительно относились к античному интеллектуальному наследию, многие имели языческое образование, и старались отыскать в языческой мысли самые лучшие стороны. Во втором случае наблюдалось яростное противодействие любым обращениям христиан к языческому наследию. Представители второго направления считали, что использование образовательных и педагогических подходов, которые применялись у язычников, духовно вредно для христиан. Противостояние этих двух тенденций привело к созданию полноценного христианского воспитательного подхода.

2. Учение отцов и учителей Церкви III века о воспитании

Так первые общие образовательные (огласительные) труды принадлежат *св. Клименту Александрийскому* – «Педагог» и «Строматы». В своей книге «Педагог» св. Климент говорит о трех этапах христианского образования: увещании, воспитании и научении [7]. Они осуществляются не одновременно, а строго последовательно: сначала призывание к вере, указание на то, что уже в нашей жизни человек может обрести мир, свидетельствующий о Царствии Небесном. Затем период воспитания, когда идет реальное приучение себя к жизни по заповедям, тренировка воли и облагораживание чувств. И только после того следует научение высоким истинам Откровения, которые содержатся в Священном Писании.

На протяжении всех трех этапов истинным Педагогом, считает Климент Александрийский, является Господь Иисус Христос, Спаситель. О любом человеке именно Он совершает личное попечение, лично ведет его к спасению. Такая точка зрения не единична в Древней Церкви, скорее наоборот: вся история Церкви свидетельствует о Промысле Божиим, который реализуется в личных судьбах людей. Если мы примем эту

общецерковную точку зрения, нам станет понятной и роль христианского педагога в деле воспитания личности. Мы – не самостоятельные возделыватели детских душ, а соратники Бога, ассистенты, помощники Первого Педагога, слова которого мы должны улавливать, и незримые действия которого расшифровывать. И основу христианской педагогики тогда можно представить как тончайшее вслушивание в Промысл Божий, в слова Божественной педагогики. Но само вслушивание и созерцание – это большой труд. Можно сказать, что христианская педагогика – это не система тех или иных правил, а, прежде всего, вопрошающий христианский педагог. Педагог, который стоит рядом с ребенком и помогает ему среди общего шума жизни различать слова Божий.

Христианский педагог всегда находится на перекрестке трех тайн:

- личностные особенности развития ребенка, его психологическая индивидуальность;
- промысл Божий о ребенке, о его духовном пути;
- чувство времени, как разворачивающееся в человеческой истории Божественное Домостроительство.

Климент открывает духовный смысл педагогики, рассматривая воспитание как спасение. Слово «педагогия» употребляется в различных значениях. Под ним разумеется воспитываемый и обучаемый; потом воспитывающий и обучающий; им обозначается, в-третьих, самый акт воспитания; в-четвертых, передаваемые учения, например, заповеди. Согласно же с волей Божией, педагогика состоит в усмотрении истины по прямому направлению к Богу, в неустанном впечатлении на себе дел вечно ценных... Педагог наш в любвеобильной своей заботливости о нас, своих детях, учит нас такому образу жизни, который ведет ко спасению. Педагог не позволяет, чтобы Его питомец

влиянием мирских нравов увлечен был к жизни животной и беспутной, но внушает ему, чтобы правильными своими веслами, то есть своим разумением, держался он твердо единственно ветра истины, доколе не потерпев никакого вреда бережно взлелеянным дитем не войдет он в гавань небесную. Потому что, так называемые у язычников «отеческие нравы», это вещь преходящая; Божественное же воспитание есть сокровище вечно ценное [7, с. 68-69]. В борьбе со страстями Климент требует строгости, которую понимал как средство помощи ребенку в борьбе с греховными наклонностями. «Метод строгий для правильности в воспитании детей полезен; он имеет значение необходимого при воспитании вспомогательного средства. Многие из страстей искоренимы лишь при посредстве наказаний, объявлением строжайших заповедей и преподаванием некоторых (строжайших) умозрительных основоположений. Так, например, порицание для страстей душевных есть некоторого рода хирургическая операция». [7, с. 79-80].

В «Педагоге» мы находим цель воспитания – подготовку к вечной жизни (стать гражданином неба) и путь к этой цели. «О, питомцы сладостной педагогики! - восклицает Климент. Все в большем количестве, все теснее и полнее будем присоединяться к прекрасному телу святой церкви; побежим в нее как малые дети бегут к своей доброй матери. Став слушателями Логоса, прославим домостроительство нашего спасения, нас блаженными делающее; оным человек воспитывается до состояния чада Божия и освящается в оное. Через воспитание, получаемое на земле, становится он гражданином неба» [7, с. 283-284].

3. Учение о воспитании в творениях святых отцов IV века

IV век характеризуется обилием святоотеческих

творений, разнообразием их содержания. В этих творениях, где изложена борьба православной веры с неправоверием, благочестия с развращением нравов или ложным направлением благочестия мнимой праведностью, догматическое учение Церкви раскрывается со всей полнотой и основательностью.

Святые отцы были не только теоретиками-богословами, но, проникнув в тайники духа, открыв его свойства, они указали на высшие цели существования, представили достаточно полную картину христианской жизни. Создавались новые начала жизни, воспитывались новые люди.

Первый из писателей этого века, святой архиепископ **Александрийский Афанасий**, названный Великим, не оставил специального сочинения по воспитанию. Но вся его жизнь, сочетавшая образованность и аскетизм, служит примером воспитания воли. Обладая обширной ученостью, святитель Афанасий изложил в стройной системе учение о воплощении Сына Божия, о соотношении Божества и человечества в Иисусе Христе. Слова Афанасия Великого: «Он очеловечился, дабы мы обожились», – выражают характер его мировоззрения. Одним из наиболее замечательных нравоучительных сочинений святителя Афанасия является «Житие преподобного отца нашего Антония», рассказывающее об основателе египетского монашества. Это первое в истории христианской письменности житие, послужившее образцом для всей средневековой агиографической литературы.

Пример высокой жизни преподобных отцов и пустынножителей, их устные наставления, в которых выражались высокая степень духовной образованности, благодатное состояние их чистой души и богопросвещенный ум, оказывали воспитательное воздействие на современников.

Последующие поколения воспитывались творениями, в которых сохранился дух этих наставлений. Непосредственно о воспитании пустынножители не писали, но их советы о самосовершенствовании, о работе над собой, о таком воспитании сердца, чтобы требования страстей были заглушаемы голосом совести, о смирении, покаянии, о молитве составляют основу для руководства в деле воспитания. По важности духовных творений следует выделить святых Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого, которых в Православной Церкви именуют вселенскими учителями и святителями.

Святитель Василий Великий

Святитель Василий Великий родился около 329 года в Кесарии Каппадокийской. Просвещена была эта часть Малой Азии св. Григорием Чудотворцем. Отец св. Василия, которого также звали Василием, был ритором, то есть человеком образованным. Мать Эмилия, а в особенности бабушка Макрина, оказали большое влияние на духовное становление будущего святителя. Всего у Василия-старшего и Эмилии было десять человек детей - пять сыновей и пять дочерей. Из братьев трое стали епископами: св. Василий, следующий за ним Григорий, епископ Нисский, и Петр, епископ Севастийский.

Первоначальное образование святитель Василий получил дома под руководством отца и бабушки, продолжил его сперва в Кесарии, затем в Константинополе и в Афинах, где встретился с Григорием Богословом. В Афинах он освоил многие науки, достиг свободы в красноречии, изучил философию и диалектику. Вернувшись на родину в 354 году, Василий крестился в возрасте двадцати пяти лет. Желая познакомиться с монашеской жизнью, он отправился путешествовать в Сирию и Египет. Возвратившись домой, Василий удалился в пустынное место на берегах реки Ириса. К нему пришел

его друг Григорий, здесь они вместе работали над составлением иноческого устава и, кроме того, занимались богословием, читали Священное Писание, изучали Оригена и составили антологию избранных мест из его произведений под названием «Добротолюбие». Василий Великий установил правила и устав иноческой жизни и включил монашеский идеал в русло общецерковной жизни, тем самым признав и закрепив особое аскетическое призвание некоторых членов Церкви. Будучи уже епископом, он опубликовал монашеские правила. А его брат св. Григорий Нисский дал мистическое объяснение монашества, благодаря чему монахи нашли свое место в лоне Церкви и признали, что без Церкви и таинств невозможен и сам мистический идеал монашества.

В 364 году св. Василий был рукоположен во пресвитера епископом Евсевием Кесарийским, а в 370 году, по смерти Евсевия, принял епископское служение в Кесарии в возрасте 40 лет. Он деятельно участвовал во внутрицерковных делах, организуя благотворительность, помогая бедным, заступаясь за гонимых. Помимо этого святитель Василий ревностно занимался и общецерковными проблемами. Он противодействовал арианам своими богословскими творениями. В сочетании с безупречно строгим образом жизни все это принесло св. Василию огромную популярность. Умер он в 379 году в возрасте 49 лет.

В своих «Беседах на Шестоднев» св. Василий Великий говорит о том, что человек, сотворенный по образу Божию, бессмертен и создан для жизни духовной. В человека Бог «вложил нечто от Своей собственной благодати, чтобы человек по подобному познавал подобное». Человек, по определению святителя Василия Великого, есть «ум, тесно сопряженный с приспособленной к нему и приличною плотью». Однако и

тело как «приличное виталище для души» устроено Богом с великой премудростью. «Мы, – говорил святитель Василий – это душа и ум, поколику мы сотворены по образу Создавшего. Наше – это тело и приобретаемые посредством его ощущения». И оно часто бывает тягостным узилищем для души. «Гнев, пожелания, робость, зависть, по мысли святителя, – приводят к замешательству душевную прозорливость. Как мутное око не воспринимает видимых предметов, так невозможно с возмущенным сердцем приступать к познанию истины. Поэтому должно удалиться от всех мирских дел и не вводить в душу посторонних помыслов». Еще более необходимо телесное воздержание, и прежде всего строгий пост. Только чистый и мирный ум способен восходить к познанию или созерцанию истины. «Ум есть нечто прекрасное, – говорил святитель Василий, и в нем мы имеем то, что делает нас созданными по образу Творца». Разделяя способности души, св. Василий ниже разума ставил силы раздражительную и вождевательную. Раздражительная или волевая способность души должна подчиняться разуму. Если она выходит из этого подчинения, то обращается в бешенство и уродует душу, перерождаясь в страсть и гнев, помрачает и ослепляет ум. Но сама по себе «раздражительность есть душевный нерв, сообщающий душе тонус, силу к прекрасным делам». Праведная раздражительность, то есть управляемая разумом, проявляется в ревности и с равным рвением любит добродетель и ненавидит грех.

Грех состоит в удалении от Бога, то есть от Жизни, есть «лишение жизни», начало смерти. Первый грех есть предпочтение вещественного, чувственного духовному. [8, с. 67-69].

В беседе «К юношам, о том, как пользоваться языческими сочинениями», святитель Василий с высоты

своего возраста и опыта в делах человеческих показывал едва вступившим в жизнь самый безопасный путь. «Не дивитесь же, если вам, которые каждый день ходите к учителям и с уважаемыми мужами древности беседуете посредством оставленных ими сочинений, скажу, что сам собою нашел я нечто более полезным. О сем-то самом и хочу дать вам совет, а именно, что не должно, однажды навсегда предав сим мужам кормило корабля, следовать за ними, куда ни поведут, но заимствуя у них все, что есть полезного, надобно уметь иное и отбросить. А что же это такое, и как это различать, сему и научу, начав так. Мы полагаем, дети, что настоящая жизнь человеческая вовсе ничего не значит; совершенно не почитаем и не называем благом того, что доставляет нам совершенство в этой только жизни. Ни знаменитости предков, ни крепости, красоты и величия тела, ни почестей от всех людей, ни самого царства, ни всего прочего, что ни наименоуют из человеческого, не признаем великим, даже достойным желанья, и не обращаем взора на тех, кто имеет сие, но простираем надежды далее, и все делаем для приуготовления себя к другой жизни. Поэтому, что к оной споспешествует нам, о том говорим, что должно любить сие и домогаться сего всеми силами, а что не переходит в оную, то – презирать, как ничего не стоящее» [2, с.345]. В этих словах мы видим критерий отбора содержания образования и воспитания: в светских произведениях можно считать полезным то, что готовит юношу к жизни вечной и что переходит в эту жизнь.

Говоря о Священном Писании, образующем и вводящем в жизнь вечную, Василий Великий считал и «внешние» светские (языческие) науки в некоторой мере полезными для души. Пока ученик по возрасту не в состоянии понять глубину и смысл Писания, его красу и сладость, ему следует обратить взор к свету духовности,

«привыкнуть смотреть на солнце в воде», упражняя духовное око на нехристианских писателях, у которых можно многому научиться хорошему. Ученику надо «собирать нектар» с их сочинений, не прельщаясь их внешним заманчивым блеском, но используя их достоинства в целях своего душевного строения, отбирая из них то, что помогает достижению совершенства и добродетели, то, что соответствует истине.

Святитель рассматривал изучение античных поэтов, историков, философов как необходимый этап образования, подготовляющий к восприятию христианства. Он рекомендовал организовать их изучение так, чтобы оно служило воспитанию нравственности, очищению разума и души. При чтении нужно обращать внимание прежде всего на мысли и поступки, ведущие к добродетели, и стремиться подражать им на практике. Святитель Василий показывал на многочисленных примерах из античных авторов, как они учат презрению богатства и славы, умению спокойно переносить оскорбления и обуздывать гнев, обретению выносливости и скромности в образе жизни, упорству и целеустремленности. [1, с. 90]

В «Нравственных правилах» Василий Великий говорил о послушании детей родителям и о границах этого послушания. «Дети должны почитать родителей, – читаем мы в 76-м правиле, – и быть им послушны во всем, что не препятствует исполнению заповеди Божией» (20. 486). В этом же правиле мы находим и обязанности родителей: «Родители должны воспитывать детей в учении и наставлении Господнем с кротостью и долготерпением и, сколько зависит от них, не подавать никакого повода к гневу и скорби» [2, с. 486].

Заниматься воспитанием детей, по представлениям святителя Василия Великого, есть христианский долг каждого, в том числе и монашества. В иноческом уставе он

положил принимать в обители и детей, но не для общего воспитания, а для приготовления их к монашеству. Только обеты их должны отлагаться до совершеннолетия.

Святитель Григорий Богослов

Святитель Григорий Богослов около 330 года в местечке Арианзе, вблизи от города Назианза в Каппадокии. Его родители, Григорий и Нонна, являли пример истинного христианского супружества.

Св. Григорий так описывает своих родителей: «Отец мой был прекрасный и весьма добрый старец, простой нравом, образец для жизни, истинный патриарх, второй Авраам. Добродетели его были действительные, а не мнимые, какие видим ныне. Прежде жил он в заблуждении, а потом стал другом Христовым, потом сделался Пастырем, и даже какою-то мощию Пастырей. Мать же моя, выражусь кратко, ни в чем не уступавшая такому супругу, ему равновесный талант, происходя от благочестивых родителей, сначала превосходила его благочестием, и по телу была только женщиной, а по нравам превышала мужчин» [4, с.351]. Заблуждение отца проявлялось в том, что он вначале был последователем учения, сочетавшего в себе языческое заблуждение и «подзаконное мудрование». Последователи этого учения назывались «ипсистериями», поклонялись огню, чтили субботу, не принимали обрезания, но мелочно соблюдали постановления поста иудеев. Около 325 года он крестился, а вскоре после крещения принял священство, а затем и епископство. Основными чертами Григория-старшего, по словам его сына, было соединенное с простотой незлобие. Часто болея, он лечился больше молитвой и частым причащением, чем советами врачей, и прожил почти сто лет, проведя в священном сане свыше сорока пяти лет. Умер на молитве и со словами молитвы на устах.

Мать святителя Григория Нонна была замечательна силою и нежностью своего характера. В основном именно ее стараниями происходило образование и духовное воспитание сына. Сама Нонна была воспитана христианскими родителями и ревностно исполняла свои обязанности. Послушная мужу, она незаметно для него сделалась его руководителем в вопросах веры. Преданность строгому религиозному благочестию не приводила ее к пренебрежению своими домашними обязанностями. Она сумела удивительно соединить созерцательную жизнь с напряженностью практической жизни.

Нонна, «желая видеть в доме своем рождение дитяти мужского пола, что, конечно, вожденно для многих, открыла желание свое Богу и просила исполнить оное. И, как сердце было неудержимо, предваря дарование усердием, отдает она Богу дар, который желает получить. А потом и дорогой обет не остался без исполнения; благоприятным же началом сего послужило ей видение, показавшее тень желаемого; ей ясно представились и мой образ и мое имя» [4, с.351-352]. Так описывает св. Григорий свое рождение по молитвам матери и ее обещание посвятить сына на служение Богу. На его воспитание и учение было обращено особое внимание с самого раннего детства. «От пелен воспитанный во всем прекрасном, пишет св. Григорий, – потому что имел совершеннейшие образцы для себя дома, тогда еще приобрел я какую-то старческую степенность; и как облако к облаку, мало-помалу скоплялось во мне усердие к у совершению. Я возрастал, а вместе преуспевал во мне и разум. С радостью читал я книги, в которых проповедуются о Боге, и имел обращение с мужами, которые совершенны по нравам... Еще не опушились мои ланиты; но мною овладела какая-то пламенная любовь к

наукам. И не совсем чистые учения старался я придать в помощь учениям истинным, чтобы не превозносились ничему не обучившиеся, кроме суетного и пустого краснословия, которое состоит в громкости и благозвучии, и чтобы сам я мог не запутываться в хитросплетениях лжеумствований. Но мне никогда не приходило на мысль предпочесть что-либо нашим урокам» [4, с. 352]. Эту любовь к наукам св. Григорий сохранил на всю жизнь.

По обычаям того времени, годы учения были и годами странствий. Домашнее образование имело продолжение в Кесарии Каппадокийской и Кесарии Палестинской, а потом и в Александрии, где еще не была забыта слава Оригена. «Потом Афины и науки», пишет св. Григорий. Об афинских годах он всегда вспоминал с радостью и волнением, здесь Бог соединил его «узами дружбы с человеком самым мудрым, который один и жизнью и словом всех был выше. Кто же это? Весьма легко узнаете его. Это Василий – великое приобретение для настоящего века. С ним вместе мы учились, и жили, и размышляли... У нас все было общее, и одна душа в обоих связывала то, что разделяли тела. А что преимущественно нас соединяло, так это Бог и стремление к совершенству» [4, с. 355]. В Афинах св. Григорий изучал древнюю литературу, ораторов и историков, познакомился с философией. По окончании своего обучения в 358 (359) году он возвратился домой и принял крещение. Его одновременно влекли ученые занятия и аскетические подвиги. Любовь к родителям требовала от Григория участия в хозяйственных заботах. Но и в родительском доме он проводил суровую жизнь, научившись у пустынных собранности ума, а у мирских старанию быть полезным для общества.

Григорий-старший, чтобы обрести себе помощника в своем епископском служении во время смут и

догматических споров, используя свою родительскую и епископскую власть, против воли сына рукоположил его в 361 году во пресвитеры. Но Григорий, вопреки ожиданиям отца, оставил после этого родной дом и удалился в Понт, в пустыню, где и подвизался до Пасхи 362 года. Подчинившись воле отца, он возвратился домой и в течение семи лет нес священническое служение. В это время он прославился как прекрасный оратор и богослов. Около 370 года св. Василий Великий рукоположил его в епископа города Сасимы. По просьбе стареющего отца Григорий вернулся домой, а после его смерти управлял осиротевшей Церковью. В 378 (379) году друзья призвали его на Константинопольскую кафедру - необходимо было вернуть отобранные арианами храмы. В небольшой церкви св. Анастасии св. Григорий произносит свои знаменитые «Богословские слова». Уставший от борений за власть, которой он всегда избегал, святитель Григорий отказался от предстоятельства в Константинополе и удалился в Назианз, где и скончался приблизительно в 389 году.

Святитель Григорий Назианзин вошел в историю христианской мысли с именем Богослова. Только три христианских писателя – апостол и евангелист Иоанн, святитель Григорий и преподобный Симеон, Новый Богослов – отличены этим наименованием, что указывает на их особое проникновение в богословское ведение.

Если святитель Василий Великий писал о человеке с точки зрения аскетико-воспитательной, то святитель Григорий Богослов рассматривал эту тему с различных сторон. Он не создал своей антропологии, но в его отдельных словах и стихотворениях часто встречаются мысли о человеке и его назначении. Он говорит о человеке с большим уважением и любовью, он верит в высокое назначение человека. «Зритель видимой твари, таинник твари умосозерцаемой» человек поставлен на грани двух

миров, и в средоточии всего мира Бог именно в человеке «премудро сопрягает тварь». Григорий Богослов говорит о душе как о «дыхании Божиим», как о «Божественной частице». Отсюда сверхземные и сверхчувственные цели человеческой жизни: как «новый ангел», поставленный на земле, человек должен взойти на небо, в пресветлую обитель Богоносцев, призван стать богом по усыновлению, исполниться высшего света – «величественная цель, но достигаемая с трудом», замечает святитель. Человек создан по образу Божию и потому призван к «уподоблению» Богу.. Бог есть «светильник ума». Озаряемый от Первообразного Света ум человеческий сам становится световидным. По мысли святителя Григория, «уподобление» Богу совершается прежде всего через таинства. Все совершается через Христа, Воплощенное Слово. Он приходит, чтобы нас сделать богами, Он приемлет нашу плоть, чтобы и образ спасти, и плоть обессмертить. В естестве человеческом всего важнее образ Божий и сила ума. Только через Богообразный ум может приближаться человек к Богу.

Святитель Григорий Богослов не оставил ни одного крупного произведения, его литературное наследие составляют 45 бесед, 246 писем, около 500 стихотворений на разные темы. Но в большинстве своих произведений святитель Григорий так или иначе касался вопросов воспитания и образования.

Говоря о воспитании и образовании детей, Григорий Богослов считал ученость первым благом, каким может владеть человек. Через нее он заимствует с юных лет из природы и книг все, что может принести как временную, так и вечную пользу. Люди, заботящиеся, как они говорят, об улучшении своей нравственности, но не радящие о просвещении своего ума или ищущие только знания, но не старающиеся о нравственном

самоусовершенствовании, по мнению святителя Григория, похожи на косоглазых, которые «терпят большой ущерб, когда сами смотрят, а еще больший стыд, когда на них смотрят» [3, с. 610]. Чтобы быть совершенным и в этой жизни «вкусать тамошнее блаженство», необходимо преуспевать и в словах, и в делах. Из словесных наук необходимо заимствовать то, что «споспешествует нашему любомудрию; потому что нужна сила и в слове, чтобы ясно выразить умопредставляемое. Ибо мысль, не высказывающая себя словом, есть движение оцепеневшего.» Под «любомудрием» святитель Григорий понимал «отрешение от мира, пребывание с Богом» по мере того, как через дальнее восходит человек к горнему и посредством непостоянного и скоропреходящего приобретает постоянное и вечно пребывающее [3, с. 611].

Григорий Богослов чтит истинную мудрость, под которой он понимал «жизнь похвальную, очищенную или очищаемую для Бога». «Первая мудрость, – писал он, – презирать ту мудрость, которая состоит в одних словах и оборотах речи, в обманчивых и излишних противоположениях... Не тот для меня мудрец, кто мудр на словах, у кого оборотлив язык, а душа не обучена, ... но тот, кто хотя мало говорит о добродетели, однако же, многое показывает на деле и жизнью удостоверяет в слове. Для меня лучше красота видимая, нежели изображаемая словом, лучше богатство, которое в руках, нежели воображаемое во сне, лучше мудрость, не словом блистающая, но свидетельствуемая делами» [3, с. 232]. Путь очищения есть путь исцеления, восстановления целостности. «Ибо если ум не просвещен, или слово слабо, или слух не очищен и потому не вмещает слово; от одной из этих причин так же, как и от всех необходимо храмлет истина» [3, с. 38] .

Святитель Иоанн Златоуст

Святитель Иоанн, получивший за свое духовное красноречие имя Златоуст, родился в Антиохии. Дата его рождения точно не известна - между 344 и 354 годами. Происходил святитель Иоанн из знатной и богатой семьи.

Его отец Секунд занимал должность воеводы в императорской армии, а мать Анфуса была образованной по тем временам женщиной, примерной супругой и матерью семейства. Когда Иоанн был еще младенцем, умер его отец, и мать, овдовев на двадцатом году своей жизни, не пожелала больше вступать в брак и до самой своей смерти не разлучалась с сыном. Удалившись от всех развлечений мира и посвятив себя своему маленькому семейству, любящая мать сама дала сыну основы образования. Первые слова, им прочитанные и написанные, взяты из Священного Писания, которое было любимым чтением Анфусы. Эти первые уроки на всю жизнь запечатлелись в душе Иоанна. Влияние благочестивой матери на юное сердце поселило в нем глубокую преданность воле Божией, с которой он без ропота и страха переносил впоследствии все бедствия своей жизни. Неизвестно, как и где Иоанн получил свое дальнейшее образование, дома ли при помощи приглашенных учителей, или в одной из христианских школ. Антиохия славилась своими школами и была своего рода сирийскими Афинами. В христианских школах, существовавших рядом с языческими, изучали в основном слово Божие, но давали и другие знания, почерпнутые у лучших представителей классического мира. Достигнув возраста восемнадцати лет, он продолжил образование в школе знаменитого софиста Ливания. Ливаний не отличался фанатичной враждой к христианству, а потому и прохождение курса высшего красноречия у него не было духовно опасным даже для христианских юношей. Иоанн сразу обнаружил такие дарования и стал делать такие

успехи, что невольно восторгал своего учителя. Когда лежащего на смертном одре старого софиста спросили, кого он желает назначить преемником по школе, он ответил: «Иоанна, если бы не похитили его у нас христиане» [5, с. 12].

Столкнувшись со светской жизнью, увидев ее различные стороны, познав всю ложь и пустоту этой жизни, Иоанн решил вступить на путь иночества. Но слезы и просьбы матери не покидать ее до смерти остановили послушного сына. Он продолжил свое духовное совершенствование дома под руководством священных наставников – епископа Мелетия Антиохийского и пресвитеров Флавиана и Диодора. Эти благочестивые учителя, и особенно Диодор, окончательно укрепили его в мысли посвятить себя подвигам учительства и благочестия. Иоанн принял крещение, и епископ Мелетий, совершивший над ним это таинство, возвел его в должность чтеца.

После смерти матери в 374 или в 375 году Иоанн удалился в монастырь недалеко от Антиохии и провел здесь четыре года, а потом еще два года подвизался в пустыне. По мнению протоиерея Георгия Флоровского, аскетизм для святителя Иоанна Златоуста означал скорее духовную установку, нежели определенные внешние и бытовые формы. Аскетизм для Златоуста был прежде всего отречением, то есть внутренней свободой и независимостью от мира, от внешней обстановки и условий жизни. В этом смысле аскетом он остался на всю жизнь. [8, с. 206].

В 381 году Иоанн принял диаконское посвящение от Мелетия Антиохийского, а в 386 году – пресвитерское от его преемника Флавиана. К этому времени относится книга «О священстве», в которой обсуждается в основном смысл епископского служения, но мы видим и отношение

Златоуста к его новому призванию. Книга была написана до его пресвитерского рукоположения. Из небольшого вступления к ней мы знаем, что ее написание обусловлено следующими обстоятельствами. В 374 году, когда Иоанн Златоуст жил вместе со своим другом Василием (не путать с Василием Великим) вдали от мирских дел, собравшиеся в Антиохии епископы вознамерились поставить их обоих епископами, о чем молва дошла и до них. Иоанн, представляя высокую важность пресвитерского и епископского служения и считая себя не подготовленным к надлежащему исполнению обязанностей пастыря Христовой Церкви, скрылся тайно от всех, и даже от своего друга, который был возведен в сан епископа (вероятно, Рафаны Сирийской близ Антиохии). Василий затем вскоре увиделся с Иоанном и высказал ему свои упреки за уклонение от священного сана. Ответом Златоуста стали слова «О священстве». Таким образом, написание этих слов можно отнести к годам после 374 года, но не позже 386 года, в котором Иоанн Златоуст уже был рукоположен в пресвитера.

Иоанн Златоуст, говоря о священническом служении, подчеркивал два основных момента. Во-первых, он говорил о высоте священнического звания, как призвания к тайнодействию. «Священнослужение совершается на земле, но по чиноположению небесному; и весьма справедливо; потому что ни человек, ни ангел, ни архангел, и ни другая какая-либо сотворенная сила, но сам Утешитель учредил это чинопоследование и людей, еще облеченных плотью, соделал представителями ангельского служения. Посему священнодействующему нужно быть столь чистым, как бы он стоял на самых небесах посреди тамошних Сил. Когда ты видишь Господа закланного и предложенного, священника, предстоящего этой Жертве и молящегося, и всех окропляемых этою драгоценною

кровью, то думаешь ли, что ты еще находишься среди людей и стоишь на земле, а не переносишься ли тотчас на небеса и, отвергнув все плотские помышления души, светлую душою и чистым умом не созерцаешь ли небесное?» [6, с. 424]. Во-вторых, в священнике он видел учителя, наставника, пастыря. Об этом служении Златоуст и говорил больше всего. Чтобы отвлечь народ от непристойных и бесполезных удовольствий и приучить его к слушанию полезного, по мнению Иоанна Златоуста, имеется два способа: презрение похвалы и сила слова. Необходимо и воздержание от ненависти и зависти. Священник должен относиться к своим пасомым так, как отец относится к своим малолетним детям: «как от этих мы не отвращаемся, когда они оскорбляют или ударяют, или плачут, и даже, когда они смеются и ласкаются к нам, не очень заботимся об этом» [6, с. 462-463]. «Сила слова, – писал он, – не дается природой, но приобретается образованием, то хотя бы кто довел ее до высшего совершенства, и тогда он может потерять ее, если постоянным усердием и упражнением не будет развивать этой силы» [6, с. 464]. Златоуст подчеркивал, что христианам запрещается насилием исправлять впадающих во грех, Бог награждает тех, которые воздерживаются от пороков по доброй воле, а не по принуждению. Человека нельзя ни силою, ни страхом принуждать, но только убеждением привести к истине, от которой он раньше отпал [6, с. 416-417].

Епископ Флавиан, рукоположив Иоанна в пресвитеры, предоставил ему широкую свободу деятельности, а особенно свободу проповедования. В Антиохии Златоуст прочитал свои знаменитые проповеди «О статуях», произнес большинство своих поучений на Евангелия от Матфея и от Иоанна и на послания апостола Павла. Он говорил от полноты своего сердца, вел живые

беседы со слушателями. Проповеди его записывались скорописцами и сделались предметом всеобщего внимания, их зачитывали и даже выучивали наизусть. В эти годы народ и назвал его Златоустом.

По совету министра Евтропия и по приказу императора Аркадия Иоанн Златоуст был переведен в столицу и избран епископом Константинопольским. Антиохийцы не хотели его отпускать, и он был увезен обманом. Феофил Александрийский рукоположил Иоанна в сан епископа в 398 году. В Константинополе святитель Иоанн продолжал проповедовать. Его проповедь, его учительство, по замечанию Георгия Флоровского, были попыткой нравственного перевоспитания общества, евангельским судом над современностью, над тем мнимым воцерковлением жизни, в котором слишком многие находили преждевременное успокоение. Голос проповедника звучал сурово и обличающе. Но он не только говорил, он заботился также о благотворительности, учреждал больницы, помогал бедным. Златоуст приказал монахам разойтись по монастырям, прекратив их бесцельные метания с места на место. Он любил длинные службы и крестные ходы. Обличал нерадивых, невзирая на лица и должности. В скором времени святитель Иоанн нажил себе врагов среди духовенства, монашества и влиятельных сил общества. В 403 году собор во главе с Феофилом Александрийским низложил святителя Иоанна, и он был отправлен в ссылку. Во время ссылки в столице произошло землетрясение, и, увидев в этом Божий гнев, император ненадолго возвратил праведника в Константинополь. Но уже в 404 году Иоанн насильно был отправлен в ссылку и по дороге в Пициус (Пицунду) скончался в 407 году. Из уст умирающего святителя присутствующие при его кончине слышали слова: «Слава Богу за все».

Свои мысли о воспитании святитель Иоанн изложил в «Гомолиях» (беседах) и в сочинении «К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни». Пример воспитательной деятельности он видел в образе Иисуса Христа, Который снизошел до человечества, чтобы возвести его до Божества. Высшее искусство воспитания и заключается в том, чтобы сперва спуститься до понимания воспитываемого, а потом уже возвышать его. Снисхождение во всем приносит большую пользу не только в делах житейских, но и в делах духовных. Как и Христос не вдруг открыл Свое Божество, но был сначала признан только пророком или святым человеком, а только потом уже в словах и делах обнаружил то, Кем Он был, так и воспитатель должен видеть значение этой мудрости принижения. В слове «К верующему отцу» святитель Иоанн показывает, «что нерадение о детях больше всех грехов и доходит до самого верха нечестия» [5, с. 82]. «Развращение детей, – писал он, – происходит не от чего другого, как от безумной привязанности (родителей) к житейскому: обращая внимание только на это одно и ничего не желая считать выше этого, они необходимо уже нерадят о детях с их душой. О таких отцах я сказал бы (и никто пусть не приписывает этих слов гневу), что они хуже даже детоубийц. Те отделяют тело от души, а эти то и другую вместе ввергают в огонь геенский; той смерти подвергнуться неизбежно по естественной необходимости, а этой можно было бы избежать, если бы не довела до нее беспечность отцов» [5, с. 88]. Родители начинают развращать своих детей, часто даже не подозревая об этом. «В самом деле, – говорил святитель Иоанн Златоуст – когда отцы убеждают детей заниматься науками, то в их разговоре с детьми не слышно ничего другого, кроме таких слов: такой-то человек низкий и из низкого состояния, усовершенствовавшись в красноречии, получил весьма высокую

должность, приобрел большое богатство, взял богатую жену, построил великолепный дом, стал для всех страшен и знаменит». Другой говорит: «такой-то, изучив италийский язык, блистает при дворе и всем там распоряжается». Иной опять указывает на другого, и все на прославившихся на земле, а о небесном никто ни разу не вспоминает. Если же иной попытается напомнить, то он прогоняется, как человек, который все расстраивает. Итак вы, когда напеваете это детям с самого начала, учите их не другому чему, как основанию всех пороков, вселяя в них две самые сильные страсти, то есть, корыстолюбие, и еще более порочную страсть – суетное тщеславие. Каждая из них и порознь может низвергнуть все; а когда они обе вместе вторгнутся в нежную душу юноши, то, подобно соединившимся бурным потокам, извращают все доброе и наносят столько терния, столько песка, столько сору, что делают душу бесплодной и неспособной ни к чему доброму» [5, с. 89]. Детям позволяют делать то, что их губит. «*Горе*, сказано (в Писании), *смеющимся* (Лук. 6, 25); а вы подаете детям множество поводов к смеху. *Горе богатым* (ст. 24); а вы предпринимаете все меры, чтобы они разбогатели. *Горе егда добре рекут вам еси человецы* (ст. 26); а вы часто тратите целые имущества для людской славы. Еще: поносящий брата своего *повинен есть геене* (Мф. 5, 22); а вы считаете слабыми и трусливыми тех, кто молчаливо переносит обиды от других... И не только то ужасно, что вы внушаете (детям) противное заповедям Христовым, но и то еще, что прикрываете порочность благозвучными наименованиями, называя постоянное пребывание на конских ристалищах и в театрах светскостью, обладание богатством свободой, славолубие великодушием, дерзость откровенностью, расточительность человеколюбием, несправедливость мужеством. Потом, как будто мало этого обмана, вы и

добродетели называются противоположными наименованиями, скромность неучтивостью, кротость трусостью, справедливость слабостью, смирение раболепством, незлобие бессилием, как будто опасаясь, чтобы дети, услышав от других истинное название этих (добродетелей и пороков), не удалились от заразы. Ибо название пороков прямыми и подлинными их наименованиями немало способствует отвращению от них» [5, с. 91-92].

Родители, стараясь дать образование своим детям, забывают о главной науке – любомудрии души. «Когда душа целомудренна, – пишет св. Иоанн, – тогда не будет никакой потери от незнания красноречия; а когда она развращена, тогда бывает величайший вред, хотя бы язык был весьма изощрен, и тем больший, чем больше это искусство; ибо порочность в соединении с искусством в слове производит гораздо худшие беды, чем необразованность» [5, с. 101]. Речь идет не об отрицании образования, а о невозможности получить истинное образование без доброй нравственности.

Наряду с семьей христианское воспитание в то время осуществляли монастыри, вводившие мальчиков в новый христианский образ жизни. Святитель Иоанн подчеркивал, что не только монахам, но и всем людям необходимо восходить на одну и ту же высоту: «то именно и развратило вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни, а прочим можно жить беспечно. Нет, от всех нас требуется одинаковое любомудрие» [5, с. 109]. Если человек приступает к любомудрию в конце своей жизни, он употребляет все время на то, чтобы посильно омыть грехи, совершенные в прежнем возрасте, на это тратится все его усердие. Но часто он не успевает и в этом и отходит из этого мира с остатками ран. А кто с юных лет вступил в

подвижничество, тот не тратит время на это и не сидит, врачуя свои раны, но с самого начала уже получает награды и отходит в старости, увенчанный бесчисленными венцами.

Говорил святитель Иоанн и о цели воспитания. «Самое лучшее учение не то, когда, допустив наперед порокам одержать верх, потом стараются изгнать их, но то, когда употребляют все меры, чтобы сделать природу нашу недоступною для них... если бы мы все усвоили себе такой образ мыслей и прежде всего другого вели детей к добродетели, считая это главным делом, а все прочее придаточным, то отовсюду произошло бы столько благ, что, перечисляя их теперь, я показался бы преувеличивающим дело» [5, с. 118]. Призывая родителей быть отцами доблестных детей, «строителями Христоносных храмов, попечителями небесных ратоборцев», святитель Иоанн восклицал: «Поистине, мы тогда особенно и остаемся с детьми своими, когда отдаем их Господу» [5, с. 121].

Ревностно проповедовал Златоуст об обязанности родителей воспитывать своих детей, особенно резко высказывался против роскоши и тогдашних зрелищ, которые развращали нравы и разрушали семейную нравственность. Святитель говорил в своих беседах о том, что каждому человеку от начала были даны два учителя – творение и совесть, и оба они, не произнося слов, учили людей безмолвно.

Святитель обращал внимание на то, что христианское воспитание детей служит делу спасения души родителей.

Особенностью этих огласительных трудов стало до определенной степени воссоединение обеих тенденций – с одной стороны из языческой философии бралась терминологическая база, для описания христианского

вероучения, с другой, подчеркивалось превосходство христианства над любой языческой философией. К V веку это приводит практически к полному перерождению античного общества. Этот процесс перерождения закончится много позже на рубеже VI - VII веков рождением новой, христианской, византийской культуры. В IV веке появляется большое количество святоотеческих трудов, в том числе посвященных проблемам воспитания. В целом, уже в то время начинается формирование христианской православной модели воспитания. И хотя юноши и девушки из христианских семей проходили обучение в языческих, по преимуществу, школах, основное воспитание происходило в семье и в Церкви.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите основные вехи формирования православной святоотеческой педагогики.
2. Какие основные тенденции по отношению к языческому античному образованию занимали учителя Церкви во II - III веках?

Литература

1. Антология педагогической мысли христианского Средневековья: В 2-х т. – Т.1. Путь христианского образования в трудах Отцов Церкви мыслителей раннего средневековья. - Издательство: АО «Аспект Пресс», 1994 – 399 с.
2. Василий Великий, святитель. Избранные творения. Нравственные правила и беседы. Издательство: «Белорусский Экзархат», 2014. – 704 с.
3. Григорий Богослов. Творения. / Пер. Московской духовной академии. В 6 ч. М., 1843 – 1848. Ч. 1. – 1843. – 318 с.

4. Григорий Богослов. Творения. / Пер. Московской духовной академии. В 6 ч. М., 1843 – 1848. Ч. 2. – 1843. – 312 с.

5. Иоанн Златоуст (Патриарх Константинопольский; 347– 407). Полное собрание творений: в 12 т. / свт. Иоанн Златоуст. Т. 1, кн. 1. – Репр. воспроизведение изд. – М. : Православная книга, 1991. – 398 с.

6. Иоанн Златоуст (Патриарх Константинопольский; 347–407). Полное собрание творений : в 12 т. / свт. Иоанн Златоуст. Т. 1, кн. 2. – М. : Златоуст, 1995. – 899 с.

7. Климент Александрийский. Педагог, творение учителя церкви Климента Александрийского / С первонач. текста пер. с примеч. Н. Корсунского. - Ярославль: тип. губ. зем. управы, 1890. – 348 с.

8. Флоровский, Г. В. Восточные отцы IV-го века: из чтений в Православном Богословском Институте в Париже / прот. Георгий Флоровский. Репр.: Париж, 1931. – Amersham, England : Gregg International, 1978.

9. Шестун Евгений, священник. Православная педагогика / Шестун Евгений, священник. Самара: ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998 – 576 с.

Лекция 3. Отеческое поучение в православной педагогике. Церковно-педагогическая мысль XVII-XVIII веков

План

1. Педагогические идеи «Поучения» Владимира Мономаха.

2. Отражение православной педагогической культуры в Домострое.

3. Идеи нравственного семейного воспитания в наследии митрополита Димитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского.

4. Основы духовного воспитания в трудах святителя Игнатия Брянчанинова о сущности и содержании духовно-нравственной жизни человека, принципах, средствах и методах религиозно-нравственного воспитания.

1. Педагогические идеи «Поучения» Владимира Мономаха. Отражение православной педагогической культуры в Домострое

В IX в. на территории Восточной Европы возникло мощное Киевское государство, оформился феодальный строй. Введенная в конце X в. князьями официальная государственная религия – христианство – способствовала этому. Князья и церковь стали распространять в народе переводные сборники поучений, в которых имелись статьи и изречения педагогического характера, взятые из различных религиозных источников. Рекомендовалось воспитывать у детей чувство страха перед богом, беспрекословное повиновение воле старших, духовенства и правителей. Средствами воспитания считалось выполнение детьми с малых лет религиозных христианских обрядов, заучивание молитв, соблюдение постов. Утверждая, как и католическая религия, что природа человека греховна, Православная религия рекомендовала также в качестве одной из мер воспитательного воздействия физические наказания, которые якобы должны были искоренять в детях злое начало. Православное вероучение, как и католическое, оправдывало эксплуатацию бедных богатыми, угнетение народа князьями и их приближенными. Но в народе новая христианская идеология часто переплеталась с прежним мировоззрением, отражающим отношения, сложившиеся в бесклассовом, родовом обществе. И воспитание детей в широких массах населения также велось средствами, исстари сложившимися в условиях патриархально-

родового быт древних славян, лишь отчасти на практику воспитания оказали влияние христианские представления о сущности и содержании процесса воспитания [2].

В Киевской Руси были открыты государственные школы для подготовки образованных людей из среды дружинников, бояр, “княжих мужей”. Князья и церковь создавали также школы, которые готовили священников. Церковь, желая, чтобы народные массы быстрее оставляли язычество и переходили в христианскую веру, организовывала обучение грамоте в монастырях и на дому у священников. Учебными книгами служили: аз бука, часослов и псалтырь. Часослов представлял собой сборник ежедневных молитв и обрядов, совершаемых верующими в разное время дня. В псалтыри были собраны различные религиозные песнопения – псалмы. Детей учили чтению, письму, пению.

Известный памятник древнерусской литературы «Поучение детям» князя Владимира Мономаха (1117) являет собой пример традиционного средневекового жанра наставления отца сыну. В этом ряду находятся «Наставления» Людвига Святого, французского короля, «Отцовские поучения» из библиотеки англо-саксонского короля Гарольда, женатого на одной из дочерей Владимира Мономаха, восточный педагогический трактат Кей-Кавуса «Кабус-Наме», «Трактат о домоводстве» Ибн Сины и особенно произведение византийского полководца Кекавмена «Советы и рассказы», написанные в форме наставления сыну.

Сочинение князя Владимира Всеволодовича Мономаха «Поучение детям», включает три относительно самостоятельных произведения (собственно поучение, автобиографию и письмо князю Олегу Черниговскому). Чтобы выделить этические и педагогические идеи из этого удивительного и в высшей степени оригинального

произведения, следует кратко остановиться на его содержании.

Хотя «Поучение» в Лаврентьевской летописи стоит под 1096 г., написано оно значительно позже, явно к концу жизни его автора. Мономах уже несколько лет занимал великокняжеский киевский стол, позади было более полувека изнурительных трудов, боев, походов. Настала пора подвести итоги, передать наследникам свой опыт правителя и военачальника. Он адресует свое «Поучение» не только родным детям, но всем, кто захочет воспользоваться его советами, опытом длительной и многотрудной жизни: «Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но к кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое». Имеются в виду в первую очередь, конечно, князья, правители. Итак, Мономах, «сидя на саях, помыслил в душе своей...», вспомнил о событиях своей жизни и решил рассказать об этом. Но едва ли так просто все было на самом деле. Князь пишет морально-политический трактат, в котором все подчинено общей идее – удержать на моральной основе распадающееся политическое единство Руси, объединить усилия всех князей по укреплению могущества Русской земли, опираясь на авторитет церкви и христианского вероучения, дать идеологическое обоснование такому порядку вещей, при котором феодальная раздробленность не приводила бы к губительным для государства последствиям. Мономах, как реальный политик, понимал, насколько трудно объединить противоречивые, эгоистические устремления князей. Он был инициатором политической системы, провозглашенной на Любечском съезде 1097 г.: «...да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей...» («Повесть временных лет»), и утопично

считал, что моральная сила может заменить силу политическую и государственную.

В «Поучении» обращение к церковным авторитетам как бы слито с автобиографическими моментами, проникнуто сильным личным чувством. Это не набор комментированных цитат, не бесстрастное морализирование, а выстраданное автором убеждение, темпераментное, лирическое, с элементом трагизма. Мономах в глубине души понимает недостижимость рисуемого им идеала не только в политической системе, но и в собственном личном поведении, нарушающем проповедуемую им же мораль, о котором он повествует с пронзительной скорбью и сокрушением.

Какой же идеал правителя и человека рисует Мономах? Какими качествами должен обладать правитель? Автор «Поучения» не оторванный от жизни мечтатель, не религиозный проповедник, он сознает свою ответственность за подданных, за оборону родной земли. Три добрых дела, говорит Мономах, дают победу над врагом и избавление от грехов: покаяние, слезы и милосердие. Эти три добрых дела очень ясно и поэтично раскрываются автором, подкрепляются многочисленными примерами из собственной биографии Мономаха, а также из жизни его отца Всеволода Ярославича. Покаяние – это осознание своих поступков, сознательное поведение, стремление избежать ошибок, честность перед собой и людьми. Слезы – сокрушение о своих неблагоприятных делах, честное признание своих недостатков с тем, чтобы исправиться, понимание помыслов и деяний других людей, понимание бренности человеческой жизни, признание неизмеримого превосходства ценностей духовных перед материальными (все это, конечно, выражено языком христианского средневековья). При этом проповедь Мономаха в общем оптимистичная и гуманистичная, в ней

содержится настоящий гимн человеку и Вселенной. Она написана, как утверждают исследователи, под влиянием «Шестоднева». «Что есть человек как подумаешь о нем?» – спрашивает Мономах и отвечает: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, разум человеческий не может постигнуть чуда твоего... Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы, и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразил человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица...». Мономах восхищается разнообразием, неповторимостью человеческих лиц, т. е. принимает и признает ценность каждого человека. Правитель, глава государства, обладающий очень большой властью, он признает право человека на индивидуальность, право быть самим собой, утверждает ценность человеческой личности. Мономах призывает не потворствовать злоупотреблениям властителей. Князь, властитель, распоряжавшийся жизнью и смертью многих тысяч людей, прекрасно знал, как трудно устоять перед тщеславием и лестью. Нужна большая мудрость и критическая самооценка, чтобы выступить против увлечения властью [7].

Пафос морально-педагогической проповеди Мономаха – труд и человечность. Труд постоянный, без отдыха, – труд на войне, дома, на охоте (княжеские «ловы» – дело серьезное и опасное, а вовсе не забава). Все автобиографические примеры должны были по мысли Мономаха, внушить главное – не ленитесь, трудитесь неустанно, честно и достойно, исполняйте свое главное мужское дело: защищайте родную землю, не жалея сил и

жизни, защищайте, не давайте в обиду тех, кто доверен вам, зависит от вас: «Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет» [7].

В педагогическую систему (если можно употребить это слово) Мономаха входило как органическая составная часть книжное учение, обязательное для правителя. Мономах приводит в пример своего отца Всеволода Ярославича, который, «сидя дома» (т. е. не бывая за границей), самостоятельно изучил пять языков, «...оттого и честь от других стран имел». Книжное обучение связано с почитанием церкви, уважением к духовенству. Мономах пытался с помощью церкви укрепить создаваемую им политическую систему.

«Поучение» – прежде всего политический трактат, и его педагогические идеи могут быть поняты только в контексте средневековой христианской этики, церковной идеологии и политики. Морально-педагогические идеи Мономаха имели ярко выраженный социально-политический смысл. Но, стремясь укрепить феодальный порядок, Мономах вносил в свою политическую деятельность сильное этическое начало. Он готов был потерпеть ущерб как князь и правитель во имя поддержания высокого морального престижа, хотя не подчеркивает своей безупречности, не утверждает все свои деяния как незыблемый и абсолютный образец. Он далеко не всегда был безупречен, нередко вынужден был поступаться своими принципами, вести феодальные войны со своими родичами. Но Мономах, что удивительно для эпохи феодальных свар и усобиц, не только признается в этом, но и пытается на практике осуществить свои этические идеи. В автобиографии Мономаха есть эпизод, когда он, непобежденный, уступил своему постоянному

врагу Олегу Святославичу Чернигов, «...пожалел я хрестьянских душ и сел горящих и монастырей» [6].

Владимир Мономах не только знакомил древнерусских читателей с общемировыми для того времени представлениями о воспитании, прежде всего христианском, но и высказывал собственные мысли. Основным методом воспитания он считал пример, особенно отца, которому следует подражать как образцу. Мономах ратовал за упрочение семьи, высоко ставил роль отца в воспитании у мальчика трудолюбия, способности исполнять все мужские дела, быть воином. Основные качества человека, которые необходимо формировать у детей, – религиозность, уважение к старшим, братское отношение к ровесникам, милостливость по отношению к бедным, осторожность, самообладание, находчивость и хладнокровие в опасных ситуациях. Одно из основных умений, которое должен выработать отец в сыне, – это умение рачительно управлять своим домом.

Итак, особенности педагогической мысли домонгольского периода определялись пониманием человека как обладающего свободой воли, возможностью выбора между добром и злом. Предметом воспитания является человек как таковой, как совмещение телесного и духовного начал. Духовное надо развивать и совершенствовать воспитанием, обучением, телесное же может быть «небрегомо». Человек должен активно противостоять мировому злу (дьяволу), он несет ответственность за свои дела – «деяния», они – главный критерий ценности человеческой личности. Но человек должен совершать деяния в соответствии со своим положением в мире и обществе, сообразно своему назначению. Сословная принадлежность закреплена наследственно. Исключение представляют только монахи, принявшие постриг. В этико-педагогических воззрениях

отражается государственный, церковный и сословно-классовый интерес, т. е. характер реальных общественных отношений.

2. Отражение православной педагогической культуры в Домострое

О направленности русского воспитания XVI в. в духе православия красноречиво говорит знаменитый памятник того времени «Домострой», служивший настольной книгой не одного поколения русских людей. «Домострой» - один из важнейших памятников древнерусской светской литературы, который был создан как синтез нескольких жанров в эпоху становления русской государственности в первой половине царствования Ивана IV Грозного. Его рождению предшествовал длительный период складывания текста на основе самых разных источников, в том числе и связанных с византийской традицией. Таким образом, в широком смысле «Домострой» впитал в себя общие идеи средневековья, не всегда имеющие строго национальную основу. Однако окончательный результат в подборе источников и в характере самого текста, в интонации повествования и в идеологических акцентах является чисто русским, несет на себе следы русской жизни.

Текст «Домостроя» [3], составлялся постепенно, из разных источников, во многих местах. Сначала переводили с греческого языка и переписывали нравоучительные высказывания и «Слова» святых отцов, особенно Иоанна Златоуста. Потом составляли из них сборники, известные под разными названиями, сменявшими друг друга: «Златоуст», «Златоструй», «Златая цепь», «Измарагд», по-гречески «смарагд», то есть изумруд. Сжатое изложение этих «слов», наиболее интересных, и составило первую часть Домостроя. Большинство изречений и советов, собранных здесь, не только не являются русскими по форме, они вообще выражают не свойственный русской среде дух «монашеского православия». Именно из этих поучений вышли некоторые

мотивы «Домостроя», осуждаемые сегодня: унижения женщины, суровой аскезы, жестоких форм воспитания. Первый из этих мотивов, связанный с отношением к женщине, как бы отталкивался от ветхозаветных текстов, отцы церкви в своей преувеличенной стыдливости давали одностороннюю характеристику женщине. Совсем иначе «Домострой», там, где уже не наблюдается прямой связи с патриархальным укладом, расширяет функции «жены», и социальные и гражданские, как хозяйки дома, равноправной с господарем личности, подотчетной только ему.

Однозначно, по мнению Д.С. Лихачёва [4], как памятник литературы «Домострой» складывался постепенно, однако, предположительно, в настоящем своем виде был составлен известным деятелем XVI века, близким сотрудником молодого Ивана IV, протопопом Сильвестром (он, вероятно, и назвал книгу «Домостроем»).

Сильвестр – выходец из новгородской зажиточной торгово-промышленной среды, был близок к новгородскому архиепископу Макарию, после избрания которого митрополитом переехал в Москву и с 1545 г. стал протопопом придворного Благовещенского собора в Кремле. Он участвовал в подготовке и проведении государственных и культурных реформ того времени, в том числе в составлении и редактировании таких важных памятников. «Домострой» «сильвестровской редакции» – основное произведение писателя; он отредактировал и отчасти дополнил ходивший в списках новгородский сборник аналогичного содержания.

Во все времена всех людей волновало, кто придет им на смену, кого они оставят на земле после себя. Поэтому-то издревле дело воспитания подрастающего поколения считалось одним из важнейших. Естественно, что «Домострой» не обошел стороной эту тему. Более того, судя по тому, что и начинается, и заканчивается он текстами, по сути, на одну и ту же тему, разнящимися

лишь объемом: «Наставление отца сыну» (гл. 1) и «Послание и наставление от отца к сыну» (гл. 64), этому аспекту в XVI веке придавали самое серьезное значение.

Воспитательные рекомендации приведены в «Домострое» [3], сразу же после наставлений духовных – что свидетельствует о том, как ответственно относились тогда к этому вопросу. Объединенные в четыре главы, они учат «Как детей своих воспитать в поучении и страхе Божьем» (гл. 15); «Как дочерей воспитать и с приданным замуж выдать» (гл.16); «Как детей учить и страхом спасать» (гл. 17); «Как детям отца и мать любить и беречь, и повиноваться им, и утешать их во всем» (гл. 18).

Итак, что же лежало в основе детского воспитания и обучения?

Важнейший элемент воспитания детей в древнерусской семье – это строгое следование правилам поведения, обрядам, ритуалам и церемониям, коих в XVI-XVII веках было превеликое множество. Прежде всего, дети должны были усвоить религиозный образ жизни своих родителей. Например, после вечерней службы или домашнего моления не пили, не ели, не полагалось разговаривать, – это было грешно. Перед тем как лечь в постель, обязательно должны были сделать три земных поклона перед домашними иконами. И перед началом любого дела обязательно творили молитву. Даже обычные домашние дела всегда начинались с поясных и земных поклонов, при этом обязательно творилось крестное знамение. А перед едой возносился хлеб в честь Богородицы.

Вслед за старшими дети усваивали и такие церемонии, как поклоны: ведь люди по-разному встречали и приветствовали друг друга. Это мог быть простой наклон головы, или поклон малым обычаем (когда кланялись в пояс), или поклон большим обычаем (кланялись до земли).

Все зависело от сословия человека или его отношения к встречному. При виде царя или перед иконами в церкви беднейшие бояре «били челом», то есть падали на колени и касались лбом пола.

Особый стиль поведения внушался девочкам и девушкам. Как известно, дом был разделен на две половины, мужскую и женскую, и положение женщины в семье было строго определено. Боярыня при разговоре с мужчиной не могла смотреть ему в глаза. Размахивать руками ей тоже не разрешалось. Одну руку женщина держала около груди, а вторая была опущена вниз. Даже складывать (скрещивать) руки под грудью могла только простая женщина, но не боярыня. Праздная беседа тоже считалась грехом. Во время разговора женщина (или девушка) должна была заниматься делом, чаще всего рукоделием: прясть, вязать или вышивать. На пиры женщины и девушки не допускались, так что познакомиться с молодым человеком девице не представлялось никакой возможности. Исключением был только свадебный пир, на котором веселились все вместе, и даже молодым девушкам боярышням разрешалось плясать [3].

В нравственно-религиозном плане «Домострой» ставил перед родителями такую задачу: «Если воспитаешь детей своих в страхе божьем, в поучении и наставлении, и до возмужания их сохранишь в целомудрии и в чистоте телесной, законным браком их сочетаешь, благословив, и обеспечишь всем, и станут наследниками имения твоего, и дома, и всего твоего прибытка, который имеешь, то упокоят они тебя в твоей старости, а после смерти вечную память отслужат по родителям своим, да и сами благословенны пребудут вовеки, и великую награду получают от Бога в сей жизни и в будущей, если живут они по заповедям господним» [3, гл.17].

В противном же случае, «если дети, лишенные наставлений отца и матери, в чем согрешат или зло сотворят, то и отцу и матери с детьми их от Бога грех, а от людей укор и насмешка...» и «если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таковых грехах и ответ им держать в день Страшного суда, то есть наказание постигнет и детей, и родителей [3, гл.15].

«Домострой» учит родителей обязательной заботе о чадах своих, заботе как материальной, так и духовной: «Пошлет Бог кому детей, сыновей и дочерей, то заботиться отцу и матери о чадах своих; обеспечить их и воспитать в добром навыке...» Отцу и матери надлежит «учить детей страху Божию, и вежливости, и всякому порядку». А кроме того, в зависимости от возраста, и обучать их: мать обязана приобщать дочерей к рукоделию, а отец сыновей к мастерству и разным ремеслам. Интересно, что «Домострой» делает здесь скидку на склонности ребенка, рекомендуя обучать детей именно тому, «кто в чем способен и какие кому Бог возможности даст».

Призывая родителей любить и беречь своих детей, «Домострой» в то же время обязывает их «и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить». Вот она, классическая, передаваемая из уст в уста домостроевская догма: «Наказывай детей в юности - упокоят тебя в старости твоей». В особой строгости воспитывались тогда сыновья: «Не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти». Что касается дочерей, то и их полагалось растить пусть не столь сурово, но без вольностей. Основой основ воспитания дочки было – беречь ее от греха и «блюсти ее чистоту телесную как зеницу ока и как свою душу». «Ибо если отдашь дочь свою беспорочной, будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься». [3, гл. 15].

Стало быть, основной домостроевский принцип воспитания ясен: «воспитаи дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение». Иными словами, чем больше строгости, ограничений свободы, а со стороны детей полного послушания, тем лучше. Должна быть и любовь обязательно. Однако «Домострой» остерегает родителей от любви открытой, явленной. Душевное тепло, ласку, нежность и прочие проявления чувств подобает прятать глубоко, на самом дне родительской души: «не улыбайся ему, играя: в малом послабишь – в большом пострадаешь скорбя, и в будущем словно занозы вгонишь в душу свою».

Впрочем, родителям не рекомендуется проявлять вообще никаких чрезмерных эмоций как положительных (бурная радость, восторги, умиления), так и отрицательных (гнев, ярость). Умение сдерживать себя, скрывать свои чувства считалось важнейшим достоинством хозяина, главы семьи.

В другой главе читаем: «Наказывай сына своего в юности его, и упокоит тебя в старости твоей, и придаст красоты душе твоей. И не жалеи, младенца бия: если жезлом накажешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочь у тебя, и на нее направишь свою строгость, тем сохранишь ее от телесных бед: не посрамишь лица своего ... и в любом обществе будешь гордиться, никогда не страдая из-за нее.

Любя же сына своего, учащи ему раны - и потом не нахвалишься им. Наказывай сына своего с юности и порадуешься за него в зрелости его, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитаи детей в запретах и найдешь в них покой и благословение. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет. [3, гл.17].

Таким образом, мы видим, что детей воспитывать рекомендовалось самыми суровыми методами. Их можно и

даже нужно было бить, пороть, наказывая за любую шалость, держать в строгом послушании и всевозможных запретах.

Иными словами, если не соблюсти эти правила, то ребенок, по заветам «Домостроя», вырастет избалованным, испорченным, ни к чему не годным и принесет одно горе, печаль и позор своей семье. «Так не дай же ему воли в юности, но пройдишь по ребрам его, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укором соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей и злою досадой». А ежели дети будут воспитаны по всем правилам, то есть «в страхе божьем и в добром наставлении и научены всякому знанию, и порядку, и ремеслу, и рукоделию, таких детей вместе с родителями Бог помилует, священники благословят и добрые люди похвалят» [3, гл.15].

Что же касается самих детей, то им строго настрого предписывалось любить, почитать и во всем слушаться отца и мать, помогать родителям в старости, как бы сурово и жестоко они не обращались со своими детьми: «Чада...любите отца своего и мать свою и слушайтесь их, и повинуйтесь им божески во всем, и старость их чтите, и немощь их и страдание всякое от всей души на себя возложите, и благо вам будет, и многие лета пребудете на земле». Иначе, если они осмелятся в чем-то перечить родителям или оскорбить их, Бог найдет на таких нечестивых детей самые страшные проклятья и самую лютую кару. «Сын или дочь, не послушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца своих дней, если прогневят отца или досадят матери».

«Если же кто осуждает или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми; кто бьет отца и мать, пусть

отлучат от церкви... и пусть умрет он лютою смертью. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь, как они о вас...» [3, гл.18].

Непримиримо отношение автора и к тем детям, которые способны поднять руку на родителей: «Кто бьет отца или мать, тот отлучится от церкви и от святынь, пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо сказано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, не послушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца своих дней, если прогневят отца или досадят матери. Себе он кажется праведным перед Богом, но язычника хуже он, сообщник нечестивых, о которых пророк Исая сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы господней». Он назвал нечестивыми тех, кто обесчестит своих родителей. И еще сказал: «Кто насмехается над отцом и укоряет старость матери, пусть склюют его вороны и сожрут орлы!» [3, гл.18].

И наоборот, все блага земные и неземные будут воздаянием детям, которые чтят и любят своих родителей, подчиняются им: «Воздающие же честь отцу-матери, повинующиеся им во всем по-божески, во всем станут утешением для родителей, и в день печали спасет их Господь Бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое. Утешающий мать свою творит волю божью и угождающий отцу в благодати проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас благословят они: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напастей избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда

почтут вас и ваши дети. Не забывайте трудов отца-матери, ибо о вас заботились и за вас печалились, упокойте старость их и о них позаботьтесь, как и они о вас некогда». Не говори: «Много сделал добра им и одеждой и пищей и всем, что нужно», этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь и ты их родить и позаботиться так, как они о тебе. Потому-то с трепетом и раболепно служи им, тогда и сами от Бога награду примете и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди Его» На Руси существовала такая пословица: Кто насмехается над отцом и укоряет совесть матери, пусть склюют его вороны и сожрут орлы!» [3, гл.18].

По словам Н.И. Костомарова [6], «почтение к родителям считалось, по нравственным понятиям, ручательством здоровой, долгой и счастливой жизни». В противовес сказанному выше, «Домострой» говорит и об обязанности родителей по отношению к детям, в частности, это касается рождения дочерей. Сильвестр, составитель «Домостроя», убежден, что любовь к детям должна проявляться исключительно в делах, а не на словах: в каждодневной заботе, в расчетливом ведении хозяйства, в умении родителей обеспечить будущее своим детям. По обычаю того времени, заботливый отец должен заранее позаботиться о приданном для дочери - это его прямая обязанность. Целая глава посвящена, например, тому, как правильно собирать дочери приданое. «У кого дочь родится, тогда рассудительные люди от всякой прибыли на дочь откладывают: на ее имя или животинку растят с приплодом или из полотен, и из холстов, и из кусков ткани, и из убрусов, и из рубашек все эти годы ей в особый сундук кладут и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду оловянную, и медную, и деревянную; добавлять всегда понемножку, а не все вдруг, себе не в убыток. И всего будет полно. Так дочери растут,

страху Божью и знаниям учатся, а приданое их понемногу прибывает, только лишь замуж сговорят, а тут все и готово». Если родители будут следовать этой разумной рекомендации, то и свадьба будет им в радость, а ежели «отец и мать незапасливы, для дочери своей...ничего не приготовили и доли ей никакой не выделили», то «впадут в печаль от свадьбы такой, ведь купить сразу все дорого» [3, гл.16].

Также важно понять, что забота о воспитании детей это всегда обязанность отца и матери. По мысли Домостроя, на их плечах полностью лежит ответственность за то, какими вырастут их дети, поэтому он и рекомендует наказывать их почаще. Ведь «если дети, лишённые наставлений отца и матери, в чем согрешат или зло сотворят, то и отцу и матери с детьми их от Бога грех, а от людей укор и насмешка, дому убыток, а себе самим скорбь, от судей же позор и пеня».

И наоборот, если родители хорошо воспитают своих чад, передадут им свой жизненный опыт, то и им будут дарованы все земные и неземные блага:

«Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе божьем в добром наставлении, и научены всякому знанию и порядку, и ремеслу, и рукоделию, такие дети вместе с родителями своими Богом будут помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми похвалены...» [3, гл.15].

3. Идеи нравственного и семейного воспитания в наследии митрополита Димитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского

В XVII–XVIII вв. распространение получили святоотеческие труды, и многие из мирян следовали тем правилам духовного совершенствования, которые они предлагали, а педагогические наставления и пример жизни

русских подвижников благочестия predeterminedили развитие церковно-педагогической мысли.

Делом жизни **Ростовского митрополита Дмитрия** (1651–1709) стало составление «Келейного летописца» – учебной книги для училищ, состоящей из текстов Священного Писания, прокомментированных отцами Церкви, с примерами из житийной литературы. «Келейный летописец» был задуман как учебное пособие для Ростовской духовной школы. Из приведенных текстов складывается своеобразный воспитательный кодекс святителя Дмитрия, основанный на евангельском понимании особого места детства и отрочества, на признании ответственности родителей за воспитание детей, на необходимости тщательного выбора педагога. Усилия воспитателя, по мнению митрополита Дмитрия Ростовского, должны иметь целью душевное здоровье воспитанника, его нравственное совершенствование, воспитание ума, воли и чувств. Педагогическими идеями нравственного семейного воспитания проникнуты были и проповеди св. Дмитрия, главным желанием которого было сделать людей лучше и добрее. Родителей он учил воспитывать детей с младенческого возраста в наказании и учении Господнем, не давать поблажек, не попускать им своеволия, бесчинства, сквернословия – ведь какое дадут родители воспитание своему ребенку, какому научат его образу жизни, в том он и останется на всю жизнь.

Святитель Тихон Задонский (1724–1783), епископ Новгородский, затем Воронежский, ставший по собственному прошению иноком Задонского монастыря, в своих творениях развивал педагогические традиции восточных отцов Церкви, древнерусской книжности и Домостроя. Понимая жизнь временную как «путь к вечному», к Богу, угождение Ему святитель Тихон Задонский считал возможным через молитву, пост и труд.

Жизнь человека и его деятельность Тихон Задонский рассматривал на двух уровнях: взаимоотношения с Богом и отношения с людьми, природой, причем взаимоотношения второго уровня должны содействовать сближению человека с Богом. Именно на первом уровне определяется смысл человеческой жизни, приобретает все доброе, нравственное. Тихон Задонский не отделял цель воспитания от цели жизни. Позже эту же мысль в XX в. развил в своих трудах прот. Василий Зеньковский, который указывал, что в православном вероучении всегда действуют два мотива, объясняющие его. Эти два мотива говорят нам о том, что православие есть учение: а) об этой жизни и б) о вечной жизни. Поэтому целью воспитания в православной педагогической культуре является подготовка ребенка как к вечной жизни, так и к этой жизни, поскольку эта жизнь дает не только возможность приобрести жизнь вечную, но дает возможность и потерять ее [5].

Любая деятельность человека, по мысли святителя Тихона Задонского, должна быть направлена на дальнейшее его совершенствование, на стремление к богоугождению. Успех деятельности зависит от специальной подготовки – духовной, умственной и физической. Эта подготовка относится собственно к сфере педагогической в широком понимании смысла этого слова. Поэтому деятельность учителя Тихон Задонский рассматривал как богоугодную, ведь смысл ее в том, по его мнению, что она должна быть направлена на спасение души воспитанника. И только ее добросовестное исполнение позволяет учителю спасти и свою душу.

Педагогический процесс, по мнению святителя Тихона, должен быть направлен на созидание образа. Методы, ведущие к этому, – положительный пример и наказание, сущность которого Тихон Задонский понимал в том, чтобы

научить христианина уже с детства рассматривать свои жизненные неудачи как следствие проступков в поведении. Святитель обращал внимание и на то, что путь к Богу – это не сам факт крещения, но «правильное житие», благочестие, борьба с грехом. Главная роль в воспитании этих добродетелей принадлежит, по его мнению, семье – она воспитывает больше не словом, а делом, примером, а не наставлением. Поэтому воспитательно само пребывание в семье, нельзя допускать отлучения ребенка из семьи, чтобы он на стороне поддавался дурному влиянию, которое легче не допустить, чем исправить. Родителей святитель Тихон призывал быть отцом или матерью не только по плоти, но и по духу, обращал внимание на трудности становления родительского сознания, на их ответственность за души своих детей. Поэтому святитель поучал родителей так строить свою жизнь, чтобы она была образцом для ребенка: «Родители же не только не научающие, но и соблазняющие (показывающие дурной пример) детей своих – окаянейшие убийцы, поскольку убийцы – тело тленное, а они душу бессмертную убивают, когда детей своих соблазняют и показывают путь ко греху» [5, с. 573].

В отношениях с детьми Тихон Задонский советовал родителям придерживаться следующих правил: детей воспитывать с младенчества в благочестии и добронравии, вере и страхе Божиим; учить детей жить по-христиански и заботиться об их духовном воспитании; объяснять детям смысл крещения и христианской жизни. Поступки родителей должны быть положительным примером для детей; дети должны почитать родителей, сами родители должны почитать своих отца с матерью. Необходимо наказывать детей за непослушание и плохие проступки, чтобы греховный навык не укоренился; родители отвечают

за воспитание своих детей и являются виновниками в их духовной гибели.

В трудах святителя Тихона рассматриваются не только обязанности родителей в отношении детей, но и обязанности детей перед старшими. Один из его трактатов так и называется: «Наставление о христианской обязанности родителей к детям и детей к родителям». Святитель очерчивал такого рода обязанности детей, как почитание старших, недопущение грубости и своеволия в отношениях с ними, попечение об их старости, привычка советоваться с ними во всем существенном, недопущение осуждения родительских слов и поступков.

Святитель придавал большое значение духовному воспитанию, считая, что начинать его необходимо как можно раньше, пока ребенок не усвоил дурных наклонностей. На ребенка он традиционно для православной педагогической культуры смотрел как на образ Божий, но в воспитании призывал учитывать и греховное состояние человека, а потому основой воспитания считал поддержку добродетели и «непопущение греху».

В трудах Тихона Задонского вырисовывается следующая учительная иерархия: с первых минут своей жизни малыш находится под опекой родителей, после совершения таинства Крещения к процессу воспитания подключаются пастыри Церкви. С семилетнего возраста, когда ребенок идет в школу, – учителя. Эти люди выполняют различные социальные функции, но их, по мнению святителя, должно объединять одно стремление – подготовить человека к вечности.

4. Основы духовного воспитания в трудах святителя Игнатия Брянчанинова

Важнейшей стороной духовно-педагогической деятельности святителя Игнатия Брянчанинова (1807–

1867), послушника Александро-Свирского монастыря, было литературно-религиозное творчество, которое он рассматривал как «дело служения человечеству». Оно явилось не просто плодом его теоретических размышлений, но выражением собственного опыта самовоспитания и духовной рефлексии. Среди его произведений наиболее важное для педагогики значение имеют «Слово о человеке», «Аскетические опыты», «Приношение современному монашеству», «Отечник» и др. Красной нитью через все его произведения проходит мысль о том, как научить человека правильной духовной жизни, утвердить в христианской вере и нравственности. В своих трудах святитель подробно раскрывал сущность и содержание духовно-нравственной жизни человека, обосновывал принципы, средства и методы религиозно-нравственного воспитания.

Понятие духовности святитель Игнатий (Брянчанинов) раскрывал в контексте своих религиозно-антропологических воззрений, осмысляя природу человека в целом. Святитель рассматривал человека как превосходное Божие творение, существо единое, состоящее из духа, души и тела, в котором преимущественное значение имеет дух, поскольку в нем запечатлен образ Бога и именно в духовной красоте божественного единения человек становится личностью. Полноту раскрытия высоких достоинств человека святитель понимал как святость, которая и есть подлинное, естественное состояние человека. Этот идеал определяет стратегии духовно-нравственного развития и воспитания личности.

Исследуя природу греха и признавая греховную сторону человека, святитель говорил о том, что через грехопадение и греховное повреждение человек не лишился возможности преобразования своей личности. Но

здесь важно волеизъявление человека, без которого божественная благодать не может наполнить и освятить подвижника. В предуготовлении человека к восприятию благодати раскрывается моральное начало свободы в человеке. Здесь важная роль принадлежит **воспитанию**, сущность которого святитель видел в достижении духовно-нравственных совершенств, благодаря которым возможно приобщение человека к Богу. Воспитание, по его мнению, должно вестись в двух важнейших направлениях. С одной стороны, важно оградить воспитанника от всего плохого, а с другой стороны – дать положительное содержание, на котором будет развиваться душа, дух воспитанника. При этом подлинным основанием и содержанием религиозно-нравственного воспитания святитель считал веру как систему духовно-нравственных ценностей, подлежащих усвоению в процессе воспитания.

Важнейшим средством религиозно-нравственного воспитания святитель Игнатий (Брянчанинов) называл Евангелие, заповеди как задание нравственной деятельности человека: действуя по ним, человек преобразуется, душа его освобождается от зла, оживляется. Другим важнейшим средством религиозно-нравственного воспитания святитель называл чтение сочинений святых отцов, в которых изложен их опыт, что дает человеку возможность увидеть реальность достижения высот духовно-нравственного развития человека. Также важнейшим воспитательным средством он называл Таинства Православной Церкви, в которых обнаруживается действие Христа, преподаются во всей полноте Святые Божественные дары, очищающие человека от вреда и сохраняющие в нем добро. Крещение важно потому, что с него начинается духовное развитие человека, ему дается возможность преодолеть свое падшее естество. «Духовная лечебница» – исповедь через покаяние –

помогает человеку осознать свою недостаточность. Покаяние святитель понимал как «личное несогласие со своей негативной внутренней и внешней деятельностью, как способность к самокритичной рефлексии. В то же время покаяние – это живое реальное действие совести, при котором душа достигает высот духовно-нравственной жизни. Оно состоит в сознании своих погрешностей, в сожалении о них и преодолении их. Смысл Таинства Евхаристии святитель понимал так, что в нем человек приходит в совершенное единение со Христом, поскольку оно укрепляет сердце человека, сообщает душе качество свойств Христовых, освящает и обновляет всю природу человека.

Еще одним средством религиозно-нравственного воспитания святитель называл пост, который освобождает и усиливает дух человека, приучает его к послушанию, способствует укрощению эгоизма и самонадеянности в нем. Также важна молитва, которая заимствует добродетели от Бога и усваивает их молящемуся. Действенность поста и молитвы, по мнению святителя, усиливаются, если они сочетаются с делами милосердия – деятельным выражением и опытным доказательством любви.

Вопросы для самопроверки

1. Каковы истоки древнерусской педагогической мысли?
2. Раскройте содержание «нравственной педагогики», изложенное в тексте «Поучения» Владимира Мономаха и других отеческих завещаниях.
3. Ознакомьтесь с текстом «Домостроя». Выявите педагогические идеи этой книги. Выскажите ваше мнение о методах и средствах воспитания в «Домострое».

4. Расскажите о жизненном пути и педагогическая деятельность митрополита Димитрия Ростовского.

5. Какие педагогические идеи заложены в работах святителя Тихона Задонского?

6. Какие наставления и советы родителям о воспитании детей даёт Тихон Задонский?

7. Сделайте анализ идей духовно-нравственного воспитания личности в трудах святителя Игнатия Брянчанинова.

Литература

1. Аверинцев С.С. Крещение Руси и путь русской культуры / Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси: Сборник. – М., 1991. – С.53-60.

2. Антология педагогической мысли Древней Руси и русского государства XIV-XVII вв./ Сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюров. – М.: Педагогика, 1985. – 367 с.

3. Домострой / Изд. подгот. В.В. Колесов, В.В. Рождественская; Отв. Ред. Л.А. Дмитриев. – СПб.: Наука, 1994. – 400 с.

4. Лихачев, Д.С. Исследования по древнерусской литературе. – Л.: Изд-во «Наука». Ленингр. отд-ние, 1986. – 406 с.

5. Тихон Задонский, свт. Собрание творений. Т. 1. Житие; Слова; Наставления; «Плоть и Дух», 2008. – 800 с.

6. Хрестоматия по истории педагогики: в 3 т. Т.1. . Под ред. А.И. Пискунова. - М.: ТЦ Сфера, 2006. – 421 с.

7. Школа и педагогика в культуре Древней Руси // Историческая хрестоматия / Сост. О.Е. Кошелева, Л.В. Мошкова. – М.: Рос. открытый ун-т, 1992. – 208 с.

8. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М.: Высшая школа, 1999. – 333 с.

9. Зеньковский В. В. Педагогика / В. В. Зеньковский. – М.: Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-т; Париж, 1996. – 153 с.

Лекция 4. Философско-историческое и антропологическое обоснование идеалов православной педагогики в трудах русских религиозных философов конца XIX века-начала XX века

План

1. П.Д. Юркевич о проблемах антропологии и воспитания.

2. Библейское учение о сердце как сосредоточии духовной жизни человека в антропологическом учении Юркевича.

3. Социальные задачи христианства в творчестве В.С. Соловьева. Добро как правда и путь жизни в философско-педагогических воззрениях Соловьева.

4. В.В. Розанов и его мысли о воспитании в очерке «Сумерки просвещения». Воспитание как духовное возрастание души в творчестве Розанова. Индивидуальность обучения, целостность образования и единство типа – три важнейших принципа устройства школ в концепции Розанова.

1. П. Д Юркевич о проблемах антропологии и воспитания.

Памфил Данилович Юркевич (1827–1874) принадлежит к тем отечественным философам, судьба которых — почти полное забвение. Это тем более удивительно, что мыслитель стоял у основания оригинальной русской философии, его работы вводили русского читателя в современную ему проблематику

европейской философской мысли, велика его заслуга и в формировании русской философской лексики. Особо следует отметить его влияние на формирование мирозерцания В. С. Соловьева, считавшего его своим учителем.

Родился в Полтавской губернии (село Липлявое Золотоношского уезда) в семье священника, получил образование в Полтавской семинарии и намеревался поступать в медико–хирургическую академию, но по настоянию отца в 1847 г. поступил в Киевскую духовную академию, курс которой окончил в 1851 г. Выдающиеся способности позволили будущему философу завершить курс с причислением к первому разряду воспитанников и продолжить научную деятельность в стенах академии. Решением академической конференции выпускник был назначен на должность «наставник по Классу философических наук». В 1852 г. Юркевич получил степень магистра с переименованием в бакалавры академии, через год ему было объявлено благоволение Св. Синода «за отлично усердные и весьма полезные труды», а уже в 1854 г. он был назначен на должность помощника инспектора академии. Однако административная работа не понравилась молодому философу, и через два года он подает прошение об увольнении с этой должности. Юркевич начинает вести философский курс, преподает он также и немецкий язык. На преподавательском поприще карьера его стремительна: уже в 1858 г. он экстраординарный профессор. К этому времени относятся и первые публикации (в «Журнале Министерства народного просвещения» и в «Трудах Киевской духовной академии»).

После десятилетнего перерыва в 1861 году в Московском университете II и была открыта кафедра философии, и именно Юркевич, по словам Г. Шпета,

оказался в России единственным «достаточно философски подготовленным, чтобы занять без предварительной заграничной командировки университетскую кафедру» [9]. В октябре 1861 г. назначение было утверждено императорским указом, и Юркевич переехал в Москву, где и оставался до конца своих дней. Кроме истории философии, он читал в университете курсы по логике, психологии, педагогике, работал также в учительской семинарии военного ведомства. Группа студентов под руководством профессора занималась и переводом различных философских сочинений (в частности под редакцией Юркевича была издана «История философии» Шпенглера) [2]. Высшей ступенью университетской карьеры было назначение его в 1869 г. исполняющим обязанности декана историко-филологического факультета.

Однако в Москве до Юркевича отнеслись враждебно. Тогдашняя либеральная пресса набросилась на него, как на политического врага. Причиной было то, что Юркевич резко выступил против материализма и, особенно, вульгарно-материалистической труда Чернышевского «Антропологический принцип в философии». В тот период материализм имел достаточно сильные позиции, а Чернышевский был очередным властителем дум молодежи. Сам же Чернышевский и начал «полемику» с Юркевичем. Однако, эту полемику трудно назвать иначе, как крестовым походом темноты и некультурности, которая, не в силах бороться с мнением силой мысли, подменила полемику бранью, ложью и личными нападениями. Этими нападениями Юркевич был, фактически, уничтожен, студенты от него отвернулись. Хотя он боролся за правду, боролся знанием, самостоятельной мыслью, но победило, в то время,

невежество, непонимание, подражания и интересы момента.

По оценке русского мыслителя Г. Г. Шпета, Юркевич для своего времени был одним из самых, если не самым, философски подготовленным [9; С. 48] в России. Высокую оценку ему давали также В. В. Зеньковский, Г. В. Флоровский. А вот в либеральных кругах его не любили за критику материализма и за симпатии к нему со стороны консервативно настроенной части русского общества того времени.

Жизнь его показалась трагическим: после смерти жены (1873 г.) Юркевич тяжело заболел, был забыт его учениками, слушателями, произведения его не выдавались, и в 47 лет, в октябре 1874 г. скончался. Похоронен он был на кладбище Данилова монастыря в Москве. Только в 1990 г. наконец были изданы философские труды Юркевича, а до этого времени о нем в бывшем Советском Союзе почти ничего не знали.

Юркевич основывает свое учение на данных библейской психологии, использует не только аргументацию Священного Писания, но и авторитет святых отцов и учителей Церкви.

Памфил Данилович Юркевич интересовался и собственно педагогическими проблемами, опубликовав две работы по данной тематике: «Чтения о воспитании» (1865) и «Курс общей педагогики с приложениями» (1869). Педагогика, по его мнению, – наука «сборная». «Голова этого тела, – писал он, – заключается в моральных идеях, органы питания – в психологии, органы движения – в физиологии» [14, с.3]. Особое внимание, по мнению Юркевича, педагогика должна обращать на «общее существо моральных идей», «на особое существо христианской религии», понимание которой делает воспитателя способным отличать в явлениях детской

жизни добро от зла, правду от неправды и т. п. Привязанность к детям, рассуждал Юркевич, есть и у животных. Но христианство сделало величайший поворот в общечеловеческом сознании: «пецись» о детях вследствие высших нравственных побуждений.

В христианстве воспитание детей является выражением особого рода любви, которая «своего не ищет» (1 Кор 13,15). Оно жертвенно, направлено на воспитание образа Богоподобного человека. Воспитание детей в христианстве есть служение всему человечеству, поэтому, убеждал Юркевич, оно есть священный долг родителей, определяемый высшим назначением человека. Но это и священный долг государства, которое, по убеждению Юркевича, может поддерживать свое существование и историческое значение армией, развитием народного богатства и образования.

Функции воспитания П. Д. Юркевич видел в его способности изменять мысли человека, а от них – волю и чувствования: «Все духовное существо человека живет в его убеждениях. С переменой убеждений переменяется весь человек: его воля становится другою, его сочувствие переходит на другие предметы, его стремления направляются на другие цели» [14, с. 7].

Цель воспитания, отмечал Юркевич, совпадает с целью жизни. Но цель жизни может быть разной, хотя все споры о ней сводятся «с древних времен и до нашей философской эпохи» к двум мнениям, из которых одно видит эту цель «в счастии», а другое – в добродетели. Под счастьем, писал Юркевич, разумеют отсутствие страданий, удовлетворение нужд и постоянное благополучие; под добродетелью – силу, внутреннюю мощь духа действовать сообразно с познанием добра: «Счастье есть всякое довольство; добродетель – внутреннее достоинство. Нормой счастья служат изменчивые нужды; нормой

добродетели – постоянные идеи» [14, с. 12]. Сердце человека соединяет в себе самые противоположные стремления. Борьба между учением о счастье и учением о добродетели как высочайших целях жизни есть только историческое выражение внутренней борьбы, которую испытывает человеческое сердце. Какая из борющихся сил получит преобладание, таков будет и человек, такова будет эпоха, таков будет и преобладающий дух педагогики. Названные противоположности, по мнению Юркевича, примиряются в христианстве, потому что «счастье человека, возрожденного высшим духом, не может состоять не в чем другом, кроме того, что составляет его внутреннее достоинство» [14, с. 12].

По мнению П. Д. Юркевича, не имеет смысла требование, чтобы воспитание было гуманно; потому что само воспитание есть высшая и «существеннейшая» форма гуманности. Этот постулат Юркевич выводил из своего мнения о том, что всякому злу и всякой неправде можно противопоставить воспитание человека, основанное на идее христианской гуманности, которое признает неискоренимую силу добра в сердце человека и возможность доставить этой силе победу над всяким злом посредством воспитывающей любви к человеку. Именно христианская гуманность имеет устойчивость – здесь весь человек состоит в страхе перед Богом и в соблюдении заповедей Божиих. Главная задача воспитания в христианстве состоит в том, чтобы сообщить воспитаннику светлый взгляд на жизнь, сделать его сердце трезвым и мужественным, приготовить его на жизненную борьбу, «напечатлевая в нем неизгладимыми чертами веру в добро и в Бога» [14, с. 27]. Юркевич подчеркивал, что приобрести запас разума, добродетели, веры, морального мужества можно только в дни юности. Но никогда, говорил он, этой цели не достигнет та педагогическая

система, которая отнимает от детей их детство, у юношей – юношество, обрекая их на скуку от монотонности жизни и на страдание от тяжести ига воспитания. Такое воспитание и не гуманное, и не христианское.

Высшую цель воспитания – развитие моральной (духовной) сущности человека, по мнению Юркевича, постигает только такой воспитатель, который одинаково строго вдумывается и в назначение человека, и в факты его земной, изменчивой жизни. Самовоспитание Юркевич называл искусством, управляемым наукой. Его источниками являются: изучение человека, основанное на божественном откровении относительно человека исторического и на психологии относительно человека естественного. «Божественное откровение, – писал он, – сообщает нам познание высшей правды касательно фактического положения человека и касательно того, чем он должен сделаться и до какого совершенства он должен достигнуть. Психология изучает силы человека в их естественном развитии и созревании. Она изучает отвлеченного человека. Поэтому никакая психологическая ученость не заменит того плодотворного знакомства с людьми, которое доставляется непосредственными наблюдениями. Но она указывает на отвлеченные законы, пользуясь которыми воспитатель может направлять душевную жизнь воспитанника сообразно с целью воспитания [14, с. 41];

Воспитание должно заботиться о будущем человека, отмечал Юркевич. Это для него означало, что воспитание должно образовать человека так, чтобы он был уготован на всякое благое дело: «Судьба воспитанника в будущем зависит от того: 1) что он знает, 2) что он любит, и 3) что он может. Поэтому учение о цели воспитания можно сократить в следующее выражение: воспитывай

так, чтобы воспитанник, когда он придет в зрелый возраст, нашел, или застал самого себя 1) знающим доброе, 2) любящим доброе и 3) имеющим силы совершать доброе» [14, с. 30]. Это доброе, которое мы познаем из совести и из божественного откровения, воплощено в трех существенных и постоянных формах человеческой жизни: в семействе, в Церкви и государстве. Самые возвышенные наши обязанности, указывал Юркевич, относятся к этим трем союзам, поэтому воспитание должно идти в таком направлении, чтобы воспитанники, по достижении зрелости, нашли себя способными к исполнению долга в Церкви, государстве и в семействе.

Ссылаясь на святоотеческую психологию, Юркевич указывает на то, что человек способен не только к знаниям, но и к знаниям о знаниях. Он способен не только действовать, но и соотносить эти действия с идеалом. То есть главное отличие человека от животного заключается во «внутреннем самосознании» [12, с. 148]. Юркевич с уверенностью заявляет, что животное не способно к нравственной деятельности как человек, и пишет по этому поводу следующее: «В области животных мы имеем, действительно, ту мораль утилитаризма, которую так усердно стараются иногда навязать человеку. Животные обнаруживают трогательные примеры верности, любви, благодарности, но все это не есть свободная нравственность, не есть явление идеальных чувствований. Они, животные, оценивают эти явления не по их объективному достоинству, но по их полезности» [12; с. 160–161]. И у зверей, и у людей есть инстинкт, но только человек может превратить «эти инстинктивные стремления в дело личности, в нравственно достойные поступки» [12; с. 158]. Например, материнский инстинкт можно подчинить идее долга и предписаниям совести. Животные слепо подчиняются инстинкту и ограничены его рамками.

Курица заботится о цыплятах только до того момента, пока она им нужна, и забывает о них, когда они становятся большими. Более того, она никогда не вспоминает о том времени, когда она заботилась о них и была им нужна. В матери ее любовь живет вечно. Даже если дети давно выросли и забыли о своей матери, она их не забывает и с упоением вспоминает то время, когда ее детки были маленькими и беспомощными.

Итак, для Юркевича, которого мы отнесем к христианскому направлению русского антропологизма в философии, неприемлемыми оказываются односторонний материализм и этический утилитаризм. Он не согласен с абсолютизацией роли естественных наук в познании человека и с игнорированием данных богословия. Трагедия христианской цивилизации, в частности кровавая история православной России в XX в., доказала нам опасность низведения человека до физиологического, животного уровня. Сужение понимания человеческого естества рамками биологического, соображениями практической целесообразности или гедонистическими установками неизбежно приводит к релятивированию человеческой жизни, приучает потребительски относиться к чужому и своему здоровью. Этим объясняется актуальность взглядов П. Д. Юркевича и других русских религиозных философов, которые раздвигали границы человеческого бытия до вечности и рассматривали человеческую жизнь как абсолютную ценность.

2. Библейское учение о сердце как сосредоточии духовной жизни человека в антропологическом учении Юркевича.

Для философии П. Д. Юркевича характерен **кордоцентризм** (от лат. *cardios* – сердце и *centrum* – центр). Такое понимание сердца восходит к неоплатонизму. Сердце, согласно этому учению, – это и

средоточие всей духовной жизни, так как в нем рождаются намерения и желания, решимость и воля; сердце – это также вместилище познавательных действий души, центр нравственной жизни человека, своего рода состояние и вектор, которые придают цельность сознанию. «Если свет знания должен сделаться теплотою и жизнью духа, – отмечает П. Юркевич, – он должен проникнуть до сердца, где бы он мог войти в целостное настроение души. Так, если истина падает нам на сердце, то она становится нашим благом, нашим внутренним сокровищем. Только за это сокровище, а не за отвлеченную мысль, человек может вступить в борьбу с обстоятельствами и людьми».

На протяжении многих веков христианство создало традицию рассматривать сердце и любовь как особые способы познавательной деятельности религиозного чувства. Библейская антропология имеет экзистенциальный и волюнтаристский, не «главный», а «сердечный» характер. Сердце упоминается в Ветхом Завете 851 раз. Понятие Библии, в отличие от философских понятий – многогранные и цельные. Современный философ Т. Закидальский отмечает: В библейском понимании душа (нефеш) – это не какой-то один компонент человека, а скорее весь комплекс явных и скрытых признаков, присущий данному лицу. Душа включает в себя и ее внешний вид, голос и запах, поступки, привычки и род, а также имущество. И не только человек, но и всякое животное, и дорогая вещь имеет душу». В Библии душа и тело не противоречивые принципы: тело – это душа в ее внешней форме. Тело – более узкое понятие, чем душа, ибо оно охватывает только внешние, явные признаки человека. Понятие «сердца» в Библии равнозначно понятию души. Отождествление сердца с душой делается на основании наблюдений относительно необходимости действия сердца для жизни

как таковой. Однако «сердце» в Библии – понятие целостное. Оно обозначает не только физические, но и вообще, все проявления жизни. Сердце – это сумма активности души. Поэтому в Библии можно прочесть, что сердце мыслит и действует. Сердцу приписывают и чувства. Уже упоминавшийся нами выше исследователь Т. Закидальский утверждает: «В древнееврейском языке не хватает слова для обозначения свободы, и поэтому волевые акты часто называют в Библии сердцем. Однако «сердце» – это термин для обозначения специальных функций души. Сердце – это душа как движущая сила» [2, с.131]. Таким образом, библейская традиция отождествляет духовную реальность с сердцем. Такая исключительная оценка сердца появляется вследствие представлений о сердце как будто это непосредственное место пребывания души в человеческом теле – отсюда сердце и становится своеобразным богословским символом души.

«Философия сердца» закрепились как мировоззренческие позиции в украинском романтизме. Она проявила себя в творчестве М. Максимовича, Н. Гоголя, П. Кулиша, Т. Шевченко, в литературе и искусстве XX века, как в 20-е годы, так и сегодня. Следует отметить, что отечественная традиция «философии сердца» классическую зрелость получила в произведениях П. Юркевича. Библейское учение о сердце, идеи «сердца» в европейской и отечественной философской мысли, прямо или косвенно повлияли на мыслителя, на разработку им собственного философско-антропологического учения.

Мыслитель создал свой вариант философского антропологического учения. «Философия сердца» составляла его ядро.

Основные принципы «философии сердца» П. Юркевич изложил в работе «Сердце и его значение в

духовной жизни человека, согласно учению слова Божия» [13, с.73–115]. В этой работе им развернута целостная философско-антропологическая концепция о сердце как определяющую основу физического и духовной жизни человека. Опираясь на авторитет Священного Писания П. Юркевич утверждает:

«Сердце есть хранитель и носитель всех телесных сил человека» [13, с.73].

«Сердце есть средоточие душевной и духовной жизни человека» [13, с.74].

«Сердце является вместилищем всех познавательных действий души» [13, с.74].

Сердце порождает слово («так слово является явление или выражение мысли, то и оно исходит из сердца» [13, с.75].

«Сердце есть средоточие многообразных душевных чувств, волнений и страстей» [13, с. 76].

«Сердце есть средоточие нравственного жизни человека» [13, с. 76].

Отметим, что в работах П. Юркевича речь идет не о метафоре сердца, а о том телесном биении сердца, которое мы ощущаем в нашей груди. Опираясь на специально подобранные и упорядоченные высказывания из Священного Писания П. Юркевич всесторонне обосновывает значение сердца в человеческой жизни, говорит о сердце, как об онтологическом корни бытия человека.

Учение П. Юркевича о роли сердца в познании может быть выражено в следующих тезисах: 1) сердце выражает и понимает такие духовные состояния, которые в силу своей духовности и жизненности недоступны отвлеченному знанию ума, то есть переживания мира богаче знания о нем, 2) чтобы стать деятельной силой духовной жизни, знание должно проникнуть в сердца и

войти в целостное состояние души (следовательно процесс познания включает в себя и отношение к узнаваемым явлениям).

Глубину сердца нельзя определить, поскольку оно является неисчерпаемым источником. Сердце таит в себе опыт, который не поддается рациональным измерениям. Именно это дает основание называть его источником душевной жизни. Глубина сердца и есть душа человека. По П. Юркевичу, она бессмертна и вечна, следовательно и человек бессмертен.

В философии религии П. Юркевича сердце является естественной основой религиозности человека, источником религиозной веры, религиозного чувства и органом богопознания и богообщения. Мыслитель понимает познание Бога в духе православия. Сердечная любовь у него выступает познавательной и объединяющей силой [13]

П. Юркевич при рассмотрении моральных проблем тоже исходил из позиций собственной «философии сердца». Мыслитель подчеркивает важное значение христианской морали для нужд практической философии. «Философия сердца» П. Юркевича, основанная на Священном Писании и сочинениях Отцов церкви, отрицает в этике утилитаризм и «разумный эгоизм», а также формализм и ригоризм, указывает на наличие в человеческом духе предпосылок для бескорыстных поступков и называет критерии для их моральной оценки. Гуманистическим содержанием «философии сердца» в том, что в ней признается безусловная ценность каждой человеческой индивидуальности, свобода ее самоопределения. Эта философия провозглашает сердце основой нравственной жизни человека.

В связи с этим исследование творческого наследия П. Юркевича остается актуальным и на сегодняшний день.

Изучение национальной специфики, национального своеобразия развития философской мысли является важнейшим компонентом историко-философского анализа. Теоретическая и педагогическая деятельность Юркевича как профессора Московского университета, характер написанных им работ, а также то влияние, которое он оказал на развитие русской религиозной философии через своих учеников и, прежде всего, В. Соловьева позволяют отнести его к достойному общерусской культуры.

3. Социальные задачи христианства в творчестве В.С. Соловьева. Добро как правда и путь жизни в философско-педагогических воззрениях Соловьева.

Владимир Сергеевич Соловьев (1853-1900) родился в семье знаменитого историка, профессора Московского Университета С. М. Соловьева. По отцу В. С. Соловьев принадлежал к духовному званию (его дед был священником в Москве), по матери происходил из старинного украинского рода. Семья Соловьевых была многочисленна, в ней было девять детей. Семья жила дружной жизнью, но в ней царила «суровая и набожная атмосфера. В одиннадцать лет Владимир. Соловьев поступает в гимназию, которую он окончил 18-ти лет. Гимназические годы Соловьева имели решающее значение в формировании его личности: за это время он от детской религиозности перешел к атеизму, очень страстному и бурному. Уже в 13 лет у него начался период сомнений; по словам самого Соловьева, он в возрасте от 14 до 18 лет прошел через различные фазы теоретического отрицания: «совестно вспомнить даже, – писал он через несколько лет, – какие глупые кощунства я тогда говорил и делал».

Близкий друг (с юности) В. С. Соловьева, известный философ Л. М. Лопатин пишет о нем: «была пора в его жизни, начиная с 15 лет, когда он был совершенным материалистом. Я никогда потом не встречал

материалиста, столь страстно убежденного. Это был типический нигилист 60-х годов».

Но в эти юные годы начинается и отрезвление и возвращение к вере. По свидетельству того же Лопатина, в 16 лет Соловьев знакомится со Спинозой, который стал «первой философской любовью» В. Соловьева и имел, несомненно, глубокое влияние на него именно своей религиозной стороной, о чем так хорошо свидетельствует сам Соловьев в статье о Спинозе (т. IX). Справедливо также и то, что от Спинозы Соловьев взял не только живое чувство реальности Бога, но и яркое «переживание духовного всеединства мира», от Спинозы же идет и гносеологическая трихотомия у Соловьева (три вида познания – эмпирическое, рациональное и мистическое).

Духовный перелом, раз начавшись, стал развиваться очень быстро и решительно. Он приходится как раз на студенческие годы Соловьева (1869-1874), из которых первые три года Соловьев провел на естественном факультете, который бросил, не окончив. Перейдя на историко-филологический факультет, Соловьев в течение одного года подготавливается к государственному экзамену, каковой и сдает в 1873 г. Следующий учебный год (с осени 1873 г. по лето 1874) Соловьев проводит в Московской Духовной Академии. В течение этих пяти лет Соловьев очень много занимается философией, а также специальным изучением религиозно-философской литературы, и в это время сложились первые основы его будущей системы. Кандидатское сочинение Соловьева в переработанном виде было напечатано в журнале «Православное Обозрение» за 1873 г. под названием «Мифологический процесс в древнем язычестве».

Уже к этому времени Соловьев стал страстным и пламенным последователем христианского учения (что не помешало ему испытать очень сильное влияние

Шопенгауэра); у Соловьева начинают уже в это время формироваться грандиозные планы. В 1874 г. он публикует магистерскую свою диссертацию под заглавием «Кризис западной философии. Против позитивистов»; защита ее состоялась в Петербургском Университете. Молодому ученому было всего 21 год, но его солидная эрудиция, глубокая вера в свои идеи и замыслы, вдохновенная, почти пророческая речь на диспуте, все это сразу снискало ему славу. Любопытно, что известный историк Бестужев-Рюмин заявил после диспута: «Россию можно поздравить с гениальным человеком». Уже в начале следующего года Соловьев стал читать лекции в Московском Университете и на Высших Женских Курсах, а летом он испросил себе командировку для научных занятий в Англию, куда и уехал летом 1875 г.

Осенью 1876 г. он возвращается из командировки и возобновляет преподавание в Университете, но весной 1877 г. он из-за раздоров в профессорской среде бросил Университет, переехал в Петербург, где получил службу в Ученом Комитете Министерства Народного Просвещения. Весной 1880 г. он с большим успехом защитил в Петербурге докторскую диссертацию «Критика отвлеченных начал», но кафедры и здесь не получил, а читал лекции, как доцент, в Университете и на Женских Курсах. Надо отметить, что еще в 1877 г. появилась в печати (незаконченная) работа Соловьева «Философские начала цельного знания».

Работа эта, представляющая первый очерк философской системы Соловьева, чрезвычайно ярко вскрывает то направление, по которому движется творческая мысль Соловьева, оставшегося, по существу, верным до конца жизни идеям, высказанным в указанной работе. Несколько позже (в начале 1878 г.) он выступил с публичными лекциями на общую тему «Чтения о

Богочеловечестве», в которых мы находим уже все (почти вся) метафизические идеи Соловьева. «Чтения о Богочеловечестве» собирали многочисленную аудиторию и положили начало всему тому большому, доньше еще не сказавшему своего последнего слова религиозно-философскому движению, которое связано с именем Соловьева.

В 1881 г., после убийства Александра II (1 марта), Соловьев в публичной лекции, посвященной вопросу о критике Просвещения, закончил свою речь осуждением революционных действий, а затем воскликнул: «царь должен простить преступников». Этот призыв Соловьева к необходимости отказаться от смертной казни привел его к вынужденной отставке от преподавания в Университете; ему было предложено воздержаться от публичных выступлений. Соловьев навсегда отошел от Университета, целиком ушел в писание книг и статей, а публично выступил лишь один раз за год до смерти. Отныне Соловьев уходит в церковно-общественную работу, – и это справедливо считают поворотным пунктом в жизни Соловьева.

Новый период в жизни и творчестве (его можно считать утопическим), не отрывая его от философии, все же отмечен чрезмерным вниманием к проблемам конкретной жизни. Вслед за многими русскими мыслителями Соловьев отдает очень много своего вдохновения публицистике, пишет целый ряд статей по наиболее жгучим вопросам современности. Но, конечно, не эта, по преимуществу, журнальная работа придает утопический характер его творчеству в этот период, а теократическая утопия, которая овладевает его сознанием с начала восьмидесятых годов.

В 1884 г. он работает над задуманным им трудом «История и будущность теократии» (задумано в трех

томах). Первый том не мог появиться (вследствие цензурных условий) в России и вышел (на русском языке) в Загребе только в 1887 году. Некоторые главы этой книги печатались в России в журнале «Православное Обозрение» (в 1885 и 1886 гг.), но книга в целом, в виду католических симпатий Соловьёва, выраженных в книге, не была допущена к печатанию.

Надо иметь в виду, что еще в 1883 г. Соловьёв выступил с большими статьями под общим заглавием «Великий спор и христианская политика», в которых он с большим подъемом, с разнообразной аргументацией высказывается в защиту примата Рима. Эта позиция Соловьёва вновь еще более окрепла вследствие сближения его с известным католическим епископом Штросмайером, встреча с которым имела бесспорное влияние на Соловьёва в его стремлении к соединению Церкви.

В. Соловьёв в своей защите католической Церкви порвал со всеми славянофильскими кругами, с которыми он был связан, но он не отходил от Православия. Однако, когда Соловьёв приехал в 1887 г. в Париж и в салоне одной русской княгини прочитал доклад о России, то в этом докладе он так резко восстает против русской Церкви, что его обличения идут дальше даже, чем шел Чаадаев. Доклад этот в Соловьёв считал, что правильно понятая, рационализируемая теология не противоречит интересам философии и науки. Философия и наука имеют свою ценность в единстве с религиозной верой: знание о реальном мире дается наукой, об идеальном мире – философией, о Боге – только верой. Цельное знание у Соловьёва выступает как синтез науки, философии и веры. Оно должно быть направлено на выработку универсальной теории, формирующей принципы единства мира.

Концепция бытия. У Соловьёва олицетворением положительного всеединства, абсолютно единым,

абсолютно сущим является Бог. Полнота бытия требует, чтобы сущее было личностью, всеблагой, любящей, милостивой, волевой, которой и является Бог. Соловьёв ставил веру выше разума, только в религиозной вере он видел высший, объединяющий тип познания.

Утопические элементы никогда окончательно не исчезали у Соловьёва, но основная идея его теократической утопии, мечта о соединении власти Римского папы с властью русского Царя, как основе для осуществления на земле Царства Божьего, окончательно рассеивается в 90-х годах и мироощущение Соловьёва приобретает пессимистический характер. В его философских взглядах происходят серьезные сдвиги, первые проявления которых мы находим в большой его книге «Оправдание Добра» (1897 г.), еще сильнее в его неоконченных статьях по «теоретической философии» (1897-1899). К этому же времени относятся эсхатологический этюд Соловьёва «Три разговора» и связанная с ним «Повесть об Антихристе» (1900).

В июле 1900 г. Соловьёв, вообще отличавшийся хрупким здоровьем, неожиданно заболевает в имении кн. С. Трубецкого, где очень скоро и скончался (31 июля 1900 г.), исповедавшись и причастившись Св. Тайн перед смертью.

Проблемы **образования и воспитания** личности были для Соловьёва важными темами, связанными с его общей концепцией «философии всеединства». Мыслитель во введении к работе «Философские начала цельного знания» отмечает, что философия, «имеющая притязания на общий интерес», с необходимостью должна ответить на «вопрос о цели существования». Его же решение предполагает рассмотрение проблемы развития, так как вселенная и история не могут быть правильно поняты «вне эволюции». Приближение к богу составляет «особый

смысл» эволюции, в результате этого процесса происходит «внутреннее единение каждого со всем», появляется «все во всех» [6]. Мировое развитие приобретает качественно новые моменты с появлением человека, ибо «в человеке природа перерастает саму себя». Появление разумного существа символизирует начало истории человеческого общества. Особое значение деятельности индивида, с точки зрения философа, обусловлено тем, что он выступает в качестве посредника между богом и материальным бытием, «проводником всеединяющего божественного начала в стихийную множественность – устроителем и организатором вселенной» [6]. Однако, исходя из христианского догмата о грехопадении, Соловьев делает вывод, что люди не выполнили этого важного назначения. Отпадение от бога приводит к господству «материального начала в жизни человека». Основным содержанием человеческой деятельности становится забота о «хлебе насущном», появляется производство материальных благ. Организация совместного труда потребовала от людей создания социальных институтов: вначале возникает семья, затем – государство. Государство философ определяет как «устой человечества против внешних стихийных сил, действующих на него и в нем». На дохристианских этапах развития общества люди добровольно ориентируют свою деятельность на «низменные материальные интересы», и в силу этого «энергия души» падшего человека «есть энергия самоутверждающейся воли, энергия зла». Смыслом жизни становятся «внешние предметы», и люди начинают воспринимать их как главную цель, «связывая с ними и тратя на них свои внутренние, душевные силы, чувства и волю» [6]. Изменить данную ситуацию может только религия, возрождающая духовные ценности. Из всех религий В. Соловьев отдает безусловное

предпочтение христианству; аргументируя эту точку зрения, философ опять прибегает к диалектической триаде. Первое пробуждение человеческого духа, как он считает, происходит на Востоке в буддизме. Выработав идею совершенного бога, эта религия требует от человека «уничтожения своего я». На Западе, в Древней Греции, напротив, выдвигается на передний план поиск «совершенного человека», который заслоняет бога. Наконец, появляется христианство, выступающее синтезом этих начал, ибо оно «есть откровение совершенного Бога в совершенном человеке» [6]. Историческое бытие христианства приводит к тому, что под влиянием языческих начал искажаются заложенные в нем истины, единая религия распадается на три направления: православие, католицизм, протестантизм, а этот раскол вызывает ослабление богочеловеческой основы евангельской религии. В Византии, приняв на словах «идею христианского царства», отказались «от нее на деле». Языческая жизнь была не преобразована, а лишь покрыта «внешним покровом христианских догматов и священнодействий». Причиной падения Византии была не какая-то «материальная сила», а неправильное понимание народом христианства. Религиозные истины были «только предметом их умственного признания и обрядового почитания, а не движущим началом жизни» [6]. В восточном христианстве идеалом святости становится монах, отшельник, то есть человек, до минимума сокративший свою связь с «грешным миром». Этот идеал, как считал Соловьев, неправильно ориентировал духовную активность людей, ибо был «по своему существу односторонне аскетическим и не мог двигать вперед общественную нравственность» [6].

Философ с подобострастием относился к католицизму, идеализировал его историю, выдвигал на

первый план позитивное влияние этой религии на общественный прогресс. Однако и он не мог не отметить, что на Западе начинает утверждаться «историческая односторонность».

Она проявлялась, прежде всего, в том, что духовные начала человеческой жизни заменяются «внешними формами» цивилизации. Достигая материального благополучия, делая свой быт все более удобным, люди при этом часто теряли «высший смысл жизни». В итоге на Западе, помня о человеке, «все более и более забывали о боге» [6]. Особенно это наглядно, с точки зрения мыслителя, проявилось в протестантизме, в рамках которого сформировался утилитарный подход к христианству, ориентирующий человека, прежде всего, на решение земных задач. Данное направление религии, провозглашая «мнимую духовную свободу», в действительности освобождает человека «от всякой истины и святости» [2]. Иными словами, в западных вероисповеданиях возрождаются дохристианские представления древнегреческой религии, происходит возвышение человека за счет умаления значения бога. Россия приняла восточное христианство, и поэтому многие недостатки Византии ей также свойственны Соловьев, постоянно подчеркивая доминирующее значение церкви в общественном прогрессе, отнюдь не отрицал и других факторов социального развития. Сам исторический процесс, по его мнению, имеет важную закономерность, состоящую в том, что он совершается все более и более при деятельном участии человека. Возрастание роли личности в истории ставит проблему взаимодействия ее с обществом. Для русского философа характерным является убеждение, что «человек – существо социальное» [6], только в обществе индивид может реализовать «полноту естественной жизни». Но Соловьев не приемлет

марксистский взгляд на человека как «совокупность общественных отношений. Итак, между личностью и обществом существует диалектическая связь, и «личное совершенствование может быть отделено от общественного прогресса только на словах, а не на деле» [6]. Но доминируют в прогрессивных изменениях все же усилия «личностных деятелей». В этой связи становится понятным значение образования и воспитания, которые не только «совершенствуют личность», но вместе с тем и способствует прогрессу общества. Однако развитие Западной цивилизации приводит к девальвации христианских ценностей, доминирование религиозной веры уходит в прошлое, и на первый план выдвигается человеческий разум. При этом «вседержавность» разума распространяется не только на теоретическую, но и на практическую деятельность индивидов, призванную «воплотить идеи в жизнь».

Рассматривая причины, приведшие к неудаче христианское образование и воспитание, философ останавливается на общих проблемах формирования личности. Оно начинается в семье, которая, с одной стороны, создает материальные условия для существования индивида, а с другой, должна развить у него «способность трудиться для дальнейшего обеспечения своей жизни» [6]. Очень важное значение в процессе становления личности имеет соотношение авторитета и личной свободы. Воспитание и обучение не могут обойтись без авторитета, он необходимое условие и усвоения норм поведения, и овладения знаниями. Однако для Соловьева важно подчеркнуть, что внешний авторитет – это «проходящий момент» и поэтому «его нельзя увековечивать, признавать как постоянную и окончательную норму» [6, с. 91].

По мере роста образованности и воспитанности все большее значение начинает приобретать личная свобода, ибо при правильном развитии «каждый человек способен познавать и осуществлять истину». Нарушением этого «правильного развития» выступает, прежде всего, «темная сила эгоизма», т. е. стремление «все отнести к себе и все определить собою». Другим искажением развития личности является анархизм, отвергающий традицию, ставящий под сомнение нравственные и культурные ценности. «Анархическая множественность» дезориентирует личность, ибо «смысл жизни не может совпадать с произвольными и изменчивыми требованиями каждой из бесчисленных человеческих особей» [6].

Следовательно, воздействуя на подрастающее поколение, воспитатель должен найти «золотую середину», которая, с одной стороны, включала бы формирование активности и ответственности личности за свои поступки, а с другой – сохраняла бы преемственность в «исполнении тех обязанностей», которые значимы для общества. Поэтому, с точки зрения Соловьева, истинное воспитание «должно быть зараз и нераздельно традиционным и прогрессивным» [6]. Одной из ведущих тем Соловьева при анализе проблем воспитания и социализации личности в целом являются вопросы патриотизма. Подлинный патриотизм базируется на осознании «русской идеи», обусловленной спецификой отечественной истории. Последняя делится, по мнению Соловьева, на три главных периода: Киевская Русь, Московское царство, Россия после реформ Петра Великого. Во времена складывания древнерусского государства произошло принципиально важное событие, «великий подвиг народного духа – призвание варягов». В период существования Киевской Руси происходит важнейшее событие всей отечественной истории –

принятие христианства. Однако Соловьев считал, что в отличие от призвания варягов данный факт «не столько подвиг национального духа, сколько прямое действие благодати и промысла Божия» [6]. Христианизация древнерусского государства способствовала развитию в национальном самосознании идей «христианского универсализма». Тем самым оно «отреклось от языческого обособления» и уже рассматривало себя как «составную часть единого человечества», приобщаясь к его «всемирно-исторической судьбе». Находясь между Западной Европой и Византией, Киевская Русь смогла преодолеть «односторонние и преходящие формы» этих культур [6, с. 26].

Отметим его глубокие мысли, связанные с духовным совершенствованием личности, которое невозможно «в массовых проявлениях» без определенных «внешних условий». К последним он относил не только обладание «средствами существования», то есть пищей, одеждой, жилищем, но и «достаточный физический отдых», который бы не только восстанавливал силы, но и создавал условия для приобщения к духовным ценностям. Под «духовным совершенствованием» Соловьев понимал и «внутреннее религиозное развитие», и нравственное поведение в обществе. Человек не только «внутренняя форма для добра», но он должен его реализовать и «во вне», проявить в любви к ближнему. При этом особое значение имеет для индивида свобода выбора, его сознательное следование нравственным целям. Стремление «показать добро как правду», то есть как единственный правый, верный себе путь жизни во всем и до конца – для всех, кто решится предпочесть его», приводит философа к созданию фундаментального труда «Оправдание добра. Нравственная философия». В этой работе Соловьев призывал человека признавать «за всеми другими

безусловное значение или ценность». Поэтому он осуждал ложь учений, провозглашавших, что «общественные учреждения и интересы имеют верховное, решающее значение сами по себе». Нравственным будет лишь общество, обеспечивающее «безусловное значение лица». А для этого «никакой человек, ни при каких условиях и ни при какой причине не может рассматриваться как только средство или орудие ни для блага другого [6, с.71].

Отсюда гуманистическая направленность и этики Соловьева, и его философской системы в целом. Действительно, и идея богочеловечества, и трактовка царства Божия исходит из суверенных прав личности, из того, что она цель мировой эволюции и через ее активность осуществляются цели «нижних царств». Можно согласиться с Н. Бердяевым, отмечающим стремление Соловьева «религиозно осмыслить опыт гуманизма» [1]. Наконец, важным фактором нравственного совершенствования личности Соловьев провозглашал изменение отношения к природе. Справедливо подметив хищнический характер буржуазного использования богатств окружающей среды, основывающийся на убеждении «после нас хоть потоп», он предостерегает цивилизацию от «ужасающих последствий» этого варварства. Мыслитель рассматривает проявления этого «варварства» и в России. Он отмечает бездумную рубку лесов, без которых «наша огромная континентальная равнина обратится в бесплодную пустыню». Его беспокоит истощение почвы, означающее «гибель России». Соловьев вводит понятие «ложная цивилизация», то есть такая, которая «превращает средство в цель, из орудия делает идола и для удобства некоторых приносит в жертву то, что необходимо для всех» [1]. Философ с болью подчеркивает «беззащитность природы» и в то же время ее огромное значение для человеческого существования. Нравственное

сознание требует признания обязанностей «человека на земле (материальной природе вообще)». Для достижения этой цели философ предлагает реализовать на практике христианские заповеди о любви к «божественному творению». Уяснение христианских истин и приведет, с его точки зрения, к возможности осуществить «нравственную организацию материальной жизни».

Итак, критерием духовно-нравственного развития личности, по мнению Соловьева, выступает не только ее религиозность, но и отношение к другим людям «как цели, а не средству» и гармонизация взаимодействия с природой. Поэтому и образование, и воспитательный процесс должны формировать эти качества у индивида. Однако современное просвещение часто формально подходит к своим целям, сводя их «к умению читать, писать и считать». В силу этого его сущность, как бы «она ни прикрываясь, состоит в отрицании всякого духовного, нравственного начала» [1]. Этот вывод молодого мыслителя слишком категоричен, но он правильно усвоил тенденцию, стремящуюся оценивать просвещение не с позиции духовно-нравственных познаний, а утилитарных целей. Конечно, образование должно «научать» решать практические задачи, но никогда нельзя забывать о воспитании того, кто их будет решать. Доминирование в формации личности «низших природных начал» приведет и к искажению и неправильной постановке целей ее деятельности.

Анализ педагогических взглядов Соловьева будет неполным, если мы не затронем тему его преподавательской деятельности. Философ был убежден, что, «прежде чем думать о просвещении других, нужно самому обладать светом, по крайней мере, знать, где он» [6, с. 156]. Поэтому, начиная с учебы в университете, он много внимания уделяет не просто формальному

приобщению к знанию, а сущностному овладению изучаемыми науками. Отсюда такое внимание к самообразованию, к самостоятельному поиску ответов на сложные вопросы, связанные «с человеческой природой и смыслом жизни».

Становление Соловьева как ученого проходило не гладко, напротив, реализуя свои внутренние установки, он выступал против господствующих тенденций. Эти качества проявились у философа и тогда, когда он начинает заниматься преподавательской деятельностью. В лекциях и в дискуссиях со студентами «высказываемые им взгляды почти ни в чем не совпадали с общепринятым кодексом политических и социальных доктрин» [5]. При этом мыслитель не навязывал слушателям своих взглядов, а специально после каждой лекции предоставлял возможность всем желающим студентам высказать свое мнение, часто отличное от взглядов лектора. Успех соловьевских лекций, их форма, методы его преподавания оценивались современниками мыслителя по-разному. Так, известный педагог Л. М. Бельский, слушавший лекции философа в Московском университете, отмечает, что он популярностью не пользовался и «лекциями его не дорожили», так как они излагались «очень трудным и тяжелым языком». Другой слушатель Соловьева, будущий философ Л. М. Лопатин, также соглашался, что «лекции его по содержанию могли представляться «дремучими»; слог был «трудный». Однако, с его точки зрения, «студенты относились к Соловьеву со вниманием и уважением» [5]. А уже упомянутый нами Никифоров вообще утверждает, что лекции Соловьева пользовались в Петербургском университете громадным успехом и для них открывали актовъй зал, так как «самая обширная аудитория уже не могла вместить всех его слушателей». С точки зрения мемуариста, философ «явился новатором не

только по существу читанных им лекций, но и по методу преподавания». К этим новым методам преподавания Никифоров относит желание вызвать интерес у слушателей постановкой «актуальных и жизненных проблем»; обсуждение после занятий сложных тем для того, чтобы «более основательно уяснить себе самое содержание выслушанной лекции»; наконец, «диспут между профессором и студентом», основная цель которого сделать христианские положения «достоянием практического разума» [4]. Почти все современники, слушавшие лекции Соловьева, отмечали обаяние его личности, которое привлекало к нему студентов, к тому же он обладал «великолепной дикцией» и имел «замечательный красивый голос» [5]. Поэтому, несмотря на сложный язык лекций в целом, можно говорить о Соловьеве как об успешном преподавателе.

Анализ взглядов Соловьева на проблемы образования и воспитания показывает, что, хотя у философа и нет специальных работ, посвященных данной проблематике, он в то же время постоянно размышлял о путях социализации личности. Многие педагогические идеи мыслителя, прежде всего о приоритете духовно-нравственного воспитания в развитии индивида, актуальны сегодня как никогда.

4. В.В. Розанов и его мысли о воспитании в очерке «Сумерки просвещения». Воспитание как духовное возрастание души в творчестве Розанова. Индивидуальность обучения, целостность образования и единство типа – три важнейших принципа устройства школ в концепции Розанова

Василий Васильевич Розанов – представитель русских религиозных философов. Одной из своих лучших работ, в которой были изложены доселе неизвестные подходы к воспитанию, он считал сочинение под

названием «Сумерки просвещения». Оригинальность и новизна позиции Розанова, его удивительное проникновение в самую суть явлений педагогики, в настоящее время привлекают большое внимание к его творчеству.

Родился Василий Васильевич Розанов в бедной семье в 1856 году. Отец его рано умер, убогая и нищенская жизнь наложила свой отпечаток на впечатлительного мальчика. На мировосприятие Розанова также оказал значительное влияние его старший брат Николай, который работал учителем в гимназии, куда Василий был взят на воспитание. С юных лет у Розанова сложилось отрицательное отношение к государственному гимназическому образованию, свое мнение в дальнейшем он отразил в книгах. Образование это, по мнению Розанова, полностью оторвано от реальности. Тем не менее, годы, проведенные в гимназии, многое дали юному Розанову. Он читал классиков мировой философии, глубоко усвоил основы наук и искусств. Среди сверстников его выделяли такие качества, как доброта, искренность, отзывчивость, образованность.

После гимназии Розанов с легкостью поступил в Московский университет на историко-филологическое отделение. Окончив университет, работал 12 лет в гимназиях провинциальных городов, преподавал географию, историю. Розанов любил детей, но гимназия его тяготила. Он обратился за помощью к друзьям и перебрался в Петербург, где в дальнейшем занимался литературоведением, публицистикой и философией, писал о детстве и образовании. В 1899 году в своем ключевом труде «Сумерки просвещения» Розанов подробно изложил собственные взгляды на воспитание.

Розанов всегда восхищался детьми, называл их «Божьими любимцами». Он говорил, что детское сердце

верит людям и любит их, и поэтому оно прекрасно. Распространенное в те годы мнение, что душа человека является «чистой доской» (позиция Локка) Розанов не разделял. Развитие человека он полагал таинством и чудом.

В 1886 году Розанов, будучи молодым провинциальным учителем, за свой счет выпустил монографию «О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего стремления науки как цельного знания» в количестве 60 экземпляров. Он изложил в ней свое представление о природе понимания, которое хотел воплотить в жизнь в будущем. Розанов отмечал, что познание мальчика, который задумывается над нравственными вопросами юношества, начинается со стремления понять, и без этого стремления ничего узнать о мире невозможно. Но даже человек, пишущий докторскую диссертацию, может стоять вне пределов понимания, потому что им руководит жажда степеней и научных знаний, а не стремление к пониманию. Понимание Розанов определял как метод любой науки, не только педагогики. Этот метод целей не ставит, он начинает с цели: сделать.

Человека Розанов считает феноменом, для понимания которого нужны особенные средства. Изучить человека методами естественнонаучного познания невозможно, нельзя разложить его на элементы, выделяя качества личности. Решить проблему можно только путем целостного подхода к пониманию человека. Здесь недопустима расколотость и дробность. Тридцать лет спустя выдающийся педагог Макаренко вновь поднимет вопрос о целостном подходе к личности. Но приоритет в постановке данного вопроса принадлежит Розанову.

Другое средство понимания человека (по Розанову) – это сомнение. Все книги философа полны сомнений, он

постоянно перепроверяет и переспрашивает, полученным ответом не довольствуясь. На этом разработанном Розановым методе базируются все его сочинения.

Важнейшей целью воспитания В. Розанов называл приобщение к религиозным ценностям, к пониманию того, ради чего человек живет и для чего он рожден [7]. В каждом из нас, говорил философ, есть «дыхание» Творца, это источник наших лучших качеств, и задача воспитания – поддерживать это благодатное состояние в детской душе. Без высших нравственных ценностей теряется смысл человеческой жизни, происходит разрушение духовных ограничителей, и человек живет так, будто ему все дозволено.

На протяжении всей своей жизни Розанов задавался вопросом, почему возникает пропасть между целью воспитания и его результатом, почему из гимназий выходят вольнодумцы и революционеры, а не покорные верноподданные? Философ утверждал, что в содержании образования всегда присутствуют элементы, дающие толчок вольной мысли. С тех пор, как появились гимназии, молодые люди стали общаться, и любое стремление заглушить их любопытство обречено на неудачу. Даже если бы начальству удалось взять их мысли под полный контроль, это привело бы к возвращению эпохи половцев и печенегов. Живую мысль молодости не задушить ни хитрецам, ни мудрецам, ни повелителям, – писал В. Розанов[7].

Природа таланта кроется в развитии одного, но глубокого интереса. Если ученик склонен к одному виду деятельности, это не означает, что интерес к другим ее видам полностью пропадет. Ни родители, ни учителя не должны мешать ребенку развивать его основной интерес, а тем более стараться направлять и регулировать личность ребенка. Если способствовать мудрой природе, а не

мешать ей, это даст гораздо больше для развития дарований дитя, чем насильственные попытки содействовать его развитию.

Говоря об успешности педагогического труда, Розанов отмечал, что определяется она не технологизированностью, а пониманием ценностей ребенка и его внутреннего мира. Когда дитя резко попадает из мира семьи в официальный мир гимназии, душа его травмируется и ожесточается. Сохранить в ребенке нравственность поможет любовь учителя, понимание им боли ребенка, его тоски, надежды, его душевного состояния.

Притом Розанов писал, что хорошими педагогами становятся не те, кто больше способен к наукам, а зачастую посредственные «среднячки». Почему так происходит? Способный к наукам человек не может хорошо справляться с рутинной педагогической работой, ибо его быстрый ум, стремительное соображение, живое влечение к истине в процессе стандартизированного учительского труда окажутся невостребованными. А педагогическая профессия предполагает, прежде всего, умение терпеливо и многократно объяснять один и тот же материал, его суть.

Отдельное внимание Розанов уделял чтению, подразделяя и гимназистов, и педагогов на читающих и не читающих. Он высоко оценивал чтение и рассматривал его как важнейший механизм пробуждения душевной работы человека [7].

В. Розанов утверждал, что по сравнению с государственной гимназией частное учебное заведение дает больше возможностей для гармоничного развития ребенка, поскольку в нем царит более свободная и творческая атмосфера. Частные пансионы и школы сохраняют тепло семейных отношений, также здесь

больше возможность подобрать педагогов, близких детям по духу. Действительно, в частных российских школах дети получали хорошее образование. Эти школы ориентировались на развитие интересов, пытливости, индивидуальности ребенка и были тесно связаны с институтом семьи. Именно частные учебные заведения формировали демократическую русскую интеллигенцию, которая была уничтожена или выслана в 20-х годах XX века.

Идеология и мировоззрение эпохи – один из ключевых моментов воспитательного воздействия. Без понимания смысла жизни ребенок будет задыхаться, а без ясной цели средства воспитания превратятся в манипулирование детьми, порождающее хилых и слабодушных людей. Ребенок должен впитать из нравственной атмосферы представление о неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего, о своей близости с человеческим родом, ощутить кровное родство с родителями, братьями, сестрами. Только такая жизненная обстановка зажжет искру в детской душе, а если этого не произойдет, на лицо человека ляжет печать духовного вырождения. Любая злокозненная идеология мгновенно распространится в таком обществе и подтолкнет людей к безумствам и революции. Если человек будет думать, что все вокруг случайно и он сам случаен, это сделает эпоху ненужной, а воспитание – невозможным.

Школа должна опираться на окружающую культуру, использовать ее в образовательном процессе. Сложный вопрос – воспитывать ли детей, ориентируясь на завтрашний день, или ограничиться сегодняшней реальностью. Вспомним о советской школе, которая воспитывала человека исключительно для жизни при коммунизме. Ученики, искренне поверившие в ее идеалы и

ценности, оказались оторванными от реальности, судьбы многих из них были сломаны.

Розанов писал, что гимназическое образование в том виде, в каком оно существует, уродует ребенка. Ужасно и драматично положение, при котором в гимназию поступают сто человек, а заканчивают в срок ее только два-три ученика, остальные остаются и на второй, и на третий год. Это вызывает недовольство учеников, ломает их психику. В восьмилетний период невозможно усвоить содержание гимназического образования, для этого нужно 10 или 11 лет.

Потребности ребенка отходят на второй план, не учитывается его возраст в предлагаемых к изучению материалах. Материал преподносится хаотично. В день изучаются шесть различных дисциплин, это приводит к необходимости бессмысленной зубрежки. В результате такой работы происходит жесточайший отбор, жертвой которого падают самые лучшие и способные ученики, а гимназия выпускает посредством с хорошей памятью, но лишенных образовательной базы. Неадекватные и непомерные требования в разных классах разлагают учеников. Если в первые годы их приучают лениться, то затем выдвигают требования, несоразмерные физическим и умственным силам гимназистов. Катастрофично положение на экзаменах. Ученики вынуждены прибегать к шпаргалкам, а учителя – закрывать глаза на ошибки.

Основой воспитания, согласно Розанову, должен являться принцип индивидуальности, поскольку человек проявляется через свое «Я». Только такое обучение, которое учитывает своеобразие каждой личности, может существовать и приносить настоящую пользу. В процессе индивидуально ориентированного обучения душа ребенка пробуждается, писал Розанов [7].

Что касается школы – она не должна быть оторвана от местной жизни. Ребенок тогда глубоко поймет смысл изучаемого, когда материал этот будет опираться на его жизненный опыт. В школе должны работать учителя, хорошо знающие местные социальные, климатические и природные условия.

Трудная школа лучше легкой. Обучение в школе должно пробуждать способности ученика, а для этого образование должно базироваться на поисках решения проблемы, то есть на том процессе, который стимулирует силы ребенка в учебной деятельности. Писал Розанов и о физическом наказании. По его мнению, в отдельных случаях розга может стать благом, толчком для начала пробуждения ребенка от духовного сна. Разумеется, он не рассматривал розгу в качестве единственно исцеляющего лекарства.

Розанов подчеркивал, что ребенок должен знать трудности жизни и нужды семьи, поскольку духовное здоровье воспитывается нуждой и трудом. Он с детства должен включаться в решение проблем, которые беспокоят родителей и родственников. Дети заласканные и окруженные игрушками, глобусами и книгами растут пресыщенными, без потребности в духовной пище, а перекормленные вниманием и заботой дети развращаются.

В течение 70 лет В. Розанов не был нужен ни педагогике, ни литературе в связи со своими нестандартными взглядами и противоречивыми высказываниями. Но в последнее время он становится одним из самых цитируемых и читаемых философов, к трудам которых обращается современная педагогика. В педагогике, как оказалось, нет абсолютно неправильных или истинно правильных мнений, а существует многообразие решения встающих перед каждым поколением проблем. И решить эти проблемы можно,

опираясь на опыт предшественников. Розанов – один из тех ученых, которые старались приобщить детей к общечеловеческим ценностям и предупредить ошибки, возникающие на их жизненном пути.

Вопросы для самопроверки

1. На основе анализа работы П. Д. Юркевича «Курс общей педагогики с приложениями» расскажите, как автор решает проблемы: «Христианство и воспитание», «Обязанности родителей», «Функции воспитания», «Цель воспитания и цель жизни», «Источники воспитания».

2. Раскройте суть «педагогики «сердца», в которой наличествуют сакральные возможности для формирования духовного основания человека.

3. Выполните анализ педагогических идей В. Соловьева на основе знакомства с его работой «Оправдание добра».

4. Подготовьте сообщение «Образовательная концепция В. В. Розанова».

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея // / Н.А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С. 124.

2. Закидальский Т.Д. Понятие сердца в украинской философской мысли / Закидальский Т.Д. // Философская и социологическая мысль. – 1991. – № 8. – С. 127–138.

3. Лукьянов С.М. О Вл. Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии. Кн. 3. Вып. 2. М., – 1990. – С. 204.

4. Никифоров Н.К. Петербургское студенчество и В. С. Соловьев // Книга о Владимире Соловьеве. –

Издательство Русского Христианского гуманитарного института, Санкт-Петербург, 2000. – С. 174.

5. Поливанова Е.М. Из воспоминаний о Вл. Соловьеве // Вл. Соловьев.: СПб., 2000. – С. 91.

6. Соловьев В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – М.: Республика, 1996. – 478 с.

7. Розанов В. В. Сумерки просвещения: сборник статей по вопросам образования / В. В. Розанов. – СПб.: Изд. П. Перцова, 1899. – 240 с.

8. Русская философия: словарь / Под общ. ред. М.А. Маслина. – М.: Республика, 1995. – 655 с.

9. Шпет Г.Г. Очерки развития русской философии. Ч. 1 // Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 601 с.

10. Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Ч. 1. – Шпет Г. Г. Сочинения. М., – 1989, – С. 48.

11. Шпенглер О. Закат Европы.: Очерки мрфологии мировой истории: В 2 т.Т.1.: Гештальт и действительность / Шпенглер.О.; Пер. с нем., – М.: Мысль, 1998. – 672 с.

12. Юркевич П.Д. Из науки о человеческом духе // Философские произведения: прил. К журналу «Вопросы философии». – М.: Правда, 1990. – С. 104–193.

13. Юркевич П.Д. Сердце и его значение в духовной жизни человека, согласно учению слова Божьего... // Юркевич П.Д. Философские произведения. – М., 1990. – С.85.

14. Юркевич П. Д. Курс общей педагогики с приложениями / П. Д. Юркевич. – М.: Тип. Грачева и К., 1869. – XVI, 404 с.

Лекция 5. Отражение православной педагогической культуры в творчестве К.Д. Ушинского

План

1. Ушинский о соединении потенциала религии с образованием.

2. Народность воспитания в творчестве Ушинского. Факторы народного воспитания.

3. Идея национальной школы в творчестве Ушинского. Церковь как главный участник создания и функционирования национальной русской школы.

1. Ушинский о соединении потенциала религии с образованием

К. Д. Ушинский родился 19 февраля 1823 г. (по другим данным – 1824 г.) в Туле, в небогатой дворянской семье. Отец его, Дмитрий Григорьевич, участник Отечественной войны 1812 г., отличившийся в Бородинском сражении, после выхода в начале 20-х годов в отставку служил чиновником в различных гражданских ведомствах Тулы, Вологды, Новгорода-Северского и других городов России. Мальчик любил слушать рассказы отца о сражениях русских войск и партизан против Наполеона, о пожаре Москвы. Первоначальным обучением будущего педагога руководила мать, Любовь Степановна, которая очень внимательно относилась к любознательности ребенка, поддерживала и развивала его пытливую мысль. В материнской школе он получил столько знаний, что был принят в III класс гимназии, который в современной нам школе может быть приравнен к классу V–VI. В университете Костя Ушинский обнаружил не только завидную способность быстро воспринимать и критически оценивать знания и умение передавать эти знания другим. В студенческие годы К.Д. Ушинский испытывал постоянные материальные

затруднения и был вынужден зарабатывать частными уроками. Из своих первых учительских опытов он сделал немаловажный для последующей деятельности вывод: обучение – дело не такое простое, как об этом принято думать. Передавать знания ребенку подростку без специальной подготовки почти невозможно. Юридический факультет университета он окончил с выдающимися успехами. Состоявший из двадцати восьми профессоров Совет университета рекомендовал его как «отличнейшего для определения на службу прямо в министерство и другие высшие присутственные места». В возрасте двадцати трех лет он получает назначение в Ярославский юридический лицей на должность профессора энциклопедии законовещения, государственного права и науки финансов. Здесь он проявил себя как ученый-энциклопедист и талантливый лектор. В своих лекциях он давал систематическое изложение знаний по истории и политической экономии, этнографии и философии филологии и психологии. В крепостнической России он говорил о свободе как естественном состоянии человека, о свободном обществе как необходимом условии всестороннего развития, о неотъемлемом праве человека на личное достоинство. Однако подобные взгляды не разделяло учебное начальство, и Ушинский оставляет профессорскую кафедру. Из Ярославля он едет в Петербург, где скоро убеждается, что двери учебных заведений для него закрыты. Ушинский был близок к отчаянию. Россия представляется ему огромной тюрьмой, обитатели которой обречены влачить жалкое существование. А он хотел жизни иной, наполненной сознательной общественно полезной деятельностью: мечты о личном счастье не отделялись для него от общественного блага. О своих сомнениях и надеждах Ушинский писал в дневнике: «Много ли я прошу у тебя,

судьба? Самый маленький уголок под ясным небом, умеренный труд. Я мог бы еще просить у тебя любимой женщины и добрых друзей... но ты так скупа». В начале февраля 1850 г. К. Д. Ушинский был зачислен помощником столоначальника в департаменте духовных дел иностранных исповеданий. В свободное от службы время он продолжает изучение философии, экономики, истории, географии, статистики и многих других наук. Во время служебной командировки в Черниговскую губернию К.Д. Ушинский встретился с Надеждой Семеновной Дорошенко, которая стала его женой. По возвращении в Петербург он много работает в журналистике. За ним утверждается репутация талантливого писателя. В многочисленных и разнообразных по жанру работах – статьях, обзорах, рефератах, художественных очерках внимание Ушинского все чаще сосредоточивается на проблемах обучения, образования, воспитания. Он искал ответы на вопросы о том, каким образом человек связан с окружающей действительностью, в какой мере зависит он от социальной среды и сложившихся в данных исторических условиях общественных отношений. Его поражала степень развития отдельных способностей человека, под влиянием постоянно действующих факторов. В 1855 г. он получил, наконец, возможность заняться любимым делом: его назначают преподавателем словесности и законовещения, а затем и инспектором Гатчинского сиротского института. Это учебно-воспитательное заведение объединило систему школ – от элементарной, где начиналось обучение грамоте, письму и счету, до высших классов, в которых воспитанникам излагались такие курсы, как законовещение. С его приходом положение в институте сразу изменилось к лучшему, о чем свидетельствовал хотя бы такой факт: ранее здесь на повторное обучение в классах оставляли

учащихся больше, чем переводили в следующий класс. В результате введенных им новшеств через один учебный год на повторное обучение было оставлено 180 (ранее – 376) учеников, а переведено в следующий класс 444 (ранее 243). В 1859 г. К.Д. Ушинский назначается инспектором классов Смольного института благородных девиц. Это было привилегированное сословие учебно-воспитательное заведение с двумя отделениями, или «половинами»: Николаевским («благородным») и Александровским («неблагородным»). В Александровском училище воспитывались девочки мещанского сословия. В обоих отделениях насчитывалось более 700 девиц в возрасте до 18-20 лет. И здесь он радикально усовершенствовал учебно-воспитательный процесс.

Женскому образованию К.Д. Ушинский уделял много внимания и в период практической деятельности в Гатчинском и в Смольном институте, и в последующее время не случайно. По его убеждению, мать является первой, естественной воспитательницей. От ее педагогической подготовленности во многом зависит умственное развитие и нравственное воспитание ребенка.

Периодом его наибольших научных и творческих свершений были шестидесятые годы. В 1864 г. вышло из печати «Родное слово» (годы первый и второй) вместе с книгой для учащихся «Советы родителям и наставникам». Успех ее превзошел все ожидания. Построенная на принципах постепенного и систематического умственного и развития ребенка, эта книга стала одной из самых распространенных в народной школе. Она издавалась в среднем по три раза в год. И такое интенсивное печатание продолжалось в течение пятидесяти лет.

Выдающимся событием в истории отечественной педагогики явилась книга «Детский мир». Она имела такой успех, что в первый же год опубликования (1861)

потребовалось еще два дополнительных ее тиража. По замыслу автора, «Детский мир» предназначался для чтения на уроках русского языка в младших классах Смольного института. Вместе с тем К.Д. Ушинский считал, то ею могут пользоваться также родители в условиях семьи. Для создания таких книг требуется объединение усилий ученого-педагога и методиста-экспериментатора, художника слова и любящего родителя. И все эти качества соединялись в К.Д. Ушинском.

В семье Ушинских воспитывалось шесть детей, мальчики и девочки. Собственная семья нередко становилась для педагога-исследователя своеобразной опытно-экспериментальной лабораторией. В условиях семейного воспитания многократно проверялось восприятие детьми каждого из помещаемых в книге материалов, их влияние на интеллектуальное, нравственное, эстетическое развитие ребенка. В период наибольшего расцвета творчества Ушинского его педагогическая деятельность вновь была прервана. Видимой причиной послужил донос священника Смольного института Гречулевича, обвинявшего его в атеизме и материализме. Ушинскому казалось, что он легко может разоблачить религиозного ханжу, доказать клеветнический характер доноса. Но дело, очевидно, заключалось не в доказательстве истины. Педагог был отстранен от должности, а вскоре из Смольного института вынуждены были уйти и приглашенные им преподаватели. К.Д. Ушинскому предложили отправиться за границу «для изучения постановки там женского образования».

Весной 1862 г. он выехал из Петербурга. Местом первой остановки был Бонн, затем он переезжает в швейцарский городок Вове. С начала сентября систематически изучает женские учебные заведения в кантонах Швейцарии, а затем предпринимает поездки в

Штутгарт, Аугсбург, Мюнхен, Лейпциг, Веймар, Вейсенфельс, Гейдельберг. Как видно из писем к друзьям и близким, за границей его не оставляла тоска по родине. «Страшно становится, как подумаешь, что через год или два и остальные тоненькие связи мои с Русью порвутся, и я останусь где-нибудь в Ницце или Женеве». Изучая различные системы образования в западноевропейских странах, К.Д. Ушинский не прекращал напряженных научно-педагогических изысканий, имевших целью разрешение трех взаимосвязанных задач. Во-первых, выяснение путей создания общеобразовательной школы, которая отвечала бы потребностям России. Эти искания получили отражение в статьях, публиковавшихся в периодической печати того времени. Вторая задача заключалась в том, чтобы новые идеи оказывали непосредственное влияние на повседневную учебно-воспитательную практику. Наконец, третьей, еще более грандиозной задачей стало научное обоснование педагогики, которое было дано в его главном труде **«Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии»**.

В конце 60-х гг. он возвращается в Россию с намерением сосредоточиться на научной и литературной работе. Последней известной нам его прижизненной публикацией была статья «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» (1870). В ней утверждалось, что главная причина медленного развития школьного образования заключается в стремлении привилегированных сословий использовать народную школу в своих узкокорыстных интересах. К.Д. Ушинский отвергал притязания «образованного общества» на руководство делом народного просвещения и заявлял: «Кто хорошо знаком с историей России, тот ни на минуту

не задумается вручить народное образование самому же народу».

3 января 1871 г. (22 декабря 1870) в Одессе на 47-м году жизни Ушинский скончался. Его похоронил, согласно его завещанию, в Киеве. В медицинском заключении о причинах его смерти записано, что она наступила от напряженной умственной деятельности, от усиленного учения, которое истощило его физические силы и привело к преждевременной кончине.

Православие в его лице действительно имело своего убежденного сторонника, а его обвинение Гречулевичем в атеизме не имело под собой ни малейшего основания. Об этом свидетельствуют как научно-педагогические труды Ушинского, так и образ его жизни. Это хорошо видно из приведенной страницы знаменитых **«Писем о воспитании наследника русского престола»**, в которых педагог охарактеризовал современное «образованное» общество, как лишенное религиозных и вообще каких-либо убеждений. Он писал: «Увы! понижение религиозного уровня почти, что служит у нас признаком возвышения образования, и образованное общество, его передовые люди, сильно заподозривают всякое проявление религиозности или в невежестве, и это еще лучше, или в притворстве, или в сумасшествии. С каким озлоблением, например, накинута вся русская журналистика на бедного Гоголя, когда он печатно высказал свои религиозные убеждения. Его, своего прежнего кумира, обличителя общественных язв, обвинили во лжи, в продажности и, столкнув с подножия, на которое сами же подняли, поставили чуть не наряду с заклеяменными общественным презрением торгашами литературы. Странное, дикое явление, указывающее нам всю глубину раны, мертвящей общественную жизнь! Англия, образованнейшая страна мира, благоговеет перед своим

Ньютоном именно за то, что в нем бесконечная глубина разума соединилась с бесконечной глубиной религиозного чувства; а мы, едва выходя из мрака невежества, бросаем грязью в своих великих людей, если они вздумают признаться, что верят Богу и считают необходимым исполнять его заповеди и молиться ему. В Англии религиозность не только может, но и должна идти рука об руку с самым высоким умственным развитием, образованием и гражданской свободой; а у нас религия признак невежества, безнравственности или безумия! и замечательно, что в тех же самых журналах та же Англия ставится образцом цивилизованного государства» [4].

Эти высказывания недвусмысленно свидетельствуют об отношении педагога к православию. Вполне понятно, почему за 80 советской власти, указанный труд ни разу не был опубликован. К. Д. Ушинский прежде всего был ученым. В его исследованиях православие не вступало в противоречие с научной добросовестностью. Более того, без него вообще нельзя было сделать и шагу в познании духовной стороны человеческого бытия, равно как и в преодолении односторонностей материализма. Сегодня мы как бы заново открываем для себя наследие Ушинского, его учение о ценности образования, о значении педагогической науки, о роли воспитания в развитии общества.

Большую ответственность Ушинский возлагал на личность учителя, который должен быть и «истинным христианским воспитателем», и специалистом, прошедшим «долговременную теоретическую и практическую подготовку». Он смело заявлял: «Мы требуем, чтобы учитель русского языка, учитель истории и т.д. не только вбивали в голову своим ученикам факты своих наук, но развивали их умственно и нравственно. Но на чем же может опираться нравственное развитие, если не

на христианстве?». [2, с. 444–445]. Ушинский считал, что «нравственность и свобода – два такие явления, которые необходимо обуславливают друг друга и одно без другого существовать не могут, потому что нравственно только то действие, которое проистекает из моего свободного решения, и все, что делается не свободно, под влиянием ли чужой воли, под влиянием ли страха, под влиянием ли животной страсти, есть если не безнравственное, то, по крайней мере, не нравственное действие» [2, с. 467].

В бесправном положении большей части русского народа Ушинский видел корень государственного произвола, неуважения к законам и правам других лиц и, как следствие, неуважение к самому себе, проявляющееся в заискивании и малодушии, так хорошо описанных у А. С. Грибоедова. Во второй части статьи Ушинский высказал обеспокоенность воспитанием русских дворян, указав, что русское дворянское сословие чрезмерно увлеклось западными методами: «По большей части детей не воспитывают, а готовят чуть не с колыбели к поступлению в то или другое учебное заведение или к выполнению условных требований того общественного кружка, в котором, по мнению родителей, придется блистать их детям» [2, с. 463]. Возможный выход из сложившейся ситуации в русском воспитании Ушинский указывал в сближении образования и Церкви. Ученый видел в православии «единственную религию, которая, сохраняя нерушимо не только общие, основные истины христианства, но и свои древние формы, может стать религией великого и образованного народа» [2, с. 454].

Вопросу сближения образования и Церкви посвящена статья Ушинского «**Воскресные школы**», написанная в форме письма к преподавателям и устроителям провинциальных районов России, что и обозначено в подзаголовке «Письмо в провинцию».

Любуясь «разнообразием лиц, одежд и состояний» учащихся, которых объединяет «что-то родное», и указывая на главное преимущество воскресных школ в том, что они основываются «на совершенно свободном желании, с одной стороны, учиться, с другой – учить» [2, с. 498]. К.Д. Ушинский строго отмечал нехватку педагогических навыков у местных педагогов и отсутствие необходимой литературы для обучения. Важной нравственной задачей устройства воскресных и других школ Ушинский видел сближение «образованных людей с людьми рабочего класса». Педагог писал: «Между этими двумя классами повсюду существует какой-то антагонизм, и люди рабочего класса всегда с недоверием, не лишенным некоторой злобы, и с завистью смотрят на высшие сословия. Это и неудивительно, если оба эти слоя народа встречаются между собою только в безжалостных, экономических отношениях; если между ними не разменивается ни одно откровенное, задушевное слово, ни одна общечеловеческая, примиряющая мысль» [2, с. 496–497].

По мнению Ушинского, именно такая «примиряющая мысль», почерпнутая из христианства, может стать мощным скрепляющим нравственным звеном в народе, обеспечивающим «благоденствие государства, его спокойствие, силу и богатство».

Особую роль в преподавании в воскресных школах Ушинский отводил образованным женщинам. Свято храня память о своей матери, Ушинский говорил что «в женском характере есть удивительно размягчающий элемент, съедающий нечувствительно ту грубую кору, облекающую сердце, которая так упорно мешает развитию мальчика, заброшенного в детстве» [2, с. 499].

В статье «Воскресные школы» К. Д. Ушинский четко обозначил волнующие его принципиально важные

цели нравственного воспитания. Его дальнейшие труды посвящены их научному обоснованию и разработке методов для их достижения. Первостепенной он видел необходимость «открыть в Церкви для человека источник духовного развития и нравственных убеждений» [2, с. 508], объясняя свое утверждение тем, что в школе человек пребывает лишь краткий период своей жизни, тогда как Церковь сопровождает его на всем жизненном пути. Школа же обязана научить человека «читать и понимать читаемое», а также развить у него умственные способности, наблюдательность, память, воображение и умение самостоятельно «приобретать новые познания». Ведущим методом обучения, по Ушинскому, должен стать словесный, предполагающий беседы учителя с учащимися, а не «книжный» – чтение учащимися литературы.

Предметом бесед Ушинский рекомендовал сделать: «1) Главнейшие события ветхозаветной истории, главные и второстепенные события истории евангельской и истории Церкви, главнейшие священнодействия и обряды богослужения, главнейшие нравственные обязанности всякого человека, о которых, впрочем, следует говорить более при изложении события евангельской истории, обращаясь в то же время к образу жизни самих учеников. 2) Крупнейшие события из русской истории и те из всеобщей, которые находятся в связи с русской или историей христианской Церкви. 3) Главные физические явления, как то: ночь, день, четыре времени года, дождь, снег, гром и т.п. 4) Различие главнейших пород животных, с показанием этого различия на животных домашних и тех, которые могут быть знакомы ученикам. 5) Умственное счисление, преимущественно на предметах наглядных: мера, вес, измерение времени и пространства ...» [2, с. 502].

Следующим по значению методом Ушинский считал «наглядный» и потому указывал на важность наличия богатого наглядного материала – картин в учебных классах.

2. Народность воспитания в творчестве Ушинского. Факторы народного воспитания. Рост общественного самосознания в 1860-х годах и пробуждение русского общества к самостоятельной исторической жизни получили яркое, развернутое отражение в философии образования Ушинского. Эта философия открывала новую, еще неизвестную страницу в истории отечественного образования.

Важнейшей идеей педагогической системы К.Д. Ушинского является идея **народности**, которая раскрыта им в работах: «О народности в общественном воспитании», «О нравственном элементе в русском воспитании», «Вопросы о народных школах», «Общий взгляд на возникновение наших народных школ», «Родное слово», «Проект учительской семинарии», «Труд в его психическом и воспитательном значении», «Педагогические сочинения Н.И. Пирогова».

К.Д. Ушинский заложил основы разработки идеи народности воспитания в отечественной педагогике. До сих пор, однако, не сложилось ее цельного понимания; скорее, отмечается ее использование разными идеологическими системами. Еще ученики и последователи К.Д. Ушинского показали многосторонний характер его идеи о народности воспитания, раскрыв ее общественную и демократическую направленность, религиозно-нравственный смысл, национально-самобытную сторону, значение для возрождения русской национальной школы.

Идея народности воспитания в творчестве К.Д. Ушинского уже более ста лет вызывает споры. Одни

исследователи отмечают в ней националистический оттенок, другие обращают внимание в первую очередь на ее общественно-политическое звучание; третьи рассматривают ее преимущественно в ракурсе общечеловеческих ценностей. Ценность идеи К.Д. Ушинского состоит в том, что в его трактовке народности воспитания осмыслены и диалектически преобразованы различные тенденции в истории российского образования той эпохи.

Главный источник идеи народности воспитания в творчестве К.Д. Ушинского – это общественная направленность его педагогики, чуждая сугубо политическим или партийным интересам. Видна антропологическая трактовка идеи народности: поскольку общественное благо достигается лишь через такое воспитание, которое «поднимает дух над телом», то задача педагога – познакомиться с «природой человека», «понять душу в ее явлениях».

Обобщая идеи К.Д. Ушинского, можно сказать, что принцип народности воспитания состоит в том, что воспитание должно, в значительной степени и в первую очередь, опираться на глубокие народные традиции, культурно-исторический опыт того народа, к которому принадлежит ребенок. Отметим также, что к моменту создания К.Д. Ушинским принципа народности отдельные идеи народности воспитания неоднократно, в той или иной форме, уже выдвигались многими отечественными авторами. Поэтому, на наш взгляд, отнюдь не случайно К. Д. Ушинский, например, выдвигает некоторые важные положения принципа народности, анализируя литературно-педагогические статьи великого русского хирурга, педагога и просветителя Николая Ивановича Пирогова (1810-1881). В частности, К.Д. Ушинский отмечает: «Если бы мы взяли на себя труд извлечь ту

основную идею, на которой покоится народное воспитание в той или иной стране Западной Европы, то пришли бы, может быть, к неожиданным для нас заключениям: мы убедились бы, что воспитательные идеи каждого народа проникнуты национальностью более, чем что-либо другое, проникнуты до того, что невозможно и подумать перенести их на чужую почву, и не удивлялись бы тогда, отчего, при переносе этих идей к нам, мы переносим только их мертвую форму, их безжизненный труп, а не их живое и оживляющее содержание» [3, с. 3].

В своей знаменитой работе «О народности в общественном воспитании» К.Д. Ушинский глубоко обосновал принцип народности, обращаясь к «фактам общественной жизни разных народов» и «показаниям национальной литературы», а также, что в контексте нашего исследования особенно важно, выявил соотношение в воспитании национального и межнационального, общечеловеческого: «Каждый образованный народ только тогда имеет значение в науке, когда обогащает ее истинами, которые остаются такими для всех народов. ... Но то, что прилагается к науке, не может быть приложено к воспитанию. Воспитание развивает в человеке свой собственный идеал. Воспитание берет человека всего, со всеми его народными и единичными особенностями, – его тело, душу и ум, – и, прежде всего, обращается к характеру человека; а характер и есть именно та почва, на которой коренится народность. Почва эта, разнообразная до бесконечности, прежде всего, однако, распадается на большие группы, называемые народностями. Можно ли и должно ли разрабатывать эти различные почвы одними и теми же орудиями, сеять и производить на них одни и те же растения – или для каждой почвы педагогика должна открыть особые орудия и особые, этой почве свойственные растения?» [2, с.70–71].

Отвечая на поставленный вопрос, К.Д. Ушинский пишет: «Сделавшись одним из элементов государственной и народной жизни, общественное воспитание пошло у каждого народа своим особенным путем, и в настоящее время каждый европейский народ имеет свою особую характеристическую систему воспитания. Несмотря на сходство педагогических форм всех европейских народов, у каждого из них своя особая национальная система воспитания, своя особая цель и свои особые средства к достижению этой цели» [3, с. 75].

Всесторонне развивая принцип народности, К.Д. Ушинский неоднократно подчеркивал фундаментальный характер национальной основы каждого человека, например: «Черта национальности не только заметна сама по себе, но примешивается ко всем другим характеристическим чертам человека и сообщает каждой из них свой особенный оттенок. Наружность в этом случае может служить лучшим доказательством, что и в душе человека черта национальности коренится глубже всех прочих. Она выдерживает напор столетий и не истощается миллионами отдельных личностей» [3, с. 156]. При этом К.Д. Ушинский подчеркивает связь каждого отдельного представителя определенного народа с общей исторической миссией, культурой, исторической судьбой данного народа: «Что такое вся история народа, если не процесс сознания той идеи, которая скрывается в его народности, и выражение ее в исторических деяниях? Но это сознание совершается в единичных человеческих самосознаниях и, создаваясь из атомов, делается непреодолимой исторической силой.

Общественное воспитание, которое укрепляет и развивает в человеке народность, развивая в то же время его ум и его самосознание, могущественно содействует развитию народного самосознания вообще; оно вносит

свет сознания в тайники народного характера и оказывает сильное благодетельное влияние на развитие общества ...» [3, с. 162]. Историческая судьба каждого народа формирует у него свой собственный, особый идеал человека, к которому стремится народное воспитание: «В основании особенной идеи воспитания у каждого народа лежит, конечно, особенная идея о человеке, о том, каков должен быть человек по понятиям народа в известный период народного развития. Каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях». ... Данный идеал «отражает в себе характер самого народа и развивается вместе с его развитием» [3, с.122–123].

Одним из первых в русской педагогике К.Д.Ушинский обратил внимание на то, что посредством родного языка дитя уже в самые первые годы жизни усваивает глубочайшие в своей основе идеи, нравственные заповеди, понятия. «Не условным звуком только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик: оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребенку ни один философ».

Одним из первых в русской педагогике Ушинский обратил внимание на то, что посредством родного языка дитя уже в самые первые годы жизни усваивает глубочайшие в своей основе идеи, нравственные заповеди, понятия. Вот почему в книжках Ушинского для детей так

много произведений устного народного творчества, представленных в разнообразных жанрах: легенды, сказки, народные песни, сказания, былины, загадки и т. д. Критерием народности в истинном значении этого понятия руководствовался педагог и при отборе для своих детских книжек произведений русской литературной классики – А.С. Пушкин, И. А. Крылов, М. Ю. Лермонтов и другие авторы.

Для того, чтобы воспитательный процесс носил действительно народный характер, К.Д. Ушинский советовал при воспитательной работе с детьми дошкольного возраста применять народные игры; он был ярким сторонником такого метода и воспитания и призывал педагогов к собиранию народных игр. «Обратить внимание на эти народные игры, разработать этот богатый источник, организовать их и создать из них превосходное и могущественное воспитательное средство – задача будущей педагогики», – писал он [2, с. 423]. Это наставление К.Д. Ушинского старались выполнить русские педагоги дошкольного образования, а сейчас стараются претворить их в жизнь педагоги нашего времени.

Таким образом, К.Д. Ушинский фактически рассматривает принцип народности в неразрывной связи с принципами духовности и нравственности воспитания, особо выделяя их историческую обусловленность: «Народный идеал человека, к какому бы веку он ни принадлежал, всегда хорош относительно этого века. Немногие в обществе бывают выше его (это редкие исключения), большинство ниже его; но в глубине души каждого шевелятся его черты. Сознывая всю недоступность этого идеала для себя лично, человек, тем не менее, берет его за образец, когда начинает судить о других людях (на этом основана возможность общественного мнения); он желает также осуществления этого идеала в существах

близких его сердцу, и в этом чувстве коренится свойство тех требований, которые делаются обществом воспитанию» [3, с. 124].

4. Идея национальной школы в творчестве Ушинского. Церковь как главный участник создания и функционирования национальной русской школы

Необходимость взаимодействия религии и науки в деле образования – одна из краеугольных идей в творчестве К. Д. Ушинского.

Ушинский, приводя и развивая это положение, говорил о необходимости сочетания гуманизма и реализма в образовании, тщательно различая функциональное значение первого и второго, наподобие того, как различалась формальная и материальная цель образования в новой европейской педагогике, начиная с Песталлоцци: «Нам кажется, что под именем гуманного образования надо разуметь вообще развитие духа человеческого и не одно формальное развитие; человека же можно развить гуманно не только изучением классических языков, но еще гораздо более и прямее религией, языком народным, географией, историей, изучением природы и новыми литературами. Реализм начинается тогда, когда мы ищем в науке не мысли, не пищи духу, а именно только тех знаний, которые необходимы для той или другой отрасли практической жизни» [3, с. 428]. Основное значение религии в деле образования связано, по Ушинскому, не с передачей знаний, а с задачей развития когнитивной способности человека, с задачей гуманизма: «Если мы не ставим религию средоточием гуманного образования, то только потому, что она должна стоять во главе его. Наука изучает только постижимое, религия устремляет дух человека к вечному и вечно непостижимому» [3, с. 432].

К. Д. Ушинский никогда не сомневался в том, что высокообразованный человек – это человек религиозный.

«Человек же, ум которого спит беспробудно, может искренно исповедовать высоконравственную религию и, не смущаясь совестью, жить, как язычник» [3, с. 253].

Насильственно оторвать от религии могло, по мнению К. Д. Ушинского, только поверхностное «полуобразование», от которого он предостерегал учителей народных школ. В статье **«Проект учительской семинарии»** К. Д. Ушинский писал: «Нет нужды доказывать, что убеждения всякого народного учителя христианского народа должны быть проникнуты идеей христианства. Вот почему народных учителей вредно возводить на ту среднюю ступень образования, которое с ведет к сомнению в религии, а потом к безверию... Познания, безопасные для человека, которому предстоит еще много учиться, не безопасны для того, кто оканчивает учение почти на первой его ступени» [2, с. 85].

Для Ушинского до конца жизни педагогическая наука оставалась средством приближения личности к нравственному идеалу, задаваемому христианством. В своих трудах он пытался осмыслить видимые, поддающиеся воздействию механизмы развития, движения человеческой души.

Разведя науку и религию, К. Д. Ушинский получил возможность обратиться к истории религии как важному элементу истории психологии. Он подчеркивал ценность всех религиозных учений для психолога, исследующего жизнь человеческой души, ее потребностей, ее заблуждений.

Основоположник отечественной педагогики К. Д. Ушинский оставил свою триаду – «Народность. Православие. Наука», – полагая, что она станет нашим духовно-образовательным наследием. Факт принадлежности К. Д. Ушинского к истории и культуре России, значение его личности, ценность его наследия

раскрываются в постановке самых разных и при этом важнейших вопросов о народном образовании, понимаемом не только в этническом, но и в самом широком историко-философском и антропологическом контекстах.

В XXI веке, под влиянием наследия К.Д. Ушинского, философию отечественного образования можно сформулировать таким образом:

– три урока: оптимистический, пессимистический, трагический; – три константы: духовность, открытость, традиционность;

– три ценности: семья, школа, учитель;

– три идеи: вселенское предназначение человека, национальный дом, соборность;

– три принципа: индивидуальность, целостность, единство типа впечатлений.

Это триединство естественным путем гармонично соединяет святоотеческое – светское; историческое – культурологическое – философское; государственное – общественное – персоналистическое наследие.

Вопросы для самопроверки

1. Прочитайте статью К. Д. Ушинского «Воскресные школы». Расскажите об устройении, содержании обучения и специфике контингента воскресной школы России середины – второй половины XIX в.

2. Каковы должны были быть, по мнению К. Д. Ушинского, главные задачи воскресных школ? Какие средства предлагал К. Д. Ушинский для достижения этих задач?

3. Охарактеризуйте основные принципы педагогического учения К. Д. Ушинского с точки зрения воплощения в них идей православной педагогики.

4. Как К. Д. Ушинский представлял себе педагогическую цель?

5. Каковы, по-Вашему, причины, не позволявшие К. Д. Ушинскому рекомендовать непосредственное заимствование зарубежного опыта для практики русских школ?

Литература

1. Белозерцев Е.П. Образ и смысл русской школы. Очерки прикладной философии образования. 3-е изд., доп. и перераб. Курск : Мечта, 2013 –123 с.

2. Ушинский К. Д. Собрание сочинений : в 11 т. / редкол.: А. М. Еголин (гл. ред.), Е. Н. Медынский и В. Я. Струминский ; Акад. пед. наук РСФСР, Ин-т теории и истории педагогики. – М. ; Л. : Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1948 – 1952. – Загл. обл. : Сочинения. Т. 2 : Педагогические статьи, 1857—1861 гг. – 1948. – 655 с.

3. Ушинский К. Д. Педагогические сочинения / К.Д. Ушинский ; сост. С.Ф. Егоров ; примеч. С.Ф. Егоров. – М. : Педагогика, 1988 . – 494 с.

4. Ушинский К.Д. Письма о воспитании наследника русского престола // Интернет. Режим доступа: http://az.lib.ru/u/ushinskij_k_d/text_0060.shtml (дата обращения: 18.07.2014).

Лекция 7. Православная педагогика протоиерея Василия Зеньковского

План

1. Становление творческого пути В. Зеньковского.
2. Учение В. Зеньковского о метафизической сущности личности.
3. В. Зеньковский о церковной школе и религиозном воспитании.
4. В. Зеньковский о социальном воспитании.

1. Становление творческого пути В. Зеньковского.

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962), русский философ, богослов, педагог. Родился в г. Проскурове (ныне Хмельницкий) 4 июля 1881. В 1900 поступил на естественный факультет Киевского университета. Проучившись там четыре года, Зеньковский перешел на филологический факультет. В 1909 он окончил университет и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Работал над магистерской диссертацией, читал курсы по философии и психологии на Высших женских курсах. Научными исследованиями в области детской и юношеской психологии, а также педагогики Зеньковский будет заниматься в течение всей жизни. Вскоре после окончания университета он стал директором киевского Института дошкольного воспитания. В 1913–1914 находился в научной командировке в Германии и Италии. В 1915 защитил докторскую диссертацию Проблема психической причинности. В 1916 Зеньковский стал профессором Киевского университета. С 1910 он был председателем киевского Общества по изучению религии и философии. Существенную роль в судьбе и духовной эволюции Зеньковского сыграло его знакомство с С.Н. Булгаковым, под влиянием которого он обратился к творчеству Гоголя. (В своей Истории русской философии он назовет Гоголя «пророком православной культуры».) В 1918 Зеньковский занимал пост министра вероисповедования в правительстве гетмана П.П. Скоропадского. В 1920 эмигрировал в Югославию. В 1920–1923 был профессором философского и богословского факультетов Белградского университета. Затем переехал в Прагу, где возглавил кафедру экспериментальной и детской психологии в Высшем педагогическом институте. В 1923 в Берлине вышла его книга Психология детства. В 1923 на

общеэмигрантском педагогическом съезде Зеньковский был избран председателем Педагогического бюро по зарубежным русским школьным делам. В том же году в Чехословакии прошел съезд русской православной студенческой молодежи и была создана общественная организация «Русское студенческое христианское движение». Председателем РСХД на протяжении многих лет был Зеньковский. С 1927 он жил в Париже и возглавлял кафедру философии Православного богословского института, а в 1944, после смерти С. Н. Булгакова, стал его деканом. В 1942 Зеньковский был рукоположен в сан священника. Основные философские, богословские и педагогические идеи Зеньковского нашли отражение в его книгах: «Русские мыслители и Европа» (1926), «На пороге зрелости» (1929), «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии» (1934), «История русской философии» (1948–1950), «Апологетика» (1959), «Н. В. Гоголь» (1961), «Основы христианской философии» (1961–1964). Особенно важную роль сыграл Зеньковский как историк русской философии. Основой для книги История русской философии послужил курс лекций, который Зеньковский читал в Богословском институте. Русская философия предстает в книге Зеньковского как уникальный национальный опыт создания христианской философии. Философское учение Зеньковского включало метафизику, гносеологию и антропологию. В каждом из этих разделов мыслитель стремился следовать христианской (церковной) традиции понимания мира и человека. Умер Зеньковский в Париже 5 августа 1962. Похоронен в Париже, на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Всю жизнь В. В. Зеньковский боролся с идеей секуляризации культуры и мечтал о том, чтобы человек снова все свои творческие силы отдал на служение Богу. При этом он не ограничивался лишь теоретическим

анализом этой проблемы, а искал конкретные пути. Одним из таких путей для него явилась забота о христианском воспитании молодежи: в целом ряде своих работ о. Василий стремился дать христианское решение вопросам, связанным с проблемами воспитания. В 1924 году появилась его замечательная книга «Психология детства», затем книга, посвященная юношеству, «На пороге зрелости» и в 1934 году «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии». Помимо этого с 1927 по 1961 г. под его редакцией выходил «Религиозно-педагогический бюллетень», посвященный вопросам христианской педагогики. Идея построения православной культуры была чрезвычайно дорога и близка Зеньковскому. Это привело его к созданию Лиги православной культуры, этому был посвящен как сборник «Православие и культура», вышедший в Берлине в 1923 году, так и его исследование творчества Н. В. Гоголя, в лице которого В.В. Зеньковский видел одного из основоположников идеи православной культуры. Всю свою жизнь В.В. Зеньковский проповедовал, что христианство это не «окамененное нечувствие», что христианству присуща творческая жизнь, подлинная свобода, жертвенное служение правде Христа, истинное знание. Он никогда не ставил почитание Субботы выше человека. Живой, конкретный человек был для Василия Васильевича Зеньковского дороже отвлеченного понятия добра. Не случайно все близко знавшие о. Василия отмечали присущие ему мягкость, сочувствие, излучение оптимизма, человечность.

2. Учение В. Зеньковского о метафизической сущности личности

Формулируя же собственную «метафизическую» точку зрения на природу личности ребенка, Зеньковский утверждал, что «детская личность (впрочем, как и наша

личность во многом) не только дана, но и задана, люди не идут в своем развитии одним и тем же путем, личность не принимает у всех одной и той же формы, но всякая личность должна найти свой путь, свою идеальную форму». В понимании личностного бытия Зеньковский противопоставляет собственную формулу личности: «Личность всегда глубже своего эмпирического выражения, ее жизнь есть непрерывное движение вперед, непрерывное искание более полного и адекватного своего выражения. Человек никогда Нельзя не отметить, что «проективный» образ личности, столь ярко обозначенный Зеньковским, в целом характерен для русской метафизики. О том, что дело обстоит именно так, он сам напишет позднее в своей фундаментальной **«Истории русской философии»** [1]. Действительно, с тем, что личность никогда не дана только, но всегда задана в «бесконечной перспективе духовного развития» и не может быть исчерпана никаким «эмпирическим содержанием» согласились бы не только такие «персоналистически» ориентированные мыслители, как Л. Лопатин, Н. Бердяев, Г. Федотов, но и те, кто представлял, например, традицию «метафизики всеединства», – Вл. Соловьев, С. Трубецкой, П. Флоренский, Л. Карсавин, С. Франк и др. Конечно, сформулированные В. Зеньковским общие принципы метафизики личности были самым непосредственным образом связаны с его психологической концепцией детства. Завершая свой труд, он утверждал, что «детская личность не имеет в себе ничего законченного» [2, с. 307]. С его точки зрения, личностное начало в ребенке, в определенном и очень важном смысле, выражено даже более ярко, чем у взрослого. Философская педагогика должна не просто считаться с этим психологическим и метафизическим «фактом», она должна из него исходить как в теории, так и в педагогической практике. Вопрос о

метафизической греховности человека В.В. Зеньковский считал исключительно трудным для богословской и философской мысли. Это связано, прежде всего, с тем, что необходимо понять, как метафизическое, духовное начало в человеке, онтологически связанное с образом Божиим, в то же время оказывается источником «роковой раздвоенности», способности как к добру, так и ко злу. Зеньковский признавал, что проблема зла с онтологической точки зрения в православном богословии все еще далека от окончательного решения. Особенно остро данный вопрос, считал мыслитель, продолжает существовать в сфере нравственной метафизики христианства. «Кардинальный факт метафизики тварного бытия заключается в том, что через все это бытие проходит постоянное противоборство и постоянная противонаправленность добра и зла: мир и человек, оставаясь едиными в онтологии, оказываются жутко двойственными в моральной стороне». Грех, согласно Зеньковскому, явление духовного порядка, своего рода «духовная болезнь», причиной которой стала попытка человека стать бесконечным помимо Бога. Движение к Богу и от Бога – источник моральной раздвоенности человеческого бытия. Человеческая же телесность, мистически подчиненная «темному, богоборческому началу духовности», лишь отражает в фактах греховной жизни неблагополучие духовного мира.

4. В. Зеньковский о церковной школе и религиозном воспитании

Обращаясь к истории европейской школы, Зеньковский подчёркивает её постоянную и теснейшую связь с Церковью, собственно, она и родилась в недрах Церкви. Средневековая церковная школа, несомненно, внутренне соответствовала общему характеру всей культуры, тоже глубоко религиозной, теоцентричной,

христианской. В Новое время под воздействием идей Просвещения в Европейской культуре сложился идеал светской, секуляризованной школы, ограждающей личность ребёнка от посягательств на его свободу, от принудительности, лицемерия, насильственного навязывания религиозных установок. Этот идеал царил в педагогике в XIX веке, продолжал преобладать и в XX. В России после Октября 1917г. специальным декретом Ленина церковь официально была отделена от государства.

Своё категорическое несогласие с всеохватывающим процессом обмирщения культуры Василий Васильевич Зеньковский, который стал одним из плодотворных деятелей русской эмиграции, но надолго оставался «закрытым», а поэтому неизвестным для отечественного читателя. В советской педагогике и психологии научному анализу его идей не нашлось места, хотя их, вероятно, считали полезными. Следует заметить, что работы Зеньковского в СССР издавались, но в единичных экземплярах под грифом «секретно», доступ к ним разрешался весьма ограниченному кругу узких специалистов. Причина такого неприятия взглядов мыслителя социалистической Родиной кроется не только в его идейном расхождении с Советской властью, но и в том, что он, будучи известным учёным, продолжал оставаться глубоко религиозным человеком и принял сан (как и другой известный русский философ С. Булгаков). Зеньковский в своих работах показывает, что возникшая светская школа не уничтожила окончательно церковную школу, хотя и оттеснила её к низшим ступеням. В Новое время сохраняется и церковная школа высшего типа, которая служит не только узко конфессиональным интересам, но и потребностям общества в целом. Например, в Америке продолжают действовать низшие, средние и высшие церковные школы, очень часто

собственниками школ являются церковные общины. В России, обращает наше внимание русский мыслитель, церковные школы существовали всегда. Он призывает переосмыслить и возродить этот опыт, предостерегая от слишком упрощённого его понимания. Воссоздание церковной школы, разъясняет он, не может и не должно сводиться к усиленному преподаванию религиозных предметов или административному подчинению школы духовенству. Речь идёт не о внешнем, а о внутреннем воздействии Церкви на школу.

Основой всей культуры Зеньковский считал религию: «Религиозная сфера обнимает всё как действительный центр. Она должна по природе своей занимать центральное место, её функция центрирующая». Религия, по его мнению, не принадлежит к числу мелочей и пустяков, она оказывает огромное влияние на весь строй душевной жизни. В качестве показательного примера приводится опыт Америки, где отделение школы от церкви происходило в максимально здоровой религиозной обстановке, где педагогическое сознание лишь в конце XIX – начале XX века стало отходить от религиозного мировоззрения. И, тем не менее, итоги этого отхода оказались плачевными не только для церкви, но и для всей духовной атмосферы Америки.

Мыслитель подмечает, что там, где ослабевает или прекращается религиозная жизнь, «воцаряется материализм, аморализм и даже чистейший нигилизм». Мощное развитие науки и техники в современной цивилизации приводит к духовному опустошению, к нарушению целостности духовной жизни, как всего общества, так и каждой отдельной личности. Причём светская, секуляризованная школа этому не только не препятствует, но, напротив, способствует. Когда ребёнок формируется, ему требуется особенное внимание и

помощь взрослых, чтобы духовно окрепнуть и развиваться. В это время школа делает упор лишь на его умственные способности, даёт ему знания, вырабатывает общественно необходимые навыки и совершенно отгораживается от духовных проблем и исканий ребёнка. «Громадное упущение в школе, – пишет автор, – это то, что организация внутреннего мира остаётся без всякого внимания. Должен быть восстановлен идеал целостности воспитания, чтобы оно охватывало всю личность ребёнка, должна быть одновременно с этим восстановлена иерархия педагогических ценностей. Развитие ума путём обогащения его определённым материалом должно занимать второе место, нельзя и не нужно знать ученику «всё». Нужно развивать свои умственные силы и умение ставить и разрешать вопросы, которые ставит жизнь. Школа, не соблюдая этого, скорее притупляет детей, так как не даёт развиваться другим их сторонам. Школа в таком случае не расширяет, а суживает интерес – дитя в школе, действительно, очень часто не растёт духовно, а слабеет». Постоянно трудясь в сфере образования, Зеньковский понимал, что XX веке в педагогике наступила эпоха большого и напряжённого творчества, смелых и страстных педагогических исканий. Но они сдерживаются и обедняются двумя факторами. Во-первых, в педагогике всё основательнее утверждается педагогический эмпиризм, выводящий всё познанное из непосредственного чувственного опыта. Возражая против этого направления педагогики, он писал: «Правильное, т. е. основанное на принципах христианской, а именно православной, антропологии учение о соотношении духовного и эмпирического состава человека устанавливает существенное значение эмпирического развития, но предохраняет от ошибки, видящей в эмпирическом развитии силу, созидающую духовную жизнь» [3]. Во-

вторых, педагогическая мысль скованна современными научными и философскими построениями, подчинена принципам натурализма, который абсолютизирует преобразующую роль воспитания и веру в жизненные силы ребёнка, при этом отрицает какую-либо регламентацию в деле образования личности. По его мнению, «превращение центральности понятия личности в верховный принцип педагогики превращает воспитание в сущности в бессодержательную задачу, в чистое развитие принципа личности – независимо от того, во что выльется жизнь личности. Слепое преклонение перед началом личности ведёт к педагогическому анархизму, к отрицанию объективных принципов воспитания».

Позднее в книге о. Василия Зеньковского **«Проблемы воспитания в свете христианской антропологии»** (1934) проблематика воспитания была по новому конкретизирована уже в ситуации глубокой секуляризации и кризиса образования и воспитания.

Важнейшим методологическим следствием этого является необходимость во всем исходить из принципа «внутренней иерархичности» человека как онтологической основы образования и воспитания: «Принцип всецелой «личности» в человеке, – писал о. Василий, – позволяет формулировать задачу воспитания ребенка, как раскрытие его личности – но не в линиях так называемого «гармонического» развития естества, а в линиях внутренней иерархичности в человеке. Развитие «характера», как совокупности сил творческого и социально осуществимого действия, как психофизической крепости, самообладания и жизненного творчества, – имеет, как и все в эмпирических задачах воспитания, инструментальное значение. Понятое как самодовлеющая задача, оно не только поверхностно понимает драму человеческой жизни, но часто лишь

закрепляет духовную неустроенность человека, поставляя на место жизни в Боге, как главного содержания бытия, близорукие и утилитарно понятые цели жизни» [3, с. 153]. Такой подход позволяет находить руководящий принцип выбора стратегий: делать выбор в пользу той из них, которая в большей мере соответствует реализации принципа «внутренней иерархичности» человека.

В свою очередь, базовый онтологический принцип «внутренней иерархичности» позволяют понять и «модель» жизни, которую следует сознательно формировать у человека в процессе воспитания и образования для того, чтобы он в дальнейшем был способен уже самостоятельно развивать в себе евангельский образ личности. о. Василий Зеньковский определяет эту общую модель жизни, на которой должно быть основано подлинное христианское воспитание и образование, как «крест»:

«Тайна человека заключена, таким образом, не в одной лишь структуре его (образ Божий, связь с человеческой средой, зависимость через тела от космоса), не только в динамике его жизни (наличность центра греховности в силу первородного греха, аритмия в движениях, свобода их), но и в задаче, которую данный человек призван решить через свою жизнь, чтобы предстать пред Богом, – иначе говоря, тайна человека скрыта в его кресте. В диалектике исканий часто мятущейся, часто путающей самое себя души раскрывается наш крест, который нужно принять, нужно взять, чтобы мы смогли пойти со Христом, взять Его «иго», то есть принять участие в спасении и преображений мира и людей» [4, с. 148]. Тем самым, «крест» человека состоит в первую очередь не в страданиях и испытаниях, хотя и они абсолютно необходимы для формирования полноценной личности, но в духовно-радостном со-работничестве Богу.

«Основной и руководящей идеей моей является идея целостного синтеза и органической системы, растущей из основ Православия и охватывающей всю полноту той реальности, к которой она обращена, а вместе с тем «диалектически» завершающей ход идей в развитии педагогической мысли. Речь ведь идет не о том, чтобы искусственно связать истины Православия с проблемами и построениями современной педагогики, а о том, чтобы раскрыть внутреннюю связь подлинных и серьезных достижений современной педагогической мысли с тем глубоким пониманием человека, какое развивает христианство. Этот синтез должен быть органическим, а не искусственным... в том и заключается, чтобы построить системы педагогики в свете и духе Православия, т. е. осветить все проблемы современной педагогики тем учением о человеке, о его внутреннем мире, о его судьбе, какое живет в православном сознании» [3, с. 23].

При этом задача образования и воспитания понята здесь как часть общесоциальной задачи восстановления христианского строя жизни, преображения всей жизни на основе силы православной веры. Поэтому сама по себе одна «школа не может быть основной движущей силой социального преображения, но она чрезвычайно нуждается в наличности живой и духовно здоровой пришкольной среды. Обе задачи – социальное преображение и создание надлежащей пришкольной среды – неотделимы, конечно, одна от другой, – но вся главная тяжесть в решении этих задач должна лежать не на школе, а на обществе, точнее говоря на тех социальных группах (общинах), внутри которых тема религиозного преображения должна быть поставлена во имя ее собственной правды» [3, с. 22].

Таковы специфические задачи школы в эпоху секуляризации культуры и обезбоживания жизни, ведущих к «антропологической катастрофе», о чем сам о. Василий

Зеньковский в своей работе «Наша эпоха» писал так: «чем дальше развивается наука и техника, чем сложнее становятся социальные проблемы, чем меньше в жизни добра и сильнее проявления зла – **тем нужнее человеку Бог**. «Обледневшей цивилизацией» называл нашу эпоху Розанов, – и он прав, ибо тяжело, тоскливо, одиноко человеческой душе, в которой живут все те же надежды на полноту жизни, живут глубокие запросы сердца. Спасение может быть только в вере – но вере, живущей всей полнотой Церкви, питающейся от ее таинств, вере ясной и глубокой. Не убогие мифологемы могут насытить духовные искания, ибо сердце наше не может забыть тех видений, которые озаряют сердца, когда доходит до них евангельское благовестие. Глубокая беспомощность современного человека, его неустроенность может преодолеваться лишь на путях религиозной жизни, на путях «духовного делания» – и каждой душе надлежит искать своих индивидуальных путей к этому. Но только не надо забывать, что индивидуальное возвращение в Церковь и духовное личное возрастание не спасает и не обновляет эпоху, ядовитое дыхание которой все равно продолжает отравлять юные души. **Нужен эпохальный перелом**, и все мы, кто «из страны далече» вернулся, подобно блудному сыну, в Отчий Дом, должны думать и об этой задаче» [5, с. 220].

Принципиальное определение цели образования и воспитания у о. Василия Зеньковского состоит в том, что «цель воспитания в свете Православия есть помощь детям в освобождении их от власти греха через благодатное восполнение, находимое в Церкви, помощь в раскрытии образа Божия. Иначе это может быть формулировано, как раскрытие пути вечной жизни, как приобщение к вечной жизни в жизни эмпирической. Правильное учение о соотношении духовного и эмпирического состава человека

устанавливает существенное значение эмпирического развития, но предохраняет от ошибки, видящей в эмпирическом развитии силу, созидающую духовную жизнь. Духовная жизнь нуждается в эмпирическом развитии, как опосредствующем начале, но она не развивается из эмпирической сферы» [3, с. 152]. Тем самым, духовная жизнь человека нуждается в развитии по своим особым автономным законам, независимым от обучения человека навыкам эмпирического бытия в мире, а поскольку высшая цель воспитания и образования состоит в освобождении человека от власти греха, то любые эмпирические выгоды должны отступать на второй план перед этим высшим принципом.

Кратко рассмотренные здесь философские основания православной педагогики, концептуально обоснованной в трудах П.Д. Юркевича и В.В. Зеньковского, позволяют сделать ряд обобщающих выводов. 1) Для православной педагогики сущностью образования и воспитания является борьба с первородным грехом в человеке посредством развития навыков этой борьбы на всех трех уровнях сущностных сил человека – ума, сердца (чувств) и воли. 2) Именно в этом смысле цель образования и воспитания совпадает с целью человеческой жизни как таковой – спасением души от вечной смерти, хотя цель эта в рамках образовательного и воспитательного процесса достигается своими специфическими средствами. 3) Специфика этих особых средств связана, в первую очередь, с развитием иерархичности в человеке, в научении его подчинять низшее высшему, смертное – бессмертному, что всегда предполагает и научение особого отношения к авторитету. 4) В основе образовательного и воспитательного процесса лежит передача самой структуры личности учителя его ученикам, в чем и состоит онтологический смысл понятия авторитета, который тем самым, является и единственно

возможным путем воспитания в человеке подлинной – духовной – свободы, принципиально отличающейся от секулярного понимания «свободы» как вседозволенности греха, ограниченной лишь внешним государственным законом. Образование – это воспитание свободы от греха на основе внутреннего нравственного закона личности.

5. В. Зеньковский о социальном воспитании

В. Зеньковский глубоко проанализировал сам феномен социального воспитания, дал его обстоятельную характеристику. Организация воспитания, считал он, должна происходить не от отдельного ребенка, а от социального целого, от того социального взаимодействия, которое лежит в основе всего развития ребенка. Если воспитание не будет считаться с социальной средой, ребенок вырастет эгоистом. В то же время социальная среда не должна подавлять личность: «...лишь одновременное развитие индивидуальной силы и социальных навыков намечает путь нормального развития личности...» [6, с. 42]. Зеньковский считал, что личность ребенка может нормально развиваться лишь в социальных условиях. Задача воспитания заключается в том, чтобы эти социальные условия не подавляли, а питали личность, а с другой стороны, чтобы личность проявляла себя не в грубом утверждении, а в сотрудничестве с другими людьми. Только живой социальный опыт, его богатство и многообразие делают людей способными к правильному социальному ориентированию. Большое значение Зеньковский придавал развитию такого социального чувства, как эмоциональная отзывчивость, считал важным преодоление эмоциональной замкнутости: «Лишь на основе такого эмоционального преображения личность может преодолеть социальную инертность и равнодушие к людям», – писал он [6, с. 61].

Ученый считал, что социальное воспитание нельзя смешивать с национальным, поскольку оно стоит выше его. «Национальное воспитание заключается в том, что мы возможно глубже проникаемся национальным творчеством, проникаемся историческими заветами прошлых поколений и одушевляем нашу деятельность ими» [6, с. 10]. Уберечься от опасности узкого национального воспитания можно, только опираясь на правильно поставленное социальное воспитание. «Воспитание должно быть национальным, оно должно приобщать человека к исторической работе его страны, должно связывать его с родной страной...но именно потому, что национальное воспитание необходимо, еще более необходимо социальное воспитание, которое развивает более высокие силы человеческой души – духовного богатства и взаимопомощи» [6, с. 11–12]. Зеньковским были подробно проанализированы основные факторы социализации. Главную роль в социальном воспитании он отводил семье: в ней ребенок учится речи, социальному ориентированию, в ней развиваются первые социальные замыслы ребенка, приобретает вкус к социальному сближению (семья есть не просто сожительство, но сотрудничество, где на почве общей жизни вырастает забота друг о друге, умение считаться с особенностями каждого члена семьи, взаимная уступчивость). «Нормальная семья, – считал Зеньковский, – является незаменимым органом социального воспитания, потому что к тесному сотрудничеству здесь присоединяется естественное чувство родственной близости, известная органическая связь членов семьи» [6, с. 68]. Поэтому именно семье принадлежит решающая роль в выработке и развитии социальной отзывчивости: «Ничто не может заменить той единственности и неповторимости взаимной любви,

которая может иметь место лишь в семье» [6, с. 70], – писал Зеньковский. Одним из первых Зеньковский поставил вопрос о необходимости взаимодействия семьи и школы, считая, что привлечение родителей к единению со школой может обеспечить успешную работу школы, в том числе по социальному воспитанию детей.

Вопросы для самопроверки

1. Проанализируйте выборочные главы из книги о. В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии».

2. Какова роль религии в вопросах воспитания, по мнению В. Зеньковского?

3. Какие проблемы воспитания поднимает В. Зеньковский в своем творчестве?

4. Как характеризует В. Зеньковский духовную жизнь ребёнка в разные периоды детства?

5. Принципы православной педагогики по В. Зеньковскому?

Литература

1. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический Проект, Раритет, 2001 – 880 с.

2. Зеньковский В. В. Психология детства. – М.: Академия, 1996. – 346 с.

3. Зеньковский В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1993. – 224 с.

4. Зеньковский В. Принципы православной антропологии // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. – М.: Столица, 1991. – С. 115-148.

5. Зеньковский В. Наша эпоха // Зеньковский В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. – М.: Изд. Свято-Владимирского бр-ва, 1993. – С. 172-223.

6. Зеньковский, В.В. Социальное воспитание, его задачи и пути / Прот. В. Зеньковский. – М.: Моск. просвет. комиссия, 1918. – 91 с.

РАЗДЕЛ 2

РАБОЧАЯ ПРОГРАММА «ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА»

Раздел 1. Цели и задачи дисциплины

Цель изучения дисциплины – формирование у студентов необходимых компетенций в области профессиональной деятельности педагога.

Задачи изучения дисциплины:

– познакомить студентов с историей возникновения и развития православной педагогики;

– ознакомить студентов с базовыми категориями и понятиями в области православной педагогики;

– помочь учащимся осознать связь православной педагогически с основными положениями христианской антропологии;

– сформировать православное понимание сущности педагогического процесса;

– показать особенности процесса религиозно-нравственного воспитания личности в контексте православной педагогики;

– вырабатывать первоначальные умения и навыки организации процесса религиозно-нравственного воспитания школьников в учебное и внеучебное время;

– раскрыть особенности этики педагогических отношений в православной культурной традиции;

– охарактеризовать православную педагогику в контексте социально-культурного служения Русской православной церкви.

2. Место дисциплины в структуре ООП ВО. Требования к результатам освоения содержания дисциплины

Место дисциплины в учебном процессе: Дисциплина «Православная педагогика» относится к обязательным дисциплинам вариативной части профессионального цикла (М1.В2.09). Она логически и содержательно взаимосвязана с преподаванием таких дисциплин, как «Педагогика», «Педагогика высшей школы», «История педагогики», «Психология», «Возрастная психология», «Педагогическая психология».

Необходимыми условиями для освоения дисциплины являются:

– **знания** (о педагогической науке, истории ее развития в России, истории становления и развития Русской Православной Церкви и основах православного вероучения);

– **умения** (использовать систему знаний о закономерностях и принципах образовательного процесса в своей профессиональной деятельности; ориентироваться в возрастных и индивидуальных особенностях личности школьника; на основе полученных знаний конструировать программы дальнейшего самообразования и повышения квалификации по получаемой профессии; основные закономерности процесса взаимодействия субъектов образовательного процесса в школе);

– **навыки** (владеть методами педагогического взаимодействия субъектов образовательного процесса в профессиональной деятельности преподавателя; владеть способами конструирования учебных программ, приемами отбора содержания учебных дисциплин педагогической направленности, практическими навыками проведения различных форм процесса передачи и усвоения знаний,

методами обучения и навыками профессиональной рефлексии).

3. Требования к результатам освоения содержания дисциплины

Студент должен знать:

- этапы эволюции православной педагогики в России;

- представителей православно ориентированной педагогической мысли в России, их основные труды, идеи и концепции;

- понятийный аппарат в области православной педагогики;

- основные положения христианской антропологии: присутствие образа Божия в человеке и его потенциальное богоподобие – свобода; поврежденность человеческого естества первородным грехом; представление о спасении как о результате совместных усилий Божией благодати и свободного человеческого произволения;

- принципы организации педагогической деятельности в контексте православной педагогики;

- цель, задачи, структуру, содержание, формы и методы религиозно-нравственного воспитания личности в контексте православной педагогики;

- основные направления современных исследований по православной педагогике.

Студент должен уметь:

- выполнять теоретический анализ историко-педагогической литературы, аргументировано обосновывать свои суждения и выводы;

- обновлять и реализовывать в педагогическом процессе современные концепции организации православно-ориентированного образовательного пространства;

– проектировать социально-педагогическое взаимодействие, рационально выбирая оптимальные формы, методы, средства религиозно-нравственного воспитания личности, анализировать результаты соответствующей работы;

– обеспечивать посредничество между личностью воспитуемого, семьей и образовательными структурами Русской православной церкви педагогическими средствами;

– изучать и накапливать профессионально-педагогический опыт, а также использовать на практике личный педагогический опыт;

– анализировать социально-педагогические явления в области православной педагогики.

Студент должен иметь навыки:

– осуществления педагогической деятельности с соблюдением этических установок православного педагога, ведения педагогических наблюдений;

– самообразования в области педагогической деятельности и поиска необходимой информации;

– взаимодействия с различными категориями детей и подростков в ситуациях религиозно-нравственного воспитания.

Компетенции, формируемые в результате освоения дисциплины:

Общекультурные компетенции: (общенаучные, инструментальные, социально-личностные):

– владеет культурой мышления, способностью к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке целей и выбору пути ее достижения;

– способен понимать значение культуры как формы человеческого существования и руководствоваться в своей деятельности современными принципами толерантности, диалога и сотрудничества;

– готов к толерантному восприятию социальных и культурных различий, уважительному и бережному отношению к историческому наследию и культурным традициям.

Профессиональные компетенции
(общепрофессиональные, профессионально-специализированные):

– осознает социальную значимость своей будущей профессии, обладает мотивацией к осуществлению профессиональной деятельности;

– способен нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности;

– способен к использованию отечественного и зарубежного опыта организации культурно-просветительской деятельности;

– осознает специфику православной антропологии, традиций православного воспитания и образования.

4. Структура и содержание дисциплины

4.1. Объем учебной дисциплины и виды учебной работы

Таблица 1

Объем учебной дисциплины и виды учебной работы

№	Вид учебной работы	Объем часов (зач. ед.)	
		Очная форма	Заочная форма
1	Общая учебная нагрузка (всего)	108	108
2	Обязательная аудиторная учебная нагрузка (всего) в том числе:		
3	Лекции	14	8
4	Семинарские занятия		
5	Практические занятия (в том числе интерактив)	22	10
6	Лабораторные работы	-	-
7	Контрольные работы (модули)		
8	КСР		
9	Курсовая работа (курсовой проект)	-	-
10	Другие формы и методы организации образовательного процесса		
11	Самостоятельная работа студента	72	90
	Итоговая аттестация	зачет	зачет

4.2. Содержание разделов дисциплины

Тема 1. Становление и развитие православной педагоги (2 часа).

Ветхозаветные педагогические идеи. Цель и содержание ветхозаветного воспитания. Особенности семейного и общественного воспитания. Христианский идеал, цель и задачи воспитания.

Тема 2. Педагогические идеи в святоотеческих трудах (2 часа).

Апостолы и их преемники о воспитании. Педагогика святых отцов и учителей Церкви: Тертуллиан, св. Киприан, епископ Карфагенский, Климент Александрийский, Ориген, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Иоанн Златоуст.

Первые отечественные «педагогические» сборники: «Пчела», «Измарагд» и др. Воспитательное значение житий святых.

Тема 3. Отеческое поучение в православной педагогике (2 часа).

Педагогические идеи «Поучения» Владимира Мономаха. Отражение православной педагогической культуры в Домострое. Правила христиански-нравственной жизни, семейных обязанностей в «Отеческом завещании сыну» Ивана Тихоновича Посошкова. Нравственные и умственные идеалы в «Духовной моему сыну» Василия Николаевича Татищева.

Тема 4. Церковно-педагогическая мысль XVII-XVIII веков (2 часа).

Идеи нравственного семейного воспитания в наследии митрополита Дмитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского. Основы духовного воспитания в трудах святых отцов. «Слово о человеке», «Аскетические

опыты», «Приношение современному монашеству», «Отечник» и др. труды святителя Игнатия Брянчанинова о сущности и содержании духовно-нравственной жизни человека, принципах, средствах и методах религиозно-нравственного воспитания.

Тема 5. Философско-историческое и антропологическое обоснование идеалов православной педагогики в трудах русских религиозных философов конца XIX века-начала XX века (2 часа).

П.Д. Юркевич и его статьи «Из науки о человеческом духе», «Сердце и его значение в духовной жизни человека по учению Слова Божия» о проблемах антропологии и воспитания. Библейское учение о сердце как сосредоточии духовной жизни человека в антропологическом учении Юркевича. «Чтения о воспитании» и «Курс общей педагогики с приложениями» П.Д. Юркевича. Воспитание и его функции в педагогической концепции Юркевича. Воспитание как искусство, управляемое наукой. Источники воспитания.

Антропология К.Н. Леонтьева: протест против абсолютизации человека, рассмотрение проблемы его спасения. Культура в контексте идеи спасения. «Любовь к ближнему» и «любовь к дальнему» (человечеству вообще) в творчестве Леонтьева. Страх Божий и любовь к ближнему. Самодержавие, православие и сословность, сохранение российской культурной самостоятельности и ее особого типа просвещения в концепции Леонтьева.

Социальные задачи христианства в творчестве В.С. Соловьева. Добро как правда и путь жизни в философско-педагогических воззрениях Соловьева.

С.Н. Трубецкой о соборном начале в Православной церкви и в русской культуре. Соборность сознания нравственного человека.

В.В. Розанов и его мысли о воспитании в очерке

«Сумерки просвещения». Воспитание как духовное возрастание души в творчестве Розанова. Индивидуальность обучения, целостность образования и единство типа - три важнейших принципа устроения школ в концепции Розанова.

Тема 6. Философско-историческое и антропологическое обоснование идеалов православной педагогики в трудах религиозных философов русского зарубежья (2 часа).

Философско-образовательная концепция прот. Сергия Булгакова. Церковь как субъект образования в творчестве прот. Сергия Булгакова. Образование как феномен культуры. Цель образования как духовное спасение человека. Три предметные зоны духовного образования: воспитание веры, воцерковление, содействие становлению соборного сознания.

С.Л. Франк о соборности, ее формах и формировании в процессе духовного самовоспитания личности. Роль духовных традиций в жизни общества.

Н.А. Бердяев и его идея о творчестве. Отношение православного вероучения к проблеме творческой самореализации личности. Идея свободы и концепция личности в творчестве Бердяева.

И.А. Ильин о путях духовного самосозидания личности в работе «Аксиомы религиозного опыта». Обоснование необходимости духовного образования личности. Православие как сущность духовного начала в человеке. Православное семейного воспитание. Этапы и средства формирования национального самосознания личности. Христианин и социальная деятельность. Свобода личности как духовная категория в творчестве Ильина. Вторичность социальных свобод личности по отношению к духовной.

Тема 7. Православная педагогика протоиерея Василия Зеньковского (2 часа).

Становление творческого пути В.В. Зеньковского в Киевском университете. Попытка осмысления психолого-педагогических проблем с позиций христианского мировоззрения в работах: «Современное состояние психофизической проблемы» (1905), «Проблема психической причинности» (1914) (магистерская диссертация), «Проблемы индивидуальности в психологии и педагогике» (1911). Постановка вопроса о метафизической сущности личности, о целостном и иерархическом строении личности, о присущей ей логике духовного развития.

Зеньковский и его исследование социальных факторов и условий становления человека общественного (книга «Социальное воспитание: его пути и задачи»). Индивидуальный и социальный полюса личности в концепции Зеньковского. Особенности организации социального воспитания. Ребенок и социальная среда: условия и нормы взаимодействия. Факторы социализации. Семья как основной фактор социализации личности в творчестве Зеньковского. Игра как фактор социализации дошкольника.

Педагогическая деятельность и труды Зеньковского в эмиграции. Книга «Психология детства». Метафизический и эмпирический центры личности в концепции Зеньковского. Обоснование идеи иерархического устройства личности, принципа приоритетности духовного (религиозного) воспитания.

Значение религии и Церкви как фактора национальной социализации и идентификации, особенности религиозной жизни детей и религиозного воспитания в творчестве прот. В. Зеньковского («Педагогика», «Проблемы воспитания в свете

христианской антропологии» и др.). Основные идеи религиозно-педагогической парадигмы теории воспитания, основанной на христианской антропологии и пересмотре основных понятий педагогики в свете Православия в работе Зеньковского «Русская педагогика в XX веке».

Лекции

Таблица 2

Список тем лекционных занятий

№ п/п	Название темы	Объем часов	
		Очная форма	Заочная форма
1	Становление и развитие православной педагогики	2	2
2	Педагогические идеи в святоотеческих трудах	2	
3	Отеческое поучение в православной педагогике	2	
4	Церковно-педагогическая мысль XVII-XVIII веков	2	2
5	Философско-историческое и антропологическое	2	2

	обоснование идеалов православной педагогики в трудах русских религиозных философов конца XIX века-начала XX века		
6	Отражение православной педагогической культуры в творчестве К.Д.Ушинского.	2	2
7	Православная педагогика протоиерея Василия Зеньковского	2	2
Итого:		14	8

Практические (семинарские) занятия

Таблица 3

Список тем практических (семинарских) занятий

№ п/п	Название темы	Объем часов	
		Очная форма	Заочная форма
1.	Зарождение христианской педагогики	2	2
2.	Церковно-педагогическая мысль XVII-XVIII веков	2	
3.	Педагогические воззрения отцов и учителей Русской православной церкви в XIX веке	2	
4.	Отражение идеалов православной педагогики в работах Н.И. Пирогова и В.О. Ключевского	4	
5.	Педагогическое наследие К.Д. Ушинского в контексте	2	2

	православной педагогики		
6	Философско-историческое и антропологическое обоснование идеалов православной педагогики в трудах русских религиозных философов конца XIX века начала XX века	2	2
7	Церковно-педагогическая мысль конца XIX - начала XX века	2	2
8	Православная педагогика протоиерея Василия Зеньковского	4	2
9	Религиозно-нравственное воспитание личности в ЛНР	2	
Итого:		22	10

4.5. Лабораторные работы - не предусмотрены

4.6. Самостоятельная работа студентов

Таблица 4

Список тем по самостоятельной работе студентов

№ п/п	Название темы	Вид СРС	К-во часов (дневная)	К-во часов (заочная)
1	Составление плана работы по духовно-нравственному воспитанию учащихся на один учебный год в общеобразовательной школе	Защита проектов	20	25
2	На основе анализа: а) статей за последние 5 лет в журналах «Вестник ПСТГУ. Серия «Педагогика и психология», «Педагогика», «Воспитание школьника» б) диссертационных исследований подготовить сообщение о направлениях развития	Защита и обсуждение сообщения	20	25

	теоретической мысли в православной педагогике			
3	Подготовить аннотацию на одну из статей, касающуюся проблем православной педагогике	Аннотирование литературы	10	15
4	Подготовить презентацию об опыте религиозно-нравственного воспитания личности в ЛНР (индивидуальный проект)	Презентация проектов	22	25
Итого:			72	90

4.7. Курсовые работы - не предусмотрены

5. Образовательные технологии.

Для реализации различных видов учебной работы по дисциплине «Православная педагогика» используются следующие образовательные технологии: лекция, семинар, проблемное обучение, метод проектов.

При реализации различных видов учебной работы применяются информационные технологии с использованием ресурсов Интернета, электронных учебников и справочников, консультации с преподавателем через электронную почту.

Для развития таких личностных качеств студентов, которые будут способствовать их профессиональной и социальной мобильности; готовности выполнять определенные функции на практических занятиях используются интерактивные формы обучения, в том числе, групповая работа в малых группах. Попадая в условия обучения в малых группах, обучающиеся принимают участие в процессе организованного саморазвития своих сокурсников, помогая им в анализе их личных затруднений и потребностей. Тем самым повышается познавательная активность участников процесса за счет создания мотивационной готовности к межличностному взаимодействию, многомерного освоения учебного материала.

6. Формы контроля освоения дисциплины.

В процессе освоения содержания дисциплины предполагается организация как индивидуальной, так и групповой самостоятельной работы студентов. Самостоятельная работа студентов слагается из следующих основных элементов:

- работа с учебно-методической литературой (подбор, изучение, анализ и конспектирование рекомендованной литературы, самостоятельное изучение отдельных тем);

- работа с информационными компьютерными технологиями (поиск информации, выполнение тестовых заданий, обмен информацией, обсуждение решения задач в списке рассылки группы);

- подготовка к практическому занятию (чтение и анализ литературы, подготовка презентаций);

- подготовка к зачету.

Текущая аттестация студентов производится в следующих формах:

Итоговый контроль по результатам освоения дисциплины проходит в форме письменного зачета.

Таблица 5

Баллы, которые получают студенты дневной формы обучения по результатам семинарских занятий

№	Работа на семинарских занятиях	Кол-во часов	Баллы
1	Тема 1	2	5
2	Тема 2	2	5
3	Тема 3	2	5
4	Тема 4	4	5
5	Тема 5	2	5
6	Тема 6	2	5
7	Тема 7	2	5
8	Тема 8	4	10
9	Тема 9	2	5
	Итого	22	50

Таблица 6

Баллы, которые получают студенты дневной формы обучения по результатам самостоятельной работе студентов

№	Самостоятельная работа студента	Кол-во часов	Баллы
1	Тема 1	20	10
2	Тема 2	20	10
3	Тема 3	10	15
4	Тема 4	22	15
	Итого	72	50

Таблица 7

Общие баллы, которые получают студенты дневной формы обучения по результатам освоения дисциплины

	Вид текущей учебной работы	Количество баллов	
		ДФО	ЗФО
1	Работа на семинарских занятиях	50	
2	Самостоятельная работа	50	
3	Итого	100	

7. Учебно-методическое и программно-информационное обеспечение дисциплины

а) основная литература:

1. Абрамов, С.И. Духовно-нравственное воспитание школьников в системе дополнительного образования в условиях малого города: дис. ... канд. пед. наук / С.И. Абрамов. – М., 2010. – 234 с.

2. Абрамов, Я.В. Наши воскресные школы: их прошлое и настоящее / Я.В. Абрамов. – СПб.: тип. М. Меркушева, 1900. – 352 с.

3. Агафонова, Г.З. Духовно-нравственные традиции отечественного начального образования второй половины XIX - начала XX вв.: на примере церковноприходских школ: дис. ... канд. пед. наук / Г.З. Агафонова. – Чебоксары, 2006. – 197 с.

4. Александрова, Т.Л. Преподобный Иосиф Волоцкий и созданная им обитель / Т.Л. Александрова, Т.В. Суздальцева. – М.: Северный паломник, 2001. – 47 с.

5. Амфилохий (Радович Ристо; митр. Черногорский и Приморский). Человек – носитель вечной жизни / митр. Амфилохий (Радович); пер. с серб. С. Луганской. – М.: Срет. монастырь, 2005. – 302 с.

6. Ананичев, А.С. Специфика социально-педагогической деятельности православных религиозных центров: на опыте Троице-Сергиевой Лавры: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.С. Ананичев. – М., 2002. – 22 с.

7. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства, XIV-XVII вв. / АПН СССР; [Сост., биогр. очерки, коммент. С. Д. Бабишина, Б. Н. Митюрлова; Вступ. ст. Д. С. Лихачева, Г. М. Прохорова]; Редкол. тома: С. Ф.Егоров и [др]. – М.: Педагогика, 1985. – 367 с.

8. Антология педагогической мысли России второй половины XIX - начала XX в. / П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1990. – 603 с.

9. Асанова, Л. И. Проблемы духовно-нравственного воспитания в философско-педагогическом наследии И.А. Ильина: 1883-1954: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Л.И. Асанова. – Н. Новгород, 2005. – 23 с.

10. Багге, М.Б. Школа С. А. Рачинского как педагогическая система: дис. ... канд. пед. наук / М.Б. Багге. – СПб., 1999. – 206 с.

11. Басов, Н.Ф. Деятельность Православной Церкви по призрению нуждающихся в Костромской губернии конца XIX – начала XX века / Н.Ф. Басов // Вестник ПСТГУ. Серия «Педагогика. Психология». – 2010. – № 2 (17). – С. 96-107.

12. Безрогов, В.Г. Педагогика и религиозная традиция / В.Г.Безрогов // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии РАО. Вып.1. – М., 2001. – С. 105–124.

13. Безрогов, В. Г. Становление образовательных традиций христианской школы в I-V веках: автореф. дис. докт. пед. наук/ В.Г. Безрогов. – М., 2004. – 42 с.

14. Безрогов, В.Г. Станьте как дети: Педагогические идеи Нового завета / В.Г. Безрогов // Педагогика. – 2002. – №4. – С. 55–62.
15. Беленчук, Л.Н. История отечественной педагогики. / Л.Н. Беленчук. - М.: ПСТГУ, 2005. – 182 с.
16. Беленчук, Л.Н. Концепции национального воспитания на рубеже 19-20 вв. / Л.Н. Беленчук // Педагогика. – 1999. – №5. – С. 89–93.
17. Белозерцев, Е.П. Образование: историко-культурный феномен: Курс лекций / Е.П. Белозерцев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 702 с.
18. Бердяев, Н.А. О назначении человека / Н. А. Бердяев. - М.: Республика, 1993. – 382с.
19. Бердяев, Н.А. Проблема человека (к построению христианской антропологии) / Н.А. Бердяев // Ступени: филос. журн. –1991. – №1. – С. 90–95.
20. Беседа преподобного Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни / [предисл. Н. П. Попова]. - Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, 2010. – 125 с.
21. Болбас, В.С. Нравственно-просветительские идеи Кирилла Туровского / В.С. Болбас // Педагогика. - 1999. – №3. – С. 91-95.
22. Булгаков, С. Н. Избранное / С. Н. Булгаков; сост., авт. вступ. ст.: О. К. Иванцова; авт. коммент.: В. В. Сапов, Д. С. Новоселов. – М.:РОССПЭН, 2010. – 734 с.
23. Важеркина, И. В. Философско-педагогические идеи Игнатия Брянчанинова в контексте современных проблем духовно-нравственного воспитания: автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. В. Важеркина. – Рязань, 2010. – 20 с.
24. Видякова, З.В. Педагогика и антропология в учении святителя Тихона Задонского: учеб. пособие для

студентов пед. вузов / З.В. Видякова. – М.: Пересвет, 2004 – 47 с.

25. Видякова, З. В. Становление русской школы: теория и практика (с древнейших времен до Октябрьской революции 1917 г.) / З.В. Видякова. – Липецк: ЛГПИ, 2000. – 192 с.

26. Владиславлев, В.Ф. Уроки по классу христианской педагогики для воспитанниц женских гимназий и наставниц народных школ / В. Ф. Владиславлев. – М.: Бр. Салаевы, 1875. – 200 с.

27. Гагаев, А.А. Педагогика русской богословской мысли / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. – Пенза: Изд-во ПГПУ, 2011. – 127 с.

28. Гагаев, А.А. Педагогическая система учебника. Русские философско-педагогические учения XVIII-XX веков: культурно-исторический аспект / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев. – Саранск: [Б. и.], 2009. – 255с.

29. Гагаев, П.А. Культурно-исторический аспект развития отечественных философско-педагогических учений XVIII - XX веков: дис. ... докт. пед. наук / П.А. Гагаев. – Волгоград, 2000. – 518 с.

30. Гатилова, Н.Н. Духовно-нравственное воспитание человека в трудах святителя Игнатия Брянчанинова: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Н.Н. Гатилова. – Курск, 2006. – 27 с.

31. Григорий Богослов (свят.). Слово на Богоявление / Свт. Григорий Богослов // Творения. Т. 1. – СПб., б. г. – С. 522– 44.

32. Данилюк, А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России / А.Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В.А. Тишков. – М.: Просвещение, 2009. – 23 с.

33. Демков, М.И. История русской педагогики / М.И. Демков. – М.: изд. авт., 1913. Ч.1. – 302 с.

34. Демков, М.И. История русской педагогики / М.И. Демков. – М.: изд. авт., 1910. Ч.2. Новая русская педагогика. – 627 с.

35. Дивногорцева, С.Ю. Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры / С.Ю. Дивногорцева. – М.: ПСТГУ, 2007. – 237 с. – (15 п.л.).

36. Дивногорцева, С.Ю. Становление и развитие православной педагогической культуры в России / С.Ю. Дивногорцева. – М.: ПСТГУ, 2010. 261 с. – (16,5 п.л.).

37. Дивногорцева, С.Ю. Православная педагогическая культура в России: историко-теоретический анализ / С.Ю. Дивногорцева. – Saarbruecken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. – 394 с. – (17,3 п.л.).

38. Димитрий, митр. Ростовский и Ярославский. Алфавит духовный / свят. Димитрий Ростовский. – М.: Сибирская благовонница, 2010. – 235 с.

39. Додонов, В.И. Теоретико-методологические основы духовно-нравственного развития личности в наследии русских философов конца XIX-начала XX в. / В.И. Додонов. – М.: ИТПИМИО, 1994. – 140 с.

40. Дойникова, Н.А. Социальное служение Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX в.: на материалах Вологодской епархии: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. А. Дойникова. М., 2006. – 188с.

41. Домострой: силвестровский извод / пер. Н. Борисовой. – М.: Гранд-Фаир, 2011. – 239 с.

42. Дорофей (авва). Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка: Репринт. изд. –

М.: Моск. подворье Свято-Успен. Псково-Печер. монастыря: Правило веры, 1995. – 315 с.

43. Евсевий (Орлинский). О воспитании детей в духе христианского благочестия / Евсевий Орлинский – М.: тип. Ав. Семена при Мед.-хирург. акад., 1844. – 400 с.

44. Ельчанинов, А.В. По страницам книги Святого праведного Иоанна Кронштадтского "Моя жизнь во Христе": избранные места, систематически расположенные / свящ. А. Ельчанинов. – М.: Изд-во Московского подворья СвятоТроицкой Сергиевой Лавры, 2006. – 189 с.

45. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. – М.: Неугасимая лампада: Артос-Медиа, 2007. – 302 с.

46. Житие святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца - 3-е изд. – Одесса: Тип. и хромолит. Е.И. Фесенко, 1914. – 36 с.

47. Захарченко, М.В. Школа в педагогической культуре Древней Руси. Методический очерк в помощь педагогу-практику и педагогу-исследователю / М.В. Захарченко // Вестник ПСТГУ. Серия «Педагогика. Психология». – 2008. – №3 (10). – С. 37– 48.

48. Зеньковский, В.В. Педагогика / В.В. Зеньковский. – М.: Православ. Свято-Тихон. богослов. ин-т.– Париж, 1996. – 153 с.

49. Зеньковский, В.В. Педагогические сочинения / Прот. В. Зеньковский // Сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. - Саранск: Тип. Красный Октябрь, 2002. – 806 с.

50. Зеньковский, В.В. Проблемы воспитания в свете христианской антропологии / В.В. Зеньковский. – М.: Школа-пресс, 1996. – 271 с.

51. Зеньковский, В.В. Русская педагогика в XX веке / Прот. В. Зеньковский // Педагогика. – 1997. – №2. – С. 73–89.

52. Зеньковский, В.В. Социальное воспитание, его задачи и пути / Прот. В. Зеньковский. – М.: Моск. просвет. комиссия, 1918. – 91 с.

53. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П.Н. Зырянов. – М.: Вербум-М, 2002. – 319 с.

54. Игнатий (Брянчанинов) (свт.). Сочинения: в 7т. / Святитель Игнатий (Брянчанинов). – М.: Правило веры: Дон. монастырь, 1993. – Репринт. изд.

55. Игнатов, А.А. Педагогические воззрения и практика духовного воспитания святителя Феофана Затворника: дис. ... канд. пед. наук / А.А. Игнатов. - Курск , 2004. – 151с.

56. Ильин, И.А. Аксиомы религиозного опыта: Исследование: Т. 1-2 / И. А. Ильин. – М.: ТОО "Рарог", 1993. – 448 с.

57. Ильминский, Н. И. Беседы о народной школе / Н.И. Ильминский. - СПб.: Синод. тип., 1889. – 40 с.

58. Иоанн Златоуст (свт.). Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. – СПб., 1895. – Т. 9.

59. Иоанн Маслов (схиархим.). Святитель Тихон Задонский и его учение о спасении; Статьи разных лет / Схиархимандрит Иоанн (Маслов). – М.: АОЗТ «Самшит», 1995. – 508 с.

60. История образования и русская православная церковь: Хрестоматия в 2 ч.: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению подгот. бакалавров и магистров "Педагогика" / Авт.-сост. М.Н. Костикова. Белгород: – Изд-во Белгор. гос. ун-та , 2000. – 162 с.

61. История педагогики и образования. От зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: учеб. пособ. для пед. уч. завед. : учеб. пособ. для студ. пед. вузов / А. И. Пискунов и [др.]; под общ. ред. А. И. Пискунова. - 3-е изд., испр. и доп. – М.: Сфера, 2006. – 491 с.

62. Калачева, В. А. Гуманистическая направленность педагогических воззрений святителя Иоанна Златоуста в православной педагогике: дис. ... канд. пед. наук / В.А. Калачева. - Петрозаводск, 2003. – 191 с.

63. Каледа Глеб, прот. Домашняя Церковь / прот. Глеб Каледа. - М.: Изд-во Зачатьевского монастыря, 2001. – 283 с.

64. Каледа Глеб, прот. Задачи, принципы и формы православного образования в современных условиях / прот. Глеб каледа // Отцы, матери, дети. Православное воспитание и современный мир. – М.: Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2001. – С. 6–25.

65. Каптерев, П. Ф. Значение христианства в постановке первоначального воспитания и христианские теории / П.Ф. Каптерев. – СПб: тип. М.М. Стасюлевича, 1900. - 32 с.

66. Каптерев, П. Ф. История русской педагогики / П. Ф. Каптерев. – СПб.: Алетейя , 2004. – 559 с.

67. Карунин, Е.А. Педагогическое наследие Сергия Радонежского: духовно-нравственный аспект воспитания: дис. ... канд. пед. наук / Е.А. Карунин. – М., 2000. – 112 с.

68. К. Д. Ушинский и русская школа: Беседы о великом педагоге / Е. П. Белозерцев и [др.]; Под общ. ред. Е. П. Белозерцева. - М.: Роман-газета, 1994. – 189 с.

69. Кедров, Н.И. Преподобный Сергей Радонежский и основанная им Троице-Сергиева лавра / Н. Кедров. – М.: Комис. по устройству чтений для моск. фабрично-заводских рабочих, 1906. – 57 с.

70. Кедров, Н.И. Просветительная деятельность Троице-Сергиевой Лавры за первые три века ее существования: (Крат. ист. очерк) / Н. Кедров. М.: Тип. А.И. Снегиревой, 1892. – 70 с.

71. Киреевский, И.В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России / И.В. Киреевский // Полное собрание сочинений И.В. Киреевского: в 2 т. / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1. – Москва: Путь, 1911.- 289 с.

72. Климент Александрийский. Педагог, творение учителя церкви Климента Александрийского / С первонач. текста пер. с примеч. Н. Корсунского. - Ярославль: тип. губ. зем. управы, 1890. – 348 с.

73. Ключевский, В.О. Два воспитания. В кн. Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. Т. 9. Материалы разных лет / Под ред. В.Л. Янина; Послесл. и коммент. Р.А. Киреевой. - М.: Мысль, 1990. – С. 5– 28.

74. Кошелева, О.Е. "Свое детство" в Древней Руси и в России эпохи просвещения [XVI-XVIII вв]: учеб. пособие по пед. антропологии и истории детства / О.Е. Кошелева. - М.: Изд-во УРАО, 2000. – 319 с.

75. Криворотова, Т.А. Идея русской национальной школы в отечественной педагогике второй половины XIX-начала XX века: дис. ... канд. пед. наук / Т.А. Криворотова. – Н. Новгород, 2003. – 171 с.

76. Кудалева, Т. А. Педагогические идеи С.С. Уварова и их значение для российского образования: дис. ... канд. пед. наук / Т.А. Кудалева. – М., 2008. – 172 с.

77. Лавровский, Н. А. Памятники старинного русского воспитания / Н.А. Лавровский. – М., 1861. – 71 с.

78. Лихачев, Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV- начало XV веков) / Д.С. Лихачев. – М.-Л.: изд-во Академии наук СССР, Ленинградское отд-ние, 1962. – 172 с.

79. Лихачев, Д.С. Литература времени национального подъема / Д.С. Лихачев // Памятники литературы Древней Руси. Кн.4. XIV - середина XV века. / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. – М., 1981. – С. 5–20.

80. Лихачев, Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д.С. Лихачев. – М.-Л.: изд-во Академии наук СССР в Лгр., 1947. – 499 с.

81. Миролубов, Н. Педагогические воззрения святых отцов и учителей церкви / Н. Миролубов. – Харьков: тип. Губ. правл., 1900. – 190 с.

82. Миропольский, С. И. Очерк истории церковно-приходской школы: от ее возникновения на Руси до настоящего времени / С.И. Миропольский. – М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. – 405с. – Репринт. изд.

83. Модзалевский, Л. Н. Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен: учеб. пособие для студентов высш. и сред. спец. учеб. заведений / Л.Н. Модзалевский. – СПб.: Алетейя, 2000. – Ч.1. – 425с., Ч. 2. – 489с.

84. Никитская, Е. А. Православная воскресная школа как воспитательная организация: дис. ...канд. пед. наук / Е.А. Никитская. – М., 2009. – 199 с.

85. Одоевский, В. Ф. Избранные педагогические сочинения / В.Ф. Одоевский // Под ред. В. Я. Струминского. - М.: Учпедгиз, 1955. – 369 с.

86. Осовский, Е.Г. Педагогическая наука в Российском зарубежье: истоки и ориентиры / Е.Г. Осовский // Педагогика. – 1997. – №4. - С. 88–94.

87. Отец Павел Флоренский о воспитании: золотой фонд педагогики / Сост.- редактор А.П. Фурсов: – М.: Школьная Пресса, 2004. – 192 с.

88. Педагогика русского зарубежья: Хрестоматия: Пособие для пед. ун-тов, ин-тов и колледжей / Сост. Е. Г. Осовский, О. Е. Осовский. – М.: Ин-т практ. психологии, 1996. – 528 с.
89. Педагогическое наследие русского зарубежья, 20-е гг.: [Сборник: Кн. для учителя] / Сост. и авт. вступ. ст. П. В. Алексеев. - М.: Просвещение, 1993. – 288 с.
90. Пестов, Н.Е. Путь к совершенной радости. Воспитание детей / Н.Е. Пестов. – Клин: «Христианская жизнь», 2003. – 174 с.
91. Петракова, Т. И. Духовные основы нравственного воспитания / Т.И. Петракова. – М.: Импэто, 1997. – 94 с.
92. Петров, В.М. Московская Русь: пути просвещения (15-16 века) / В.М. Петров // Педагогика. – 1997. – №3. – С. 57–61.
93. Петров, В.М. Московские учителя 14 столетия / В.М. Петров // Педагогика. - 1997. – №2. – С. 90–94.
94. Петров, В.М. Три Епифания в педагогической мысли Московской Руси / В.М. Петров // Педагогика. – 1997. – №6. – С. 88–92.
95. Пирогов, Н.И. Избранные педагогические сочинения / Н. И. Пирогов. – М.: Педагогика, 1985. – 496 с.
96. Победоносцев, К. П. Московский сборник / изд. К. П. Победоносцева. - Изд. 5-е, доп. М.: Синодальная тип., 1901. – 366 с.
97. Победоносцев, К.П. Письма Победоносцева к Александру III / с предисл. М. Н. Покровского; Центрархив. Т. 2. [1883-1894 гг.]: с приложением писем к в. кн. Сергею Александровичу и Николаю II, 1926 – [2] – 384 с.
98. Победоносцев, К.П. Ученье и учитель / К.П. Победоносцев. – М.: Синод тип., 1903. – 61 с.

99. Повесть временных лет // Ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л., – 1950.

100. Полоцкая, Е. В. Социальное воспитание детей-сирот в православном приюте: дис. ... канд. пед. наук / Е.В.Полоцкая. – Кострома, 2006. – 246 с.

101. Поляков, Д. Д. Соборность как основа философии образования о. Сергия Булгакова: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Д.Д. Поляков. - Елец, 2006. – 24 с.

102. Попов, Т. Д. Святитель Тихон Задонский и его нравоучение / Свящ. Тихон Попов. – М.: типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1916. – 415 с.

103. Послание архиепископа Новгородского Геннадия (ок.1500 г.). Акты исторические. – СПб., 1841 г., N 104.

104. Посошков, И. Т. Завещание отеческое к сыну: (С прил. подлинного снимка) / Соч. Ивана Посошкова; Открыто и изд. Андреем Поповым. – М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1873. – XVI, 247 с.

105. Протопопов, С. Поучения детям Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений на Руси в татарскую эпоху / С. Протопопов // Журнал Мин. народ. обр. – М., 1874. – Ч. XXI.

106. Рачинский, С.А. Сельская школа: Сб. ст. / С. А. Рачинский. - М.: Педагогика, 1991. – 173с.

107. Розанов, В.В. Сумерки просвещения: сборник статей по вопросам образования / В. В. Розанов. – СПб.: Изд. П. Перцова, 1899. – 240 с.

108. Склярова, Т. В. Воспитательная концепция в современном российском обществе: теория, история и перспективы / Т.В. Склярова // Образование. – 2004. – № 9.– С. 18-24.

109. Склярова, Т.В. Традиции и современное состояние православного воспитания в России: автореф. дис....к. п. н. / Т.В. Склярова. – М., 1995. – 18 с.

110. Скурат, К.Е. Православные основы культуры в памятниках литературы Древней Руси / К.Е. Скурат. – М.: Издательский дом «Покров», 2003. – 128 с.

111. Слостенин, В.А. К.Д. Ушинский: онтологические основания православной педагогики. – М. – Ярославль, 2004. – 10 с.

112. Смолич, И.К. Русское монашество, 988-1917: Возникновение, развитие и сущность; Жизнь и учение старцев: Путь к совершенной жизни / И.К. Смолич. – М.: Церков.-науч. центр "Православ. энцикл.", 1997. – 606с.

113. Соловьев, В.С. Оправдание добра / В. С. Соловьев. – М.: Республика, 1996. – 478 с.

б) дополнительная литература

114. Стеклов, М.Е. Школьный апостол (С.А. Рачинский) / М.Е. Стеклов // Педагогика. – 1998. – №2. – С. 64–70.

115. Сурова, Л.В. Православная школа сегодня: Кн. для учащихся и учащихся / Л. В. Сурова. – М.: Изд-во Владим. епархии, 1996. – 495с.

116. Татищев, В. Н. Духовная тайного советника и астраханского губернатора Василия Никитича Татищева: Сочиненная в 1773 году сыну его Евграфу Васильевичу. – СПб.: Тип. Сухопут. кадет. корпуса, 1773. – 60 с.

117. Тихон Задонский (свт.). Собрание творений. Т. 1. Житие; Слова; Наставления; "Плоть и Дух", 2008. – 800 с.

118. Ушинский, К. Д. Воспитание человека: статьи, произведения для детей / К. Д. Ушинский; Сост. и авт. вступ. ст. С. Ф. Егоров. – М.: Карапуз, 2000. – 255 с.

119. Ушинский, К.Д. О народности в общественном воспитании // К.Д.Ушинский. Педагогические сочинения: в 6 т. Сост. С.Ф. Егоров. – М., 1988. – Т.1. – С. 194–257.

120. Ушинский, К. Д. Педагогические сочинения: в 6 т. Сост. С.Ф. Егоров. – М., 1988. – Т.2. – 496 с.

121. Ушинский, К.Д. Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. / К. Д. Ушинский. – М.: Фаир-Пресс, 2004. – 574 с.

122. Фаддей (Успенский), архиеп. Творения. Кн. 2. Записки по дидактике./ Архиепископ Фаддей (Успенский). - Тверь: Твер. полигр. комб. дет. лит., 2003. – 335 с.

123. Феофан Затворник (еп). Мысли на каждый день года по церковным чтениям из Слова Божия / Святитель Феофан Затворник Вышинский. – М.: Покров, 2003. – 442 с.

124. Феофан Затворник (еп). Путь ко спасению: Крат. очерк аскетике: 3-я ч. Начертания христианского нравоучения : В 3 отд. / Соч. еп. Феофана. – 9-е изд., Афон. Рус. Пантелеимонова монастыря. – М.: типо-лит. И. Ефимова, 1908. – 346 с.

125. Феофан Затворник, (свт). Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?: Собр. писем / Святитель Феофан Затворник. - М.: Правило веры, 2003. – 337 с.

126. Восточные отцы IV-го века / Г. В. Флоровский. – Репринт. изд. – М.: ПАИМС, 1992. – 23 с.

127. Франк, С.Л. Духовные основы общества: [Сборник / С. Л. Франк; Сост. и авт. вступ. ст. П. В. Алексеев]. – М.: Республика, 1992. – 510 с.

128. Хомяков, А.С. Об общественном воспитании в России / А.С. Хомяков // Антология педагогической мысли России I половины XIX века / АПН СССР; [Вступ.ст.с.7-26, биограф. очерки, сост. и коммент. П.А. Лебедева]. – М.: Педагогика, 1987. – С. 500–512.

129. Хомяков, А. С. О старом и новом: Ст. и очерки / А. С. Хомяков; [Сост., вступ. ст., с. 5–40, и коммент. Б. Ф. Егорова]. – М.: Современник, 1988. – 461 с.

130. Шестун. Евгений (протоиер.). Православная семья: Советы настоятеля самар. храма в честь преподоб. Сергия Радонежского, канд. пед. наук протоиерея Евгения Шестуна / Протоиерей Е. Шестун. – Самара: Федоров, 2000. – 269 с.

131. Шестун, Евгений (протоиер.). Православная педагогика: учеб. пособие для студентов вузов и для духов. шк. / Протоиерей Евгений Шестун. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Про-Пресс. Ред. "Православ. педагогика", 2002. – 575 с.

132. Шестун, Е. В. Православные традиции духовно-нравственного становления личности: историко-теоретический аспект: автореф. дис. ... докт. пед. наук / Е. В. Шестун. – Казань, 2006. – 40 с.

133. Юркевич, П.Д. Курс общей педагогики с приложениями / П.Д. Юркевич. – М.: Тип. Грачева и К., 1869. – XVI, 404 с.

134. Янушкявичене, О.Л. Историко-педагогический анализ становления и развития теории духовного воспитания подрастающих поколений: дис. ... докт. пед. наук. / О.Л. Янушкявичене. – М., 2009. – 429 с.

Список источников из сети Интернет

1. Библиотека Гумер. - http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/Djurin/04.php
2. Электронная библиотека ПСТГУ – <http://pstgu.ru/library/>
3. Вестник ПСТГУ. Серия «Педагогика и психология» - <http://pstgu.ru/scientific/periodicals/bulletin/IV/>
4. Вера и время: <http://verav.ru/>
5. Всемирная история. - http://www.world-history.ru/persons_about/661.html

6. Джуринский А.Н. История зарубежной педагогики: Учебн. пособие для вузов. - М.,1998. - http://www.pedlib.ru/Books/1/0345/1_0345-124.shtml
7. Педагогика - <http://www.portal-slovo.ru/>
8. Коллекция : История Образования. - <http://museum.edu.ru/catalog.asp>

8. Материально-техническое обеспечение дисциплины

Лекционные занятия: комплект электронных презентаций /слайдов, аудитория, оснащенная презентационной техникой (проектор, экран, компьютер/ноутбук);

Практические занятия: компьютерный класс, презентационная техника (проектор, экран, компьютер/ноутбук);

Прочее: рабочее место преподавателя, оснащенное компьютером с доступом в Интернет, рабочие места студентов, оснащенные компьютерами с доступом в Интернет, предназначенные для работы в электронной образовательной среде.

РАЗДЕЛ 3

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ К СЕМИНАРСКИМ ЗАНЯТИЯМ И САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СТУДЕНТОВ

1. Методические рекомендации к семинарским и практическим занятиям

Семинар 1. Зарождение христианской педагогики (2 часа)

План

1. Анализ практики ветхозаветного воспитания по книгам притч Соломоновых и Премудрости Иисуса, сына Сирахова.
2. Педагогические мотивы в проповедях Господа нашего Иисуса Христа.
3. Анализ учения о человеке апостола Павла.
4. Ветхозаветная и новозаветная педагогика: преемственность и особенности целей, содержания, методов и средств воспитания.

Семинар 2. Церковно-педагогическая мысль XVII-XVIII веков(2 часа)

План

1. Жизненный путь и педагогическая деятельность митрополита Димитрия Ростовского.
2. Педагогические идеи в работах святителя Тихона Задонского. Наставления и советы родителям о воспитании детей.
3. Анализ идей духовно-нравственного воспитания личности в трудах святителя Игнатия Брянчанинова.

Семинар 3. Педагогические воззрения отцов и учителей Русской православной церкви в XIX веке (2 часа)

План

1. Жизнь, служение и педагогическая деятельность святителя Филарета, митрополита Московского. Святитель Филарет о воспитании и школьном образовании (работы «Отзывы и мнения», «Слова и речи»).

2. Жизнь, служение и педагогическая деятельности святителя Феофана Затворника. Анализ педагогических идей святителя Феофана в книгах: «Добротолубие», «Начертания христианского нравоучения», «Путь ко спасению» и др.

Семинар 4. Отражение идеалов православной педагогики в работах Н.И. Пирогова и В.О. Ключевского (4 часа)

План

1. Анализ статей Н.И. Пирогова «Школа и жизнь», «Вопросы жизни», «Быть и казаться».

2. Анализ статьи В.О. Ключевского «Два воспитания».

Семинар 5. Педагогическое наследие К.Д. Ушинского в контексте православной культуры (2 часа)

План

1. Мировоззренческие позиции и общественно-педагогическая деятельность К. Д. Ушинского.

2. Идея народности в воспитании как основа педагогической системы К. Д. Ушинского (анализ статьи «О народности в общественном воспитании»). Факторы народности. К. Д. Ушинский о роли нравственного компонента в воспитании.

3. К. Д. Ушинский о воспитании «внутреннего человека» (анализ статьи «О камеральном образовании»).

4. Дидактические взгляды К. Д. Ушинского и его требования к учителю.

5. Отношение К. Д. Ушинского к зарубежным теориям воспитания и обучения.

Семинар 6. Философско-историческое и антропологическое обоснование идеалов православной педагогической культуры в трудах русских религиозных философов конца XIX века- начала XX века (2 часа)

План

1. Жизненный путь П.Д. Юркевича. 2. Анализ работы «Курс общей педагогики с приложениями» П.Д. Юркевича. Христианство и воспитание. Обязанности родителей. Функции воспитания. Цель воспитания и цель жизни. Источники воспитания.

3. Педагогические идеи К.Н. Леонтьева. Анализ работы «Грамотность и народность».

4. Социальные задачи христианства в творчестве В.С. Соловьева. Анализ работы «Оправдание добра».

5. В.В. Розанов и его мысли о воспитании в очерке «Сумерки просвещения».

Семинар 7. Церковно-педагогическая мысль конца XIX – начала XX века (2 час)

План

1. Педагогические идеи св. прав. Иоанна Кронштадского в книге «Моя жизнь во Христе».

2. Жизненный путь и его педагогическая деятельность священномученика Фаддея (Успенского). Дидактические идеи свщм. Фаддея (Успенского).

3. Выборочный анализ работы «Записки по дидактике».

Семинар 8. Православная педагогика протоиерея Василия Зеньковского (4 часа)

План

1. Становление творческого пути В.В. Зеньковского в Киевском университете.
2. Анализ работы «Социальное воспитание: его пути и задачи».
3. Педагогическая деятельность и труды Зеньковского в эмиграции. Анализ работ «Психология детства», «Церковь и школа».
4. Анализ выборочных глав из книги прот. В. Зеньковского «Проблемы воспитания в свете христианской антропологии».
5. Зеньковский о религиозном обосновании педагогики.
6. Основные проблемы воспитания. Зеньковский о духовной жизни в разные периоды детства.
7. Принципы православной педагогики.

Семинар 9. Религиозно-нравственное воспитание личности в ЛНР (2 часа)

План

1. Государственная программа духовно-нравственного воспитания граждан ЛНР на 2017–2020 гг.
2. Цель и задачи духовно-нравственного развития и воспитания. Основные принципы организации духовно-нравственного развития и воспитания граждан в ЛНР.
3. Составление плана работы по духовно-нравственному воспитанию учащихся на один учебный год в общеобразовательной школе. Защита проектов.

1. Методические рекомендации к подготовке к семинарским и практическим занятиям

Участие в практических занятиях необходимым образом предполагает активную познавательную позицию студента, а это значит, что на каждое занятие студент должен приходиться подготовленным, т.е. он должен:

- владеть материалом занятия, изученным как на лекциях, так и самостоятельно по учебной литературе;
- иметь конспекты лекций и прочитанной литературы;
- подготовить ответы на вопросы к занятию и оформить их в виде кратких тезисов или плана.

В случае если при подготовке к семинарским занятиям у студента возникают какие-либо вопросы или затруднения, он должен задать их преподавателю на ближайшем занятии.

При подготовке к семинарским и практическим занятиям целесообразно воспользоваться следующей схемой

1. Изучить лекционный материал по теме занятия.
2. Ответить на вопросы для самопроверки, в случае затруднений задать их преподавателю на ближайшем занятии.
3. Прочитать и законспектировать литературу по теме занятия.
4. Составить список основных понятий, вводимых на занятии, и выписать их определения.
5. Подготовить план ответа на вопросы к занятию.
6. Выполнить самостоятельные задания к занятию.
7. Если в процессе подготовки к занятию возникают какие-либо затруднения, то подготовить список вопросов преподавателю.

2. Контрольные вопросы для итогового контроля

1. Ветхозаветные идеи о воспитании.
2. Христианский идеал, цель и задачи воспитания.
3. Педагогические идеи в трудах святых отцов и учителей Церкви (Тертуллиан, Климент Александрийский, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Иоанн Златоуст).
4. Православная педагогика в отеческих поучениях России («Поучение» Владимира Мономаха, Домострой, «Отеческое завещание сыну» И.Т. Посошкова, «Духовная моему сыну» В. Н. Татищева).
5. Идеи духовно-нравственного воспитания личности в трудах митрополита Димитрия Ростовского, святителя Тихона Задонского, святителя Игнатия Брянчанинова.
6. Епископ Евсевий (Орлинский) и его книга «О воспитании детей в духе христианского благочестия».
7. Церковно-педагогическая мысль России в XIX веке (святитель Филарет, митрополит Московский, святитель Феофан Затворник).
8. Педагогические идеи в наследии русских религиозных философов (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, К.С. Аксаков, П.Д. Юркевич, К.Н. Леонтьев, С.Н. Трубецкой, В.В. Розанов, В.С. Соловьев).
9. Философско-религиозное обоснование идеалов воспитания в статьях Н.И. Пирогова.
10. Взгляды на устройство сельской школы в России Л.Н. Толстого и С.А. Рачинского.
11. К.П. Победоносцев об устройении и содержании обучения в церковно-приходской школе.
12. Отражение православной педагогической культуры в творчестве К.Д. Ушинского.

13. Жизнь, педагогическая деятельность и воззрения священномученика Фадея (Успенского).

14. Педагогические идеи в наследии религиозных философов российского зарубежья (прот. Сергей Булгаков, С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин).

15. Православная педагогика прот. Василия Зеньковского.

16. Православная педагогическая культура в контексте социально-культурного служения Русской православной церкви.

17. Педагогика монастырского жительствова.

18. Этика педагогических отношений в православной педагогике.

19. Христианская антропология как мировоззренческий компонент православной педагогике.

20. Категориально-понятийный аппарат педагогике в контексте православной культуры.

21. Принципы организации педагогической деятельности в контексте православной педагогике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время созрела необходимость создания целостной концепции православной педагогики, в рамках которой будут сохраняться исконные духовно-нравственные, культурные, исторические и национальные традиции, при этом отвечающие требованиям современной педагогики. Это сложный вопрос, так как не всегда современная педагогика отвечает требованиям традиции. В некоторых случаях педагогические принципы имеют прямо противоположное назначение – разложение традиций, воспитание человека отчужденного от семьи (в ее нормальном, традиционном понимании), от других людей, от Отечества и от Церкви. Невооруженным взглядом видно насколько поразительно далекой от нормы, т.е. в сравнении с прежней жизнью, которую вели наши предки, стала современная жизнь. Так известный деятель Православной Церкви в XX веке о. Серафим (Роуз) называет эту жизнь «испорченной» и «избалованной», указывая на «избалованность» как наиболее меткую характеристику современной жизни. С младенчества ребенок представляет собой своего рода «божество», похоти которого удовлетворяются, в жертву которому приносится время, материальные средства и т.д. только лишь для того, чтобы он имел разнообразные развлечения, игрушки и ему было комфортно. Однако, основной особенностью становится постепенный отказ от понятия «долга» в воспитании, вместо этого ребенок воспитывается в соответствии с его собственными желаниями. И несмотря на то, что это встречается не везде, такой подход, тем не менее, достаточно частый в современном мире для того, чтобы стать правилом и общим местом воспитания детей.

Именно поэтому, христиане, занимающиеся педагогикой и воспитанием профессионально, а также

интересующиеся и готовящиеся к карьере педагога (воспитателя), должны обратить пристальное внимание на православную педагогику, в которой как нельзя лучше учитываются проблемы современности.

Учебное издание

Кирмач Галина Анатольевна

ПРАВОСЛАВНАЯ ПЕДАГОГИКА

*Учебно-методическое пособие
по дисциплине «Православная педагогика»
для магистрантов дневной и заочной форм обучения,
по направлению подготовки 44.04.01.
«Педагогическое образование»*

Оригинал-макет: Г. А. Кирмач

Подп. к печати 27.10.2017 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсет. Гарнитура Times New Roman.
Печать ризографичная. Усл. печат. лист. 11,85. Тираж 100 экз. Зак. № _____.

Издательство ГОУ ВПО ЛНР
«Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»
Свидетельство субъекта издательского дела МИ-СГР ИД 000001 от 29.10.2015 г.